

## ДЕНЬ РЫБАКА

Тяжело нависла над Рекой Деревня Рыбака. Неохватные тополя и вётлы отделили Деревню и Реку друг от друга. Крайние дома – добротные пятистенки с высокими оградами и крашенными железными крышами смотрели на Реку сквозь сирень палисадников светлыми, в бело-голубых окладах наличников и ставней, окнами. По илистому речному берегу расплзлась флотилия рыбацких лодок-плоскодонок, прикованных цепями к столбикам огородных заборов, вётлам, таловым кустам, а где и к нарочно вбитым стальным трубам. Через эти лодки, да ещё через тесовые плотики, что венчали каждый выходивший к воде переулочек, Деревня и общалась с Рекой. Был тут Рыбак, конечно, всего одним, из почти сотни таких же рыбаков. Не самый удачливый, а, как и многие, заядлый. Рыбачил он не как знаменитый пушкинский рыбак – тридцать лет и три года, а уж точно, лет на десять дольше, но золотой рыбки до сих пор так и не поймал. Уже и сила в руках не та и глаза не те, а душа рыбацкая всё та же. И зов Реки всё так же силён. Вроде найдёт Рыбак себе заделье, а зов этот только сильнее становится и уже невозможно противиться ему.

Впервые с осени просидел Рыбак дома. Истомился весь. Огород оттаял, но не вспахан, земля ещё не прогрелась...

И телевизор уже надоел Рыбаку... Починил утюг... Наточил ножи... Наплёл корзины... А Река-то всё зовет. За день до пяти раз выйдет Рыбак в огород на неё посмотреть. Полая вода широко разлилась, постояла с неделю, омывая берега, расчищая луга да покосы, последний лёд отодрала от кустов, а где и с кустами, и пошла потихоньку, на убыль.

Едва дождался Рыбак, в тайной надежде, своего дня рождения. И на удачу, день выдался теплый да солнечный, в самый раз для рыбалки. Отказать себе никак нельзя в такой-то день.

А с днём рождения у Рыбака, как и почти у всех сверстников, получилась целая история... Один день, по метрикам, другой – Мама сказала – по старому стилю, третий – сам всегда праздновал по стилю новому, да ещё и тот, когда крестили и именем нарекли. И понятно, что

Мамин, конечно, самый правильный и есть, только так всё уже запугалось за долгую жизнь... Но, став пенсионером, всё чаще стал задумываться Рыбак, раньше некогда было, как-то не до того всё. И так вышло, что Мамин день и стал его главным Днём рождения... Поздравлять такого именинника ну прямо беда. То скажет: «рано ещё», то «опоздали уж». Только в этот день хотелось и Рыбаку чего-то особенного. Немногие друзья, как водится, сами, без особых приглашений, конечно, зайдут вечером. Только что, для рыболова, если Река зовет, не унимается, а выбраться на Реку всё что-то мешает, может быть подарком лучшим, чем свежий речной ветер, да ожидание: «В раз да повезёт!». А тут первый тёплый день, ну как на заказ. И хворость-немочь отпустила уже, и кажется вновь вместе с Миром, возродился Рыбак. И получилось как-то само собой, что засобирался он на Реку.

– Не ходи, праздник ведь! – попросила Жена, в привычной уже тревоге. Только, конечно, поняла – уйдёт.

– Вот и нельзя не ходить раз праздник, – собираясь, возбуждённо объяснял Рыбак. – Как не пойти? Пойду. Да я не долго. Зовёт давно уж Река-то. Отмечусь только и домой.

Ближе к полудню, совсем распогодилось, пошёл Рыбак с веслом и сетью в мешке к Лодке, что с осени ждала его под горой у Реки. Припутанная крупной цепью к стальному пасынку-трубе, лежала она, белея просохшим днищем. Вода побыла около неё и ушла. Ил покрылся трещинками, подсыхая. Завылезали из него хилыми нежными побегими череда и крапива. Ивняки вокруг подёрнулись прозрачным зеленоватым дымком. Другие лодки, иные чаще, а иные реже, уже с месяц, сползали в Реку, плавали где-то, потом возвращались, а она всё ждала. И, наконец, дождалась.

Рыбак уже ходил к Лодке, когда снег в тихие дни только-только начал подтаивать на грязной дороге. Осмотрел, почистил от слежалого снега, остался доволен. Сейчас, ещё издали, с горы увидел он Лодку и прибавил шаг, будто заметил хорошего старого друга. Опрокинул, поставил на плоское днище. Уложил доску-сиденье. Сеть, сухую и легкую,

пышно белеющую пересохшими капроновыми нитками, бросил на переднюю дугу. Привычно разомкнул замок, отмотал цепь, перекинул её через плечо, и, скользя сапогами в жирном иле, поволок Лодку к воде. У берега в мокром мочале прошлогодней травы остановился, оглядывая простор. Макнул сеть, дал ей пропитаться мутной речной водой. Выволок, тяжёлую пенно струящуюся, к борту Лодки и стал не спеша, осторожно укладывать, выбирая мусор и распутывая узлы. Тетиву к тетиве, грузило к грузилу, поплавок к поплавку. Потом срубил в молоденьком ивняке, неподалёку, пару длинных упругих колышков. Уложил поверх сети. Столкнул Лодку в беспокойные ещё вешние речные воды, уселся сам.

А Река у борта, уже уставшая после половодья, журчит струями, вскипает в омутках, вспучиваясь пузырями, и закруживает водовороты, останавливает и стремится оттолкнуть Лодку в сторону. Оставляют силы Реку, и она могуче ворочается, укладывается в мягкое илистое ложе русла. К лету, и вовсе уснёт – обмелеет, потечёт мирно, собирая в заводях прозрачные тела подёнок, гусиный пух и всплывшую лепнями пузыристую илистую корку со дна. Заиграют на стрежи лохмотья лягушачьего платья – убежища рыбьей мелюзги и разных водяных букашек. Рыба разбредётся по ямам, и только лещи, после ненастья, заходят косяками, собирая смытый с берега мусор и вылавливая жирных прудовиков.

Покатилась вода. Протаяли ледовые заторы далёких северных излучин, пошла она, завершая круг к Океану. Каждый день убывает вода в Реке. «Не опоздать бы», – думает Рыбак, подправляя курс Лодки.

Берега ещё серы и пустынны. Совсем на них не видно зелени, а Солнце, всё равно, радостно играет в волне. И кричат, кричат вернувшиеся домой, и от этой ли радости, или от вечного неодолимого желанья – продлить род, или от вольной воли, стремительные кулики и крачки, проносятся над головой Рыбака или бегают суетно на тонких ножках, молча тыкаясь долгими клювиками в ил, ищут что-то и, наверняка, находят.

Влечёт поток Лодку с Рыбаком от родной Деревни. А душа рыбачья в нетерпении стремится ещё дальше. Туда, где естество её наполнится вольным ветром, станет легким и унесётся в ту неоглядную даль, из которой всё зовёт и зовёт Река.

«Рыбу, наверно, не найти уже...», – почти уверен Рыбак. Да и Бог с ней, с рыбой. Воля и Река, две силы соединились в торжественном призыве. Ошеломил он Рыбака, как всегда, по началу. Но обвыкается постепенно Рыбак, и мощь речного зова стихает, переходя в радостное приветствие. Рыбак осторожно гребёт, Лодка плавно скользит, не нарушая монолога Реки.

А даль манит. Вода ещё высока и многие пути пока открыты. Это летом тут едва хватит места, чтобы развернуться. Правит легко Рыбак по знакомым излучинам и озерам живущим ещё одной Большой Рекой. Убаюканный речным говорком, всё дальше, ведёт он свою Лодку, среди извилистых, иногда совсем не широких и пока легко проницаемых ивовых заплотов, что очертят совсем скоро старицы – жилища ленивых карасей и линей, и нечаянные западни шальных щук, окуней и ельцов.

Опять забыл Рыбак, что дома ждут его. Забыл, в который раз, о роковом свойстве времени неминуче уплотнять миг блаженства и нещадно раздувать срок страдания.

Часы, что для Рыбака пролетели, для его Жены тянулись нескончаемо. И прожито вместе уже больше трёх десятков лет, а каждый раз всё ждёт она его, успокаивая себя. Будильник, поставленный на виду немилосердно стучит, отмеряя Её ожидание. Забудется Жена Рыбака, а стрелки опять на виду, словно насмехаясь, ползут по своему кругу. «Уж не сломался ли?», – спрашивает она себя, погромче включая радио. А оно молчит. Всё верно, как раз перерыв вещания...

«Московское время четырнадцать часов...», – после сигнала бодро объявляет дикторша и начинает перечислять города огромной страны. «Нет, не сломался», – рушится наивная надежда. Ищет женщина занятие, лишь бы не слышать стука часов и не видеть их стрелок. Только, всё тянет к часам какая-то сила и кажется, так бы пошла туда на Реку, посмотрела:

«Как он? Может уже обратно правит?» Но всё не идёт. Говорит себе: «Не первый раз. Вспомни-ка...»

А вспомнить, и верно, есть что. Всякое уже было. И смех, и грех с рыбалкой этой его, да с охотой.

Не однажды под утро приходил Рыбак. Вот ждет его Жена. Всё нет. И не спится. И всё чудится. И свет зажечь боязно. Так и промается до рассвета. И только обомлеет чутким сном, а он и явится... Застучит виновато в ворота, заизвиняется.

А однажды, вот тот ещё случай-то был!.. Приехал Брат Жены Рыбака с семьёй в выходной из Города. Отгулы взяли, чтобы всю картошку враз выкопать и в яму засыпать. Ну и себе увезти, конечно. А Сам-то, за месяц ещё с мужиками договорился охотничать. Открытие охоты как раз на эту же субботу пришлось. Копают, а он, тоскливо так, из огорода, всё на Реку глядит. Уже больше половины огорода чернеет опустевшей сыроватой землёй. Быстро подается, Рыбак с Братом копают, женщины собирают, в кучки скидывают, чтобы картошка подсохла. Стали её в погреб-яму спускать. По два ведра мужики живо кучку вытаскали. А у следующей уже полные ведра стоят. Весело так-то... Рыбак унёс первую ходку, и вот нет его, вот нет. Брат понес свою пару вёдер да пошёл поглядеть, где он. Не нашёл, вернулся. До потёмок картошку спускали. Не появился Рыбак. Родня всякое уж заговорила. А она догадалась: «На Реке паразит». Точно, сапогов-болотников нет, ружья тоже. Уже к вечеру в воскресенье Рыбака домой привезли.

Долго молчал потом, хмурился, нервно дергал скулой. Матерился громким шёпотом по всякому поводу. Заговорить решился через день, заизвинялся опять. Простила, конечно, куда его денешь.

А ещё случай... Поехали Рыбак с его родным Братом с ночёвкой на Реку, на своё место. У них там шалаш был сделан. Взяли с собой мальчишку – общего племянника, лет восемь ему тогда было. Всё сделали как положено. Долго ли вдвоем-то. Сети поставили, дров нарубили,

уху сварили. Приготовили чай. Печёнки посадили в золу. У огня расстоловались. Брат бутылочку припас, опростали за ухой-то. А у него ещё одна оказалась. Разговорились, а потом и песни запели. А мальчишка посидел, ухи поел, чаю попил и полез в шалаш спать...

Рыболовы-то утром проснулись. Сами в шалаше, а как залезли, не помнят. Выбрались. Солнце уже высоконько. Скорей в лодки, да сети выбирать, на работу надо с утра-то. Летом в деревне не посачкуешь. Собрали всё, стали в мотоцикл грузиться, лодки на прицеп привязали. Тут и спохватились: «Нету парнишка-то...» Забегали по лугам. К воде сбегали. Нигде нет. Матерят друг друга, зовут его. Что делать? Как домой ехать? Человека потеряли... А он, из шалаша заспанный и объявился. Разбудили шум да беготня.

Оказалось, во сне, откатился под полого воткнутые колья. А мужики, спяну-то, его вовсе к кольям припечатали. На полу сено было, всего его прикрыло, много ли надо – ребёнка спрятать. Всё облазили братья, а в шалаше пошарить не догадались. Наказали племяннику: «Не говорить...», и сами долго никому не рассказывали. Только не утерпели, кто-то из них же, тоже не по трезвому делу, растрепал. Посмеялась с Рыбаком вместе тогда, а самой жутко стало. Как же, ребёнка потеряли, это же с ума сойти можно...

Или ещё. Года четыре уже прошло. Осенью ловил, в сентябре. Ждать его осенью – вот где наказанье-то. Темнеет рано, да такой исконной тьмой, что хоть глаза закрой, а всё одинаково будет. Спрашивала, как он рыбу-то находит. Говорит: «В сетке так, что её искать? Шаришь руками. Но зато и рыба сетку не видит». Долго опять его в тот раз не было.

– Что случилось? – спросила, обмерев, как увидела его.

– Я корабль видел, – шепчет он.

– Какой корабль? На нашей-то Реке? – даже засмеялась она тогда, подумала: «Выпили, поди, опять?»

– Космический. Пролетел на восход как раз. Я думал, Луна полная всходит, да засомневался. Вскходить-то на востоке должна, а это на западе появилось. Как уголье красное.

Смотрю, ко мне летит вроде. Над тальниками низко, кажется. Я в лодке был, скорее к берегу, да под кустом спрятался, а из лодки не выхожу, сижу не шевелюсь. Тихо стало вдруг. Над рекой пролетело, не понять толи рядом, толи далёко, толи большое оно, толи маленькое. Так же без звука в сторону Города и полетело, не стало его видно, а я пошевелиться боюсь. Затёк весь, осоловел будто. Так тоскливо стало. Умылся, сетку выбрал, да скорей в Деревню.

Толи правда, толи нет, как узнать? В те годы много про НЛО-то говорили. Может, и правда прилетали они. Сейчас, что-то замолчали. Наверно, не летают больше?

А бывало, наловит рыбы полнёхоньку лодку. И таскает её, таскает домой. Сваливает в тазы, в ведра. А потом весь день раздаёт родне и соседям. Всей семьёй чистили да солили.

В позапрошлом году, в июне вроде, быстёхонько прибежал. Вода с него ручьями льётся. Выпал. На стрежи, сослепу-то на сваю от старого моста наскочил. Лодка зачерпнула, не ожидал, ко дну ушла моментально... Переоделся в сухое, да обратно на Реку. Взял самодельный тройной крюк – кошку. Сеть выловил, рюкзак с рыбой не нашёл и Лодку до сумерек искал, замаялся... На третий день мужики привезли её, ладно знали чья. Неводом поддели, что-то сильно далёко её уволокло. Рыбак новую лодку уже основал. Всё приготовлено давно было. Когда Лодку привезли, начатое дело бросать не стал. Так две посудинки и получилось. Новую Лодочку под крышу сарая затолкал: «Пусть лежит пока». На своей «Сердешной» так и рыбачит.

А вот ещё... С Братом-то всё... С вечера, как-то убрались с боталами, чебаков погонять. Да всю ночь и ботали. Нагрузились, чуть вода не заливается. А рыба всё не убывает. Дадут тонь, опять полная сеть. Азартно. Поспорили ещё, выбрасывать или нет последнюю-то. Всё же выбросили. Пугнули. Опять сетка зашевелилась. Выбирают. Тут братова лодка, от перегруза, видно, острой кормой тихонько пошла ко дну. Ладно, не глубоко. Встал Брат на ноги, ему по грудь. Эх, и обрадовались чебаки! Зашумело от живых в воде-то, поплыли, белея боками уже

уснувшие по всей Реке. Вытащили лодку, сетку собрали, рыбу из Рыбаковой лодки разделили, утром оба с уловом вернулись.

\*\*\*

А Лодку с Рыбаком несет меж намечающихся уже берегов. Сетку Рыбак так ещё и не выбрасывал, да уж и не выставит наверно. Подумывал вернуться, а всё не решится развернуть Лодку. Всё манит Река, скрывает дали тальниковыми зарослями. А поглядеть охота. О будущих рыбалках мечтает Рыбак. Надо мосты и плотинки проверить, раз уж такое дело. Может, устояли в половодье? А потом и домой можно.

Река, как всегда весной, побушевала. Кое-где обвалились подмытые берега. У Деревни обрушились насыпи железного моста. Да и тут, что-то больно сильное течение. Насторожиться бы Рыбаку, да так чудно греет Солнышко, рябь на воде так мирно играет лучами его. Кажется, избыты в Мире всякие подлость и суета.

Не заметил Рыбак опасной стремнины. Увлёкся звуками, красками и запахами оживающего Речного Мира. Очнулся, только когда Лодка оказалась, прижата потоком к нависшему притопленному ивовому кусту. Река не смогла промыть плотину, а прорезала узкое русло в илистом коренном, казавшемся незыблемым, берегу. Ударил Лодку поток в левый борт. И не смотри в это время Рыбак на пролетающих с гомоном серых красноногих гусей, увидел бы. Но сейчас лодочный борт уже скользил по низко нависшему над рекой стволику. Полилась вода. Встрепенулся Рыбак, выронил весло, схватил ствол руками. Попытался оттолкнуться, но Лодка всё напирала на куст. Залилось ещё...

В сапогах от проникшей воды вдруг стало сыро и холодно. Рыбак повис на гнущихся ветвях. Взгромоздился повыше, закрепился, перевёл дух, огляделся. Лодка, конечно, утонула. Весёлая рябь сделала тонкое весло почти не видимым, а вскоре и вовсе скрыла его. Только серая солдатская шапка из его рыбацкого гардероба, кружась, мелькает над волной, свалилась как-то с головы. Несет её как раз туда, к родному берегу. А куст дрожит, играет в упругих

речных струях, согнулся под весом Рыбака. Гибкая древесина уже наполненная соками земли, как на качели раскачивает его. И будь всё не так, не сейчас и не здесь, может, он даже посмеялся бы. Шапка цепляется за траву и медленно ползёт у самого берега всё дальше.

Вспомнилась вдруг Рыбаку семья, дети, внуки: «Как они будут? Жена-то и так, поди, сидит уже как на иголках. Опять на будильник смотрит, всё гадает: «Идти на Реку, или ещё подождать». Надо только решиться, тут, на этой стороне ни кто не спасёт», – бежит мысль Рыбака. С трудом, перебирая руками ветви, стянул сначала один сапог, потом другой, изловчившись, бросил их по-очереди на берег в траву обсыхающего покоса.

«Господи, благослови...», – надеясь на помощь того, кого, он так редко поминал, Рыбак отпустил ветку. С детства гнал он от себя образ Его. Образ, навеянный материнскими да бабушкиными канунами, обточенный многочасовыми повторениями непонятных словес, развенчанный школой и комсомольскими собраниями. И хотя, как сам для себя решил, не верил, а почему-то с горечью вспоминал жаркий костер, что посреди Деревни развели активно-наглые Воинствующие Безбожники. И пылал он как свеча, высоким прямым столбом взметнувшись в чёрное небо и всё летели туда, где должен быть Рай, вертлявые искры. Люди, молча глядели, иные откровенно плакали, и было слышно лишь смех и безнаказанную брань борцов за новую жизнь, да сухой нестерпимо громкий треск пламени. А детский ум рисовал, будто картинку из бабушкиной книги, что тоже пылала в том костре вместе с иконами, как в Аду, вот так же будут гореть в вечном огне души подлые, считавшие своё деяние единственно правильным. Будут молить о прощении, и всё пытаться хоть искрами дотянуться до Светлых Небес...

...Телогрейка будто надулась, вата держала воздух и потянула кверху. Сажёнки получились короткими. Однако не сдавался Рыбак. С детства слыл он поперёшным. Если драться, то до победы или пока не захлестнут. Так и в работе, и в споре, и на охоте... И сейчас в борьбе с Рекой, что нечаянно оборотилась холодным, страшным чудищем.

В армии тоже было. Повели их – новобранцев в баню. Никто никого не знает ещё. Все идут, жмутся. Вот и подкатили к Рыбаку приклатнённые московские пацаны. Их почему-то несколько оказалось, а он, странно, с Урала один. И всё-то не по-ихнему, по фене не ботает, и вообще вроде, не по-русски говорит. Тазик – тазиком называет, а на флоте положено звать его «обрез». Разрезвились ребята и так припекли сибирского медведя, как сами же его прозвали, что не стерпел, долбанул одного тем же тазиком-обрезом. А другого, через день в наряде на камбузе припёр ножом для чистки картошки к стенке. Заголосил побледневший столичный гуляка. Пришлось за него на гауптвахте посидеть, но больше не трогали...

Не видит ничего уже Рыбак. Берег – тёмная полоска впереди, серым комочком шапка-маяк. К ней спасительной он и стремится. И воздуха не хватает, не набрать его никак. Только брызги белыми всполохами вспарывают серый вязкий сумрак. Вдруг, левая нога утопает в податливой тверди, упирается в илистое дно. Выбраться на невысокий, но крутой берег получается не сразу, срываются ослабевшие руки. Не отпускает Река Рыбака, так и тянет обратно к себе. Но пальцы цепко впиваются в пучок ещё спящей травы, увязают в размокшей дернине. Правая рука цепляется так же. Потихоньку вползает на сушу левая нога и вот уже на пустом краю пастбища – упрямый живой человек.

Не сразу возвратились ощущения. Сердце возникло, бешено колотя в рёбра. Вместе с кругами, что поплыли перед глазами, Мир наполнился красками. Всё тело затрясло жестокой дрожью, а воздуха всё не вдохнуть. Рыбак медленно поднялся, нашёл глазами шапку. Сиротливо притулилась, застряв в кустике размокшего татарника, стало жаль бросить её, поднял, и мокрую надел на мокрую же голову.

Нужно к мосту, и Рыбак побежал, стремясь согреться. Ноги как деревянные. И кажется ему бег стремительным, и он бредёт шатаясь, навстречу высокому ещё Солнцу. Вот она, дорога, размокшая и ненадежная с раскисшими с прошлой осени колеями. Воздуха опять нет: «Давно не бегал».

До моста совсем близко, только его ещё почему-то не видно. Пытается Рыбак его разглядеть, ставит ладонь козырьком и глядит на встречу ласковым и тёплым солнечным лучам. «Так бы стоял и глядел!.. Да где мост-то? Может, ошибся, дороги попутал?», – волнуется и надеется Рыбак. Нет, всё верно. Та это дорога. И насыпь, по которой поднимались ещё осенью на мост на месте. Только моста нет.

Унесла его Река, прибила чуть дальше к берегу. С торчащими рёбрами бревен стал он похож на останки древнего змея, не весть откуда забравшегося в Реку, да и умершего тут, не найдя прокорма. Распластался остов его вдоль кромки воды, изогнулся согласно изгибу берега, белеет чешуёй сохнувших досок настила.

На том берегу, на удачу, играют двое мальчишек. Увлечённые, не видят ничего вокруг. Бросают камешки гранитной щебёнки, привезённой сюда для укрепления насыпей моста. Стараются попасть в какую-то цель, громко обсуждают свои успехи.

– Ребята. Ребята...– хрипит Рыбак.

Не слышат они его. Всё бросают свои снаряды и радуются когда попали. Вот, оглянулся один. Увидел. И уже оба смотрят на Рыбака.

– Ребята, позовите кого-нибудь с лодкой... Пусть меня перевезут... Я из лодки выпал, – с перерывами, что-бы отдышаться закричал Рыбак.

Мальчишки запереглядывались, что-то обсуждая.

– Сбегайте к Пастуху, – подсказал Рыбак, – он перевезёт.

Постояв ещё, видимо о чём-то договорившись, пацаны тихонько пошли. Рыбак успокоился, присел на насыпь отдышаться. Время потянулось и для него. «Как Она там, ждёт, поди уж?», – думал он о Жене. «Брат уж наверно заявился, помнит. Как, поди?», – размышлял он, уже вполне уверовав в избавление.

\*\*\*

Жена Рыбака конечно ждала. Даже, на Реку, как бы невзначай, сходила. Всё смотрела туда, вдаль. Не спокойно на душе, муторно. «Неуж ботать убрался? Так, ботало вроде не взял». Пошла, посмотреть в сарае. Тут оно висит, на месте, белея конусом-наконечником из нержавеющей стали. Племянник на заводе в Городе Рыбаку такой первому сделал. Все деревенские рыболовы потом стали заказывать. Племянник, как ехал к матери, так и прихватывал пару вновь изготовленных, пошло дело... А потом случилась перестройка, за ней нагрянула демократия, в Городе наоткрывали приёмных пунктов, чтобы собирать всякий металл. На заводских проходных поставили охрану в черных костюмах, сама видела однажды, когда поджидала того же Племянника, чтобы в Деревню отвез. У каждого по прибору, и этими приборами всех проверяют. Кто входит, кто выходит, что несут. Собаки учёные у них есть и оружие. Может и правильно, что проверяют, а только как раз в то же время у рыбаков племянниковы ботала пропадать стали. Сам-то велит своё прятать, да ходит смотрит чуть не каждое утро.

Посмотрела Жена Рыбака ещё раз на историческое ботало и отодвинула его драгоценный нержавеющий конус подальше, скрыв с виду.

\*\*\*

Рыбак на насыпи замерзал. Ходил, даже бегал вдоль пустого берега. Это помогало мало. Пальцев на руках он уже не чувствовал. Поспешил как-то на работе, схватил раскалённый от сварки обод колеса, да так и оставил кожу ладоней на нём, огрубевшая от молотка, резины, солярки и прочей технической повседневности не сразу пропустила она жар, не дала вовремя ощутить боль. Не один месяц просидел на больничном Рыбак. Кожа narosла новая, розовая, казавшаяся чужой и до ужаса тонкой. Пока сидел, связал три сети, прочитал с десятков книг. Только к весне вышел на работу. Кожа опять скорёхонько задубела, почернела и потрескалась, как и раньше, в кипятке не отпаришь её.

Чистюля внучка не раз к умывальнику водила: «Мой, деда...». И ведь не отпускает, пока не помоешь. А только без толку. Стали ладони опять, как сапожная подошва. Только обнаружил Рыбак – жутко мёрзнут. Зимой, на охоте, мужики рукавицы сдёргивают, из них пар валит. Руки в снег суют, охлынуть. А он, в шубенках мёрзнет, попросит чужие горячие, погреться. Да скоро и в них остывает. И весной на рыбалке не стали руки воду терпеть. Вот и сейчас, висели они, как не свои. И ноги тоже, будто во льду.

Солнце уже коснулось крыш деревни, что была там, на другом берегу. Против ветра от туда не долетало ни звука. И берег оставался всё таким же пустым и унылым. У этой чужой деревни берег всегда казался Рыбаку таким, толи рыбачили здесь меньше, толи так от чего-то?

«Видно, испугались ребяташки, или, может, нету дома Пастуха?» – всё чаще думал Рыбак, поглядывая на другой берег и Реку. Совсем тоскливо ждать-то уже. Вдохнул, сколько смог и, не оглядываясь, пошёл по топкому дну всё дальше, потом поплыл. Вода показалась теплой. Снова замелькали капли. Запасённый воздух иссяк, а свежего опять нет сил схватить. Только брызги да липучая тьма перед глазами... Берег опять возник неожиданно. Увязая в илу, выполз на сушу. Закашлялся, переводя дух. Моментально навалился холод, придавил Рыбака, заподбрасывал, зазнобил.

А лет уже двадцать, наверно, как прошло, а может и больше, с тех пор, когда они с другом, каждый день до морозов купались в Реке. Рыбак ещё работал трактористом. Был он тогда молодым здоровяком, пудовую гирию запросто перекидывал через сарай. Друг работал прицепщиком, как раз сеяли они тогда. В потёмках поставят трактор и на Реку, потом уж домой. А Друг ещё не женатый был, так холостовать пойдёт. Нырнут по разу, поплавают, пыль смоят, освежатся. Отсеялись, потом сено сметали, отстрадавались. Осень подошла, а они всё на Реку ходят. До белых мух доходили, до ледяных заберегов. Привыкли. Если бы не

бабы – жёны да матери, может, прорубь прорубать стали бы. Так и бросили друзья свои водные процедуры. Всё вспоминали, да снова начать удали не хватило.

Сейчас, на берегу, всё сильнее сотрясало Рыбака. И никак не вдохнуть досыта. Но всё та же упрямая сила, что помогала выплыть, подняла его. Здесь, в этой деревне его все знают, не прогонят, поди? Кто уж старое вспомнит...

После войны, как раз, стали они – дружная компания, грозой округи. Которые постарше в армию ушли. А кто с войны возвращался, тем уж не до холостяцких проделок стало. Все, худо-бедно освоили гармони. «Улошную» или как её по статье, которую присуждали за такое народное творчество «Семьдесят четвёртую» завоздыряют, – девок, которые помоложе, в краску вгонят, да пройдут по тёмной улице...

Мы по улице прогрохам,

Пусть старухи поглядят,

Они старые, седые

Эх, всё про это говорят

А дальше – больше...

Девка – русая коса,

Выйди на поляночку,

Будут бить, да будут резать,

Подержи тальяночку

А уж когда и вовсе разойдутся...

Нас по мостику не пустят

возле мостика пройдем

Близко к девкам не подпустят,

Мы на острый нож пойдём.

И в эту деревню наведывались. Не спеша, в оба конца проходили, и шли дальше по Большой дороге. Обрато бывало и с синяками. После службы уже, вспоминали как-то. Не ловко враз стало Рыбаку. Даже стыдно вроде.

– Ты идёшь, – говорит паренёк один, рыбак сейчас тоже, – всем по рылу ткнул. Я тоже жду, сейчас и мне достанется. Нет, прошёл. Не задел, почто-то?

Жив ещё, так в этой деревне и состарился. Только далеко до него. К Пастуху надо, больше никуда не добраться: «Только бы там кто-то был». Ноги нестерпимо тянет судорога, ладно хоть не в воде...

Рыбак только с третьего раза поддел негнущимся пальцем ручку щеколды. Ровно окрашенные зелёным ворота подались. Лаем зашёлся чёрный кобелишка, загремел цепочкой, вылезая из большой, не по-росту, конуры. Кинулся, да тут же и отпрянул. Отступил обратно к своему большому дому, неуверенно побрехивая на гостя. На шум из дома не вышли. Рыбак поднялся на крыльцо. Толкнул всё такие же зелёные двери сеней, они открылись, показав обнадёживающую тьму. Вошёл, мокро и грязно следя по невидимым половикам. Нашарил и открыл обитую войлоком дверь в избу. Пахнуло ядрёным духом жилья: тяжёлым табачным дымом, прорастающей картошкой из голбца, чем-то хлебным. Из раскрытых дверей горницы мощно раскатывался голос комментатора, свистки, гул трибун. Пастух смотрел непонятный Рыбаку футбол.

«Опять бегают...», – в сердцах заключал Рыбак, когда обнаруживал вместо фильма, обещанного телепрограммой, неоконченный футбольный матч. Минут десять молча, смотрел. Затем, так же молча, выключал телевизор...

Стоит Рыбак, чувствует, как обтекает с него на пол вода. Снял шапку, отрывая пуговицы, освободился от телогрейки.

– Хозяева... – хрипло крикнул, выпрастываясь из мокрого пиджака.

Из двустворчатых дверей горницы появилась Жена Пастуха. За ней Пастух. Потом Их Сын – подросток.

– Простите, люди добрые, чуть не погиб, – стуча зубами, извинялся Рыбак. – Пустите на печь. Промерз, – объяснял он, стягивая холодные прилипающие брюки.

– Ну, лезь. Она только не топлена сегодня, – испугалась пастухова Жена, – а налил-то сколь!! – кинулась она к куче сваленной Рыбаком одежды.

– Выпить бы, – кутаясь во что-то сухое и тёплое прижимаясь к показавшимся горячими кирпичам дымохода и всё ещё дрожа, попросил с печи Рыбак, – я потом отдам, – пообещал он, видя замешательство хозяев.

– Так, это, нету ничего. Да и магазин уж закрыт. Одеколон, разве что, – предложил Пастух.

– Ну, давай, хоть, одеколон.

Пастух долго возился где-то в горнице, потом звенел посудой на кухне.

– Сейчас разболтаю, – слышался его голос.

Рыбака всё колотило. Пастух подал ему большую эмалированную кружку с мутно-белой жидкостью – разбавленным водой «Тройным одеколоном». Не чувствуя вкуса Рыбак выпил всё до дна. Желудок обожгло, постепенно тепло распространилось по всему телу, с трудом, но всё же проникая до рук и ног.

– Давай-ка, закройся, – Жена Пастуха принесла большой овчинный тулуп.

Рыбак молча принял его. Укрылся, вжимаясь в неостриженную овчину. Наваливалась слабость, и он затих на печи, оттаивая.

– Эй, – Пастух, похоже, уже давно тряс его, – ты, до утра останешься, или домой тебя отвезти?

– А, времени-то сколько? – оглядевшись спросонья, забеспокоился Рыбак.

– Восьмой уже.

– Домой надо бы, на родину. Хозяйка-то меня уж потеряла.

Пастух подал ему рубаху, старый пиджак и штаны, выгоревшую от дождей и солнца болоньевую куртку. Обуться ему предложили в кеды. Сапоги у Пастуха были одни.

В просторной ограде Сын Пастуха, поджидая пассажира, что-то регулировал в трещащем и дымящем моторе мотоцикла. Жена Пастуха подала Рыбаку тяжелый и мокрый узел с его рыбаковой одеждой. Пастух пожал руку.

– Спасибо, спасибо, – твердил Рыбак, повторяясь, – я уж думал погину...

– Ладно, давай... – Пастух тронул сына за плечо.

По пустой, местами не просохшей, ровной дороге лихо выскочили за деревню. Рыбак ждал Реку. В последних закатных отсветах она показалась, наконец, сурово-холодная, как далёкое Баренцево море, где Рыбак дослужился до старшины второй статьи. И пусть не пришлось туда вернуться, как договаривались с ребятами, а Море его тоже не отпускало. Может это и не Река, а как раз Оно всё зовёт его. Смотрел Рыбак на эти сталистого цвета излучины и речные рукава, думая о следующей встрече. Нужно только сначала Лодку найти, всё равно где-то её к берегу прижмёт. Заодно и новую Лодочку попробовать можно. Рыбак уже представлял её на плаву, какая она, должно быть, ходкая да поворотливая. Да и сапоги надо вызволять...

Дорога меж деревнями не долга. Совсем скоро мотоцикл с рёвом вылетел на родную улицу Рыбака. Тут родился Рыбак, четвёртый из девяти детей, как раз, наверно, в этот день. Тут, вот как раз, в доме, что на месте этого большого пятистенка стоял, валялся без памяти, когда хоронили безвременно умершего Отца. Повёз, тогда ещё мальчишка, Рыбак Агрономшу в Город на совещание какое-то, весной тоже дело-то было, возок и увяз в ручье передними колёсами, а он понужнул кобылку-то. Отбрыкнулась, молоденькая была, диковатая, и угадала копытом кучеру в лицо. Да и зашибла, как-то не насовсем. Отсюда в армию отправили, тут встретили моряка, тут женился...

Мотоцикл резко остановился у ворот Рыбакова дома. Открывать их стало, почему-то боязно. Опять пришло неодолимое острое и тяжёлое чувство вины: «Лишь бы не разрыдалась». Такие сцены он не выносил, начинал оправдываться, злился на себя, от этого грубил и ещё больше злился. Сейчас буря уже подкатывала, и он боролся с ней неуверенный, что справится...

Их взгляды встретились, рыбак почувствовал, хотя и не видел Её в тёмном окне. Отворилась дверь сеней, и появилась Она.

– Что, выпал?

– Выпал, – потупясь сказал Рыбак.

– Я как знала, неладно что-то. Почто я тебя отпустила только?

– Не сдался я, родная, выплыл!.. Ни чего, порыбачим ещё! – бодрился Рыбак.

\*\*\*

Гости, как условленно, пришли ещё к шести. Друзья тоже ходили на Реку встречать виновника торжества. А он, вон как объявился.

– Смотри-ка, его с Реки-то до ворот довозят, – смеётся Брат Рыбака, – Давай, Братан, за второе рождение, что ли, – стряхивая возникшее оцепенение, предложил он.

Возражающих не нашлось. Рыбак в приготовленном ещё с вечера лучшем костюме сидя во главе стола, смущённый принимал поздравления. Тосты не пропускал. Уже за полночь Жена проводила его в постель. Всё пел и пел, оставшись один без дружеского хора свои Морские Песни...

...Напрасно старушка ждёт сына домой,

Ей скажут, она зарыдает,

А волны бегут от винта за кормой,

И след их вдали пропадает...

Уснул он легко и счастливо. И всё казалось Рыбаку, мчится он навстречу голубому речному сиянию. И там, сквозь свет зовет его Река... или Море, сыроватым тёплым ветром и криками чаек. И мнится, что молодой он опять, готовый нырнуть в эту бодрящую синь как богатырь в живую воду. Улыбка осветила лицо Рыбака. И замечает Жена, разгладились морщины, будто замерло время, и вроде, даже, вспять пошло.

*Январь 2006*

### БАРСУЧИЙ КОЛОК

Бывают, ещё и сейчас, в русских деревнях мужики особого склада – весельчаки, умельцы на все руки, битые жизнью, буйные в юности, и всё такие же затейники ставши в годах. И хоть помнят их норы, а уважают, а может, и наоборот, уважают потому, что помнят. Сашкин дядя Юра был как раз из таких.

Нашло как-то на него романтическое настроение, оно ведь тоже не просто так находит. Горожане не поймут, посмеются: «Знаем мы их романтическое настроение!» Но это не то...

Вот бывает, выберется старый-престарый дед на лавочку у ворот. Сидит. Весь день смотрит: на Солнце, на зелень, опять же на людей. И чего он только за жизнь не видывал? Много уже прожито. Ну, может, какого-нибудь там... заморского доллара, ну... или... какого-нибудь технического ухищрения, так это, всё равно, с лавочки не увидишь. Нет, однако, каждый день, как когда-то на работу, выбирается сюда, и сидит всё, сидит. Кажется, дремлет по-стариковски. А подойдёшь тихонько, раз и глаза уже тебя изучают. И внимательно так, и знают о тебе, кажется, то, что ты и сам не знал никогда, или спрятал далеко-далеко и старался не вспоминать, потому что стыдно... Да и мужики, те которые помоложе, не только за рыбой, на покос или дрова рубить из дому выходят. Даже и мимоходом, а взглянут на широкий мир – простор и волю. Вот и на дядю Юру, тоже, в тот раз нашло. И не впервые, конечно.

Подъехал на своем ярко-зелёном мотоцикле к Сашкиному дому. Где Сашка жил в то давнее время, с отцом, матерью и двумя сёстрами: старшей и младшей. Да как гаркнул с порога.

– Айдайте, что ли хоть в поле. Грузди-то ишо не все измокли.

А, надо сказать, уже неделю как устоялась матёрая осень. Не та легкая – ранняя или поздняя, прозрачная, а самая срединная. Лес отяжелел листвой, будто на сносях, вот-вот сбросит её, освободится – застройнеет, даже, вроде, обрадуется. Ночи длинные и такие сырые, что под листвой уже не сохнет за день. А днём леса парят этой сладковатой смесью дыхания прелых листьев и трав.

Сашкины родители, зная, что Юрий, как всегда, настроен решительно, сразу отказались. Отцу что-то, нездоровилось, а мама и старшая сестра Нина обставились парящими банками, закладывали туда спелые белобокие яблоки, насыпали по мерке сахар. Закатывали крышки специальным приспособлением и вполголоса, шутя, перебранивались. Вот и вышло, что отправили за последними груздями Сашку.

– Эй, ты, отрок Александр, – позвала Нина, – поезжай, сколько можно этот, как его там у тебя, «Наутилус», что ли, слушать? Разомнись, хватит уже диван давить.

– Саша, и я с тобой, – подскочила младшая сестрёнка Оксанка.

Сашка нехотя оторвался от изучения разводов белой водоэмульсионной краски на потолке, грубо прервал песню про «Бриллиантовые дороги». Выключил магнитофон со старательно исправленным путем отцарапывания буквы «а» наименованием – «ЭЛЕКТРОНИК». Поднялся.

– Ты, Оксана, пока мафон покарауль, чтобы Нинка не включала, – громко, чтобы все слышали, поручил он сестрёнке, – куда поедет-то, дядя Юра?

– Нук, бак-то полный, куда-нибудь да доедем, – дядя Юра стоял, загородив дверной проём в сени, в хромовых сапогах, синих спортивных штанах с лампасами, и в танкистском шлеме, подбитом мехом, на голове.

Поехали. Где знакомыми путями, а где без пути, по стерне, среди рыхлых нетоптанных соломенных куч, исторгнутых жадными нетерпеливыми комбайнами, или подростой отавой покоса. Дорога осенью может быть где угодно.

Краснокудрые зеленотелые осины еле заметно трепещут круглыми листиками. А листики эти с них стайками, кувыркаясь в воздухе, отлетают, на сброшенные раньше, такие же красно-оранжевые. Заваливают потихоньку перезревшую костянку и чахлые травы.

– Чисто выбрано! – восхищается покосами дядя Юра, – давно уж так-то края не окашивают. Экономно, как в стары годы.

– Давай останавливайся, – кричит, не слыша его, сзади, Сашка, – тут поищем грузди-то.

– Да, ну их, эти осинники. Давай в Барсучий колок поедем. Был там?– громко спросил, обернувшись, дядя Юра.

– Нет. А далеко?

– Да, не пешком ить, – дядя Юра резко разворачивает мотоцикл и кричит снова, – нигде такого не увидишь. А грузди? Что грузди, они и там такие же.

Дороги на жирном чернозёме, как реки в песчаной пустыне, блуждают. Раздавят такую дорогу в осеннее ненастье или весной в беспутицу, после бурной затайки, по привычке ещё какое-то время ездят по ней, маются. И как-то сам собой найдётся нетерпеливый водитель – холерик, который возьмёт да и свернёт, сочно ругаясь, на загадочную обочину, проедет по траве, и всё, обочина уже не загадочная. За ним проедет ещё кто-нибудь, не сразу, конечно. А уже через пару дней готова новая дорога. Старая же, за лето, совсем зарастёт, сначала травами-однолетками, потом пойдут сорняки посерьёзней, и так, потихоньку, год за годом, втянется дорога в луг или лес и будет жить уже не дорогой, а колеями.

Мотоцикл вместе с Сашкой кидает с боку на бок, это он переезжает брошенные дороги под углом, стремясь добраться до живой, твёрдой как камень, разорванной сеткой тонких трещинок. Прошлогодняя колея – последнее препятствие, безобразно чернеет между деревянистыми дудками крапивы, лебеды и конопли. Когда выехали, дядя Юра похрустел, переключая ногой передачи, чем-то внутри мотоциклетного двигателя. Вскоре засвистел в ушах ветер. Сашка огляделся. Взор притягивало торжественное величие древнего, широкого как речная пойма, лога, с сетью болотцев и всё ещё зелёными травами у ручьев, золотящегося местами усохшими тростниками, и темнеющего буро-жёлтыми непроходимыми ивняками.

Дядя Юра свернул на обочину и, выдернув ключ зажигания, проворно спрыгнул на землю. Мотоцикл, потарахтев ещё, будто на полуслове затих.

– Вон там, козлики-то летовали, – показал он куда-то в лог, – озимые недалёко, вот и прикормились.

– А на той-то стороне погляди! – широко расставив руки, дядя Юра вертел головой, будто охватывая пейзаж в охапку, – вот бы нарисовать или сфотографировать, как есть! Какая картина бы вышла, а!

Небо ещё лёгкое, высокое и прозрачное, хотя и не глубокое как летом. Воздух совсем не остыл за ночь. Греет его прокалённая за лето и тоже не остывшая ещё земля. Блестят золотом соломенные копны, полыхают березняки.

– Давай, дядя Юра, грибы-то посмотрим, – стремится к лесу Сашка.

– Где? Здесь что ли? Нет, дальше поедем. Тут негруженное место-то.

Дядя Юра уже заводит мотоцикл. Сашка едва успевает схватить поручень перед своим сиденьем, взрыкнув, и, выпустив сизый дымок, мотоцикл понёсся краем леса.

– Вон, – показал рукой дядя Юра, – смотри, вырубка. Запоминай, малины-то там бывает! Земляника тоже есть, можно и глубянку найти.

– Давай-ка, вишенье поглядим, – он неожиданно сворачивает влево.

Мотоцикл петляет по наторённой тяжёлыми «зерновозами» дороге. День вовсе разгулялся, неподвижный воздух висит над сырыми опушками парным маревом. На вырубке за лето тронулись в рост молоденькие берёзки, и лист на них всё ещё зелен. Царствует, пока они ещё малы, краснеющая листвою нарядная черемуха. А под нею и берёзками неоглядные дебри малины. Кусты кое-где измяты, трава с трудом поднимается на тропках и автомобильных колеях.

– Смотри-ка, людное место. Поездил сюда нынче кто-то, а я вот всё ещё не бывал. А ты запоминай. Тут всем хватит. Знаешь, сколько её обвалилось-то? Центеры, – то оборачиваясь, чтобы было лучше слышно, то снова глядя на дорогу, говорит дядя Юра.

О железное днище коляски часто-часто застучали упоревшие травяные стебли, в лицо Сашке ударил ворох разлетающихся от ударов лёгких пушистых семян. Он закрыл глаза, собрался покрепче ухватиться за поручень. Но мотоцикл неожиданно для него, остановился, Сашка всем весом налетел на дядю Юру, и чуть не сбил его, уже балансирующего на одной ноге.

– Ну... Ты, здоровый... Лось, – дядя Юра едва удержался от падения.

– Всё, айда дальше пешком, – он уже действительно шагал куда-то в высокой траве.

Сашка пошёл следом. Под раскидистой березой, старой и частью уже умершей, роскошные ещё совсем недавно папоротниковые веера, все уже побуревшие, сморщились и обвисли. Под ними обнажились трубочки берёсты оставшиеся от упавших и перепревших когда-то берёзовых сучьев, а травы зеленеют, наслаждаются осенним солнцем, если летнего не видали под папоротниками, то и это в радость.

– Хе-хе! Не добрались до вишенья, – дядя Юра вдруг хохотнул и резко повернул вправо, внезапно хлестнув Сашку по лицу случайной веткой.

Промигавшись от боли, Сашка разглядел на низких кустиках, среди мелкой темной листвы, вишнёвые, до черноты налитые, плоды. Подошёл. Попробовал.

– Как садовая! – вслух удивился он, – я думал в лесу она мелкая, да кислая.

– Не дожидаются спелой-то, – дядя Юра тоже лакомится ягодами, – рвут, едва подкрасится. А не сорвёшь и этой не увидишь. В компот-то всякая сойдет.

– А когда же в Барсучий колок-то? – добрав нечастые ягоды, отирая красные от сока пальцы, опять спросил Сашка.

– Сейчас поедем, давай хоть вон тот ещё кустик оберём, – дядя Юра указал на украшенный как новогодняя ёлка невысокий вишнёвый куст.

Собрали и с него, и с того, что рядом, а потом ещё с того который «вон там».

– Ну не оставлять же. Вишеньке да не побрать! Самая ленивая ягода – вишня-то, ну ещё калина, пожалуй, такая же. Вся на виду, склоняться не надо. Стой на месте, да бери. Не то, что глубянка, за той поползаешь... – рассуждает, проворно обрывая налитые вишенки, дядя Юра.

– Ну, пойдём, давай, сколько уж её брать-то? – резко заканчивает он, отворачиваясь от куста.

– А отсюда до Барсучьего колка далеко? – всё заботится Сашка.

– Да, это как-ить поехать. Если уже сжато, то стерней с три километра, а по дороге, пожалуй, вдвое больше будет. Зимой на лыжах от дому дойдёшь, да и обратно уж пора. В потемках только явишься. Как раз к «Новостям» по телевизору. Пока лыжи приберёшь, собаку покормишь... – объяснял дядя Юра, когда они разворачивали мотоцикл вокруг коляски, чтобы ехать обратно тем же путём.

Осинники уже примелькались, на разбитой в страду дороге трясло, подкидывало на растоптанных гигантскими машинами колеях. Он пытался представить, как всё это могло выглядеть летом, не получалось. Леса казались какими-то неряшливыми. Листья с деревьев опадали как-то не красиво, кучи соломы были какие-то слишком рыхлые и хохлатые, стерня

неопрятной и местами неприлично зелёной от поднявшегося осота. Хотя, наверно, и там, в родных местах всё, в общем, было так же...

– Держись, – не оборачиваясь, крикнул дядя Юра.

Мотоцикл особенно высоко подпрыгнул, глухо долбанул передний амортизатор. Заревел и задымил мотор. И они оказались на ровном и круглом, как монета, покосе.

– Вот и приехали, – убрав в карман выцветшей, скорее всего голубой когда-то, рубахи ключ, сказал дядя Юра, – сейчас иди за мной.

Лес, в который они вошли, показавшийся с опушки густым и дремучим, будто по волшебству расступился, пропустив их. Дядя Юра всё шёл, Сашка, озираясь, попевал за ним. Прикрывался рукой от хлётких ударов распрямляющихся ветвей и молодых стволиков. Среди сплошных зарослей над землёй возникло какое-то пустое пространство, над головой же остались всё те же переплетения буро-зелёных и красно-оранжевых древесных крон. А под ними, открылся, грязно-желтый осыпающийся холмик.

– Вот их норища-то, – почти шёпотом сообщил дядя Юра.

– Чьи, барсучьи, что ли? – удивился Сашка.

– Ну, а чьи же?

У подножья холма Сашка действительно различил большую дыру.

– Пошли, тут у них целый дом многоквартирный, – дядя Юра пробирался куда-то левее норы.

Сашка, приклоняясь, поспешил за ним. Показалась ещё одна нора, затем чуть выше ещё. От некоторых отходили настоящие дороги, исчезающие где-то среди осин и черёмухи. Весь холм оказался изрыт норами, пошире, или поуже, одни уходили вглубь земляной кучи под углом, другие, как колодец вели почти вертикально вниз.

– Вот, смотри, – торжествовал дядя Юра, – точно такого-то ещё не видал?

– Нет, не видал, – признался Сашка.

– Знай, теперь, тут они и живут. Молодняк рядом строится. Сколько их тут никто не считал.

– А где они сейчас? – шепотом, почти на ухо дяде Юре, спросил Сашка, отступая от ближайшей дыры.

– А кто их знает? Днём спать должны, значит, там, в норах и сидят. Ночью на смену пойдут жир нагуливать. Зимой-то, как медведи же, в спячке, надо жирочку-то подкопить. А барсучье сало, оно знаешь, как ценится! В аптеке, в городе, больше сотни стоит, на той неделе сам видел. Всякие витамины в нём. От простуды хорошо. На рынке за большие деньги продают в баночках. А умельцы-то-жулики, собачий жир вместо него натакались продавать. Не разобрать, кто не знает-то. А, говорят, и его берут. Заболеешь когда оправда, дак за всякое зелье сохваташься...

– А лиса их не трогает? – перебил Сашка, вспомнив, что барсук с лисой, вроде бы, не дружат.

– Может, где и споруются, только тут исконно их, барсуков земля. Сколько помню, всегда они тут жили, и мне ещё дедушка показывал. Тоже, говорит, с детства знал. Не нами, Барсучьим колком-то, названо.

Дядя Юра всё ходил и ходил от норы к норе. Всё рассказывал о звере барсуке, о его повадках, случаях с разными охотниками, о мечте заветной завести собаку-норника, чтобы умела по норам лазить и не боялась барсучьих зубов и когтей.

– Он, барсук, так-то воловатый, а если прищучить его – зверь. Кого хочешь, задерёт. Вот и собака должна быть злой, чтобы схватила, и насмерть. В журналах пишут, бывали случаи, до того упластаются, схватит собака-то и не отпускает, а барсучина её лупасит когтями, бывает и до смерти. За ошейник, за поводок, тихонько обоих вытаскивают из норы-то: мертвую собаку и барсука в зубах у неё, – рассказывает вполголоса дядя Юра. – Только вот где их, таких-то собачек, берут?

– Ладно, всё, пошли тихонько. Им, поди, уж на работу пора, а мы мешаем. Топчемся тут, говорим. Может, вон, из кустов за нами подглядывают: «Когда уж их леший унесёт?». Да и груздей-то всё ещё не наискали.

Солнце, найдя оконце в сером, незаметно накотившем заслоне тяжёлых туч, пробилось, обнаружив длинные тени деревьев, просвечивая, казавшуюся плотной, толпу берез и осин. Глаза, ощутив эту перемену, запротестовали. Отказались принимать резкие контрастные краски. Сашка долго шурился, привыкал.

– Э-э, брат, дак пора уж и домой, – спохватился дядя Юра, взглянув на часы, – смотри-ка, и не заметили, как солнце повернулось. Сейчас уж всё, никаких груздей не найти.

\*\*\*

Сашка теперь совсем вырос, стал Александром Владимировичем. Сидит он в светлом офисе у компьютера и телефона. На прием к нему не всякий ещё и попадёт. Тяжела чиновничья ноша. Работа нервная, неблагодарная. От того и «авторитет» у Сашки растёт не по-годам, и щёки румяные со спины видать.

И всё нормально вроде, и оклад, и премии и прочее «по-знакомству». А, только, бывает, что-то потянет Сашку на родину. Проедет он по деревне на новеньком личном авто. До леса съездит. А всё не то... И понял однажды Сашка: «В Барсучий колок надо. По нему тоска эта». Ружьё дорогое «вертикалку» давно уже купил. Всё думал: «Зачем? Который год в сейфе лежит». А, оказывается, для него, для Барсучьего колка, всё. И разузнал, что собака эта норная существует, и давно ему известна, и зовётся она таксой. И даже купил щенка на радость жене и детям. «Лазили» с дочкой в Интернете. Нашли, как тренируют таких собак, рекомендации разные. Даже и научили кое-чему щенка.

Наконец, уже в октябре, поехали, с другом, на служебном УАЗе. Только, как не рыскали по брошенным заросшим полям, не нашли дорогу. И знатоков в деревне уже не осталось. Выпустили, каждый, с десятков патронов по берёзам, да и повернули домой...

А может, и хорошо, что не нашли...

*Сентябрь 2005*

## ГЛИНА

Дед Киприян нацепив очки, отогнул край скатерти и стал перебирать прибранные там газетные вырезки. Раскладывал, которые на растопку – клал на старый обшарпанный табурет, а что сгодится – на вытертое сидение тяжёлого древнего стула.

– Тут вон, смотри, Горбачёв опять с этим, с американцем-то, на что жо им лежать-то... – проговорил он, кидая вырезки на табуретку.

– А тут, лико-чо, – восхитился чем-то дед, отложив заметку на стул.

– Так-так-этак... – пропел Киприян свою знаменитую песенку, развернул очередную газету. Поправил очки и надолго замолчал.

– Айда, баушка, глину копать, – окончив чтение, обратился он к стряпавшей рядом жене.

– Ты чо, дымник ладить собрался, ли чо ли?

– Да подь ты со своим дымником, сделаю. Вон чо пишут. И ноги, и спину лечит, а ишо растолкут да пьют с водой, для желудка полезно.

– Ну, ишо давай пей, – смеётся Авдотья. – Вона, весной сколь чиста бежит вода-то, чо-то не пьёшь, а тут каку-то глину.

– До чо жо ты у меня баска, баушка! – любуется своей Авдотьей Киприян, замечая в постаревшем лице любимые черты.

– Фу ты, старой! – смутилась Авдотья.

Вырезку про глину Киприян прибрал, да не под скатерть, а приладил к зеркалу на стенку, на видное место. Вечером, когда включили свет, опять увидел и вспомнил.

– Ну чо, Авдотьюшка, завтра чо ли покопам глины-то. Тамо в Долгом-то логу таку же раньше капывали. На горшки да на кринки крышки делали, мать с тётонькой Федорой яички,

курицам подкладывать, ладили, слепят да в печи прокалят. Братаник-то ишо зверушок стряпал, да туда жо в печь.

Наутро, наскоро управившись с курами, взяв в дорогу хлеба, побрели старики с тележкой за деревню.

– Лико-чо, на пару куда-то отправились, – прокричала из переулка недавняя пенсионерка Мария.

– Да вот старик-то про глину ково-то прочитал, лечебна, так и пошли покопать, – отозвалась Авдотья.

– Ну, дай Бог! – как бы прощаясь, крикнула Мария и, не отвыкнув ещё от положенной суетной деловитости занятого человека, стремительным бабьим шагом направилась вдоль по улице.

Старики, бренча колёсами тележки, потихоньку ковыляли дальше.

– Я знать-то с позапрошлого лета на степе-то не бывала, – любовно оглядев открывшийся простор, сказала Авдотья.

– Ну, так то и бежишь, – с обидой выговорил ей дед, с трудом поспевая за женой.

– Эх, и побегано туту, – сбавляя шаг, вспоминала Авдотья, – по коровушек-то похожено, помнишь, поди, Майку-то, везде-то она вперёд окаянна. А уж уберётся куда, так дальше всех.

– Да уж поискали, – согласился Киприян.

Молча, побрели дальше...

– Вон игрища-то были, – вдруг указал Киприян на дальний угор. – Помнишь, поди, весной-то шуму-гаму. Девки-те, робята, гармонь, а ноне вон, штось в клуб-то не ходят.

– Поплясала бы сщас, да вся уж отплясалась.

– Кабы не пляски, дак не подошёл бы я к тебе тогда.

– Чо, неуж не подошёл бы?

– Нук как, ить зазноба у меня была уж.

– Это Харетина чо ли?

– Нук толи не знашь?

– Да как не знать-то, знаю, – вздохнула Авдотья и с вызовом подначила. – Да ить и я одна-то не хаживала.

Оба опять надолго замолчали, вспоминая.

Бит был Киприян за Авдотью и сам в долгу не оставался, не отступил, у всех ухажёров отбил девку-красавицу. И сватовство вспомнил Киприян, и как призвали в армию, и как вернулся в родную избу уж после войны к Авдотье и Федьке маленькому – первенцу. Смешалось всё, накатило враз, выбило из предательски неверных глаз неожиданную слезинку.

– Чо, дед, замолчал? – разогнала его да свои думы вопросом Авдотья. – Где глина-то твоя, веди!

– Ак вон, в Долгом, – тихонько проговорил, нарочно глядя в сторону лога, дед.

– Ну-ко ишо расскажи, чо ты про её прочитал, – предложила Авдотья.

И Киприян не торопясь, чтобы чего-нибудь не пропустить, пустился ещё раз рассказывать.

– Вон чо лекарства-то рядышком, а всё куды-то на курорт едут, – подвела итог Авдотья.

– Дак вон у Фетьки-то остехондрос, поди поможет? Опять же у Ильи язву признали, – вспомнил Киприян сыновьи болезни.

– У Коленьки-то аллергия, вон в садик-то всё не ходил, а шас ить школа, – напомнила Авдотья.

Весь путь до оврага перебирали недуги родственников.

– Эх, хлеба-то добры! – оглядел поля Киприян.

Оставили тележку и ведро, и с одной лопатой спустились в овраг.

– Где копать-то? – спросила, рассматривая заросшие склоны, Авдотья.

– Сшас огляжуся, так-так-этак... – остановился Киприян, размышляя. – Тамо в устье должно быть.

– Ак чо ты сразу-то не сказал, телегу-то оставили.

– Да пусть она стоит, покопам, потом вместе и сходим. Куда торопиться-то?

Земля в овраге сырая, но плотная, ни болотца, ни топи. Тихонько побрели к устью. На правом склоне Киприян начал копать, отрезая пластики и отваливая в сторону. Скоро забелела влажно-масленная глина.

– Смотри-ко, нашёл! – радуется Авдотья.

Всё теми же пластиками Киприян вынимает бело-голубую глину, складывая их аккуратными штабельками.

– Неуж та и есть?

– Так у их, вроде, про еку же написано.

– Я нето по телегу пойду, – начала вставать Авдотья.

Хотел Киприян её остановить, да где же баба усидит. Пошла, поковыляла по густо заросшему склону. И радостно Авдотье от густого травяного духа, да от заботы такой нечаянной. Тяжело вползла на бугор, вниз взглянула: «Ох, и ссохся ты у меня, Киприянушко».

А Киприян всё копал, не торопясь, аккуратно сваливая пластики. Накопал так, чтобы всё погрузить в тележку, да и присел на траву, притомившись: «Да где она, старая?»

– Эй, Киприян, живо-о-ой? – донеслось сверху.

– А чо мне сделается. Ташши давай ведро, да телегу-то там оставь.

Медленно, «с перекурами», натаскали старики в тележку белой, тяжёлой от воды глины.

– Надо яму-то подровнять.

– Пристал-ить ты, давай я зарюю, – схватилась за лопату Авдотья.

– Я ить тихонько, торопишься куда чо ли?

Тележку тянули к деревне по меже вдоль бровки лога вдвоём.

– Чо-то жарко стало, – посмеивается Киприян.

– А чо хоть попотешь, жар-от кости не ломит, – смеётся в ответ Авдотья.

Медленно, без остановок, за разговорами добрались и до деревни.

– Здравствуйте! – послышался из огорода слева ясный голосок.

– И тебе здорово, Еленушка! – приветствовал Киприян деревенскую почтальонку.

– Чего это везёте? – облокотившись на жердь забора, спросила Ленка.

– Да вот. В газетке-то пишут про глину, помогают от всяких болезней, попробовать хотели,

– объясняет Киприян.

– Ну-ну, давайте, – подбодрила, отходя к своему парнику Ленка.

– Куды её девам? – спросил уже дома Киприян.

– А давай хоть в корыто, оттудова сколь надо и возьмём.

Утомлённые походом разбрелись отдыхать.

– Ох, отвыкла я от ходьбы-то, полежать, чо ли? – пробормотала Авдотья, громоздясь на печь. – Принимай, печка-матушка.

Растянулся на диване и Киприян. Оба скоро уснули...

А осенью дед Киприян как-то неожиданно заболел и умер. Глина всё лежала в предбаннике в старом корыте плотным серо-голубым монолитом высохшая и необыкновенно лёгкая. Авдотья так и не дала выбросить: «Может, сгодиться кому, дедушко-то вон чо нахваливал».

*Июнь 2001*

## СНЕГУРУШКА

Они шли от подъезда её дома. Шли, переступая лужицы и мутные ручейки. Воздух неподвижной плотной влажной массой холодил лицо. На её волосах замерли росинки. Они держались за руки и не раскрывали зонтов...

– Вставай, – Лену разбудил голос отца.

Она попыталась вспомнить лицо того, кто держал её за руку, и опять не могла. Во сне оно было таким знакомым, почти родным, что взглянуться в него нужды не было...

\*\*\*

– Ленка, Ленка, – раздался за спиной громкий нетерпеливый шёпот.

Лена обернулась.

– Эй, Смирнова, тебе ли списывать? – грозно рокотнул голос Ольги Михайловны.

Лена повернулась к своей тетради и снова погрузилась «во глубину образа Катерины»...

– Лена, новость слышала? – Настойчиво шептала сзади Верка Достовалова.

«Как точно ей фамилия подходит, достала уже!», – фыркнула про себя Лена, не оборачиваясь.

На перемене Ольга Михайловна всех из класса удалила и сама, закрыв дверь на ключ, вызывая скрип расхлябанного сотнями ног коридорного паркета, плавно удалилась в учительскую.

Верку просто распирало от новости. Она, эта новость, так и лезла из неё.

– В «А» классе, слышала, мальчик новенький? Интересный такой... А эта, рыжая дылда – Вика, весь день вокруг него крутится...

– Эй, девчонки, вы про кого пишете? – грубо перебил её прибежавший с нижнего этажа, одноклассник Пашка. Невысокий, худой и какой-то весь неприбранный.

– Я про эту – Катерину. Вот у «ашек» учебник взял, свой-то я не ношу никогда, – и Пашка захохотал, довольный своей выдумкой с учебником. – Сейчас всё, что «забыл» вспомню и напишу. Ну, про кого пишете-то?

– Да всё про того же. Иди, Пашенька, вспоминай, – отвернулась, изображая занятость, Верка.

– А я думал, поможете. Знаете, как говорят: «Все люди – братья, все должны помогать друг другу».

– Так это же про братьев, вот и иди к братьям.

Братья – это близнецы Коля и Костя, коренастые добряки, не блиставшие ни в точных, ни в гуманитарных науках, но весьма преуспевшие в беге, за что их и рекомендовали в гимназический класс. Они, конечно, всё понимали, и... раз за разом выигрывали всевозможные забеги, эстафеты и спартакиады. Их хвалили, давали грамоты, но только обязательно кто-нибудь из учителей как бы ненароком подначивал на уроках и так, за глаза.

Лена просто чувствовала, наверно тем чувством, которое в числе прочих, называют шестым, их обиду. Однако лица братьев всегда были непроницаемы. За что им ещё больше доставалось. Они молчали, снося уколы, и снова побеждали...

– Это, к каким братьям-то? К близнецам, что ли? Спасибо, – ёрничал Пашка.

У двери в кабинет быстро собиралась толпа. Зазвонил звонок, и сквозь неё проломилась Ольга Михайловна. Загремели ключи и дверь распахнулась. Первыми, конечно, влетели Пашка, Сашка и Эдик – «мелкие», как их прозвали одноклассники. За ними важно, полные достоинства, вошли «элитные» – Андрей и Миша, считающие себя безусловными гениями, знатоками всех жизненных коллизий. Следом, смешанная толпа ребят и девчонок, в числе которых прорвалась и Верка.

Лена с ещё двумя девочками ждали более свободного прохода, и вошли вполне пристойно, хотя и не в первых рядах. Братья, и ещё двое мальчишек – Коля и Женя, как всегда, пропустили всех.

– Вы, джентльмены, опять последние... – с обычной неприязнью (хотя, наверно, на самом деле, она так и не думала) процедила Ольга Михайловна, пока ребята, под тихие смешки, следовали к своим местам дописывать сочинение. Субботу Лена почувствовала только на третьем уроке. Историчка, или как её все звали – Истеричка, сегодня, как всегда по субботам выглядела особенно замученной и счастливой одновременно. Урок у неё был последний, и Людмиле Егоровне прямо не терпелось его закончить.

Верка с соседкой по парте Ниной листали очередной яркий каталог. Парни за ними резались в «морской бой». Братья с невозмутимыми лицами ёрзали на стульях. Лимит неподвижности, отведённый их тренированным телам, давно был исчерпан, и они изнывали в ожидании звонка. Интеллектуалы – Андрей и Миша не писали ничего, надменно наблюдая происходящее, будто преисполненные знанием высших истин. Лишь несколько человек, как и Лена, хотя бы внешне занимались уроком.

Истеричка, как и многие её слушатели, всё чаще смотрела на висевшие над классной доской часы. Наконец она назвала параграфы домашнего задания и разрешила собираться, что, в общем, было лишним, класс давно был готов.

Потом начались мужские предметы – ОБЖ и физкультура. В смысле, что преподавали их мужчины. Михаил Николаевич – отставной капитан, сам себе давший прозвище, часто повторяя: «Я, старый солдат, и не знаю слов любви...», нередко бывал несправедлив к юношам и безмерно снисходителен и лоялен к девушкам, чем постоянно вызывал возмущённые возгласы парней.

– Их-то задача, защитника напоить, накормить, баню истопить и спать уложить, а уж ваша их защищать. И от врага, и в случае возникновения чрезвычайной ситуации. Я понятно говорю... – и его физиономия непременно расплывалась в довольной улыбке. Потом он обычно смущался, краснел и сбивался со слов...

Учитель физкультуры – Петя, то есть Пётр Вениаминович, был совсем ещё начинающим учителем, молодым, не женатым. Его смутить было вовсе легко. Он бывал то мягким и обходительным, то необъяснимо строгим и вздорным... И всего боялся.

И эта суббота прошла. Было ещё светло, Лена шла в нестройной толпе одноклассниц, щебетавших о всяких важных вещах, от новой «Фабрики звёзд» и последних школьных новостей, до курьёзов на уроках ОБЖ и физкультуры...

Постепенно стайка распадалась. Девчонки растекались по домам. Дальше всех вместе шли Верка и Лена. У гастронома свернула и Верка. Лена шла одна, разглядывая последние клубящиеся тучи, каждой клеточкой впитывая мягкую прохладу осеннего вечера. Пустынную улицу уже пытались освещать витрины множества магазинов и магазинчиков, оттеняя остатки дневного света жёлтым электрическим сиянием. Проносились какие-то машины.

Вдруг шуршание тормозов и мелодичный переливчатый автомобильный сигнал вернули её к действительности.

– Эй, красавица, хочишь прокатиться? – оглушил грубый, с характерным акцентом голос из раскрывшейся дверки.

Лена, не сразу сообразив, что «красавица» это она и есть, огляделась. На улице никого больше не было.

– Нет, – ответила она и прибавила шаг.

– А, может, хочишь? – голос не отставал.

Лена больше не оборачивалась. Автомобиль, однако, продолжал двигаться следом. Она уже не слышала других звуков, только этот тихий рокот нового двигателя и шелест шин по асфальту. Вдруг послышался какой-то дребезжащий автомобильный рёв и снова шум тормозов. Лена, почему-то с надеждой, обернулась. Наперерез этой большой блестящей иномарке, под углом, загородив ей путь, ткнулась к бордюру другая, вся какая-то потрёпанная не мытая и совсем не новая машина. Из неё со смехом вывалились четверо шумных парней. Блестящая машина остановилась, стала неуклюже маневрировать, объезжая внезапную преграду и бесшумно укатила. А парни кричали что-то, кого-то звали из соседнего дома, подняв головы, сигналили. Поймав случайный взгляд одного из них, Лена отвернулась и поспешила уйти.

Домой, на пятый этаж, она поднялась, не замечая ступенек. В голове был бардак. Конечно, испугалась и сама не села бы в эту машину, но... С другой стороны, было как-то даже лестно от этого столь неожиданного внимания.

Наступило воскресенье, Лена, как обычно, никуда не пошла. Осваивала новую версию компьютерной игрушки по мотивам одной из историй о Гарри Поттере. Читала просто так и по-программе, готовилась к урокам.

Да и вообще, скоро дни стали одинаково коротки, они летели как кадры какого-то фильма. Лена наблюдала их, как бы со стороны, вдруг осознавая, что не заметила, как промелькнула ещё одна неделя. Утром она шла в театральную студию, затем факультатив по математике, физике или информатике. Потом уроки, и так день за днём. Временами её это вполне устраивало, а проблемы, которые возникали, если разобраться, то и не проблемы вовсе...

Но из общего ряда выбивались нечастые дни, когда всё её существо охватывала тоска и смятение. Бывало это, когда невзначай приходилось обгонять или встречать пару сверстников. Вдруг замолкавших, ощутив её приближение. И Лена, понимая свою ненужность, сейчас в этом месте, ускоряла шаги, стремясь поскорее исчезнуть. А прерванный разговор, она это, как правило, ещё слышала, тут же продолжался, как будто никакой Лены Смирновой во Вселенной вообще не было.

Шумная девчоночья стайка к зиме совсем рассыпалась. Только Верка, поссорившись с каким-нибудь, назначенным ею в ухажёры парнем, иногда, составляла компанию Лене. И в тот декабрьский вечер, точнее уже ночь, они шли к остановке вместе.

– А я с Колькой навсегда рассталась, – упавшим голосом сообщила Верка. – То придёт, то нет. То у него тренировка, то с парнями где-нибудь прошатается. А потом придёт, стоит из себя весь, будто он пьяный. А я у Сашки спрашивала, так он говорит: «Пива по бутылке купили». Я Кольке так всё сегодня и сказала: «Не умеешь пить, не пей, пробки нюхай...»  
Стыдно стало, покраснел. А я спецом при парнях... Они, слышала, как смеялись.

Шутки, и правда, сыпались на Кольку весь день.

– Может, в другой раз умнее будет? – негромко закончила Верка.

– Вера, ты же вроде навсегда?.. – опять удивилась её лёгкости Лена.

Подошёл автобус. После Веркиной болтовни стало вдруг грустно и одиноко. Не в смысле, что вот сейчас одиноко, а одиноко и вчера, и сегодня, и завтра. Одиноко совсем. И... завидно. «Вот Верка маленькая и некрасивая, а всё у неё легко». Верка снова, заняв удобное место у окна, болтала. Лена ей односложно отвечала. На остановке у гастронома Верка вышла. Дальше Лена отдыхала, в почти пустом салоне автобуса стало тихо и покойно.

Пока они ехали, повалил снег, Лена вышла из душного автобуса, будто в сказку. Она медленно шла, глядя на редкие крупные хлопья. Близился Новый год. Хотелось верить в чудо, в Деда Мороза, который это чудо, обязательно, сотворит. Казалось, вот сейчас он возникнет где-то тут, среди пушистых, невесомых и медленных снежных лоскутьев, весь такой живой, тёплый, мудрый и добрый. Лена шла, поглощённая зрелищем, и действительно ждала...

...И он возник, только не в красной атласной шубе с криво прилаженной бородой, как на утреннике в начальной школе. Навстречу из-за снежной завесы бодро шагнул седобородый старик, в чёрном полушубке, валенках, заснеженной кроличьей шапке. Лена, взглянув на него, действительно обрадовалась, но быстро справилась с собой и посторонилась, уступая дорогу. Но старик и не собирался проходить, он направлялся к ней.

– Ну, здравствуй, Снегурушка, – довольно приятным баском поздоровался старик.

– Здравствуйте, – Лена с опаской вглядывалась в свете фонаря в незнакомые черты.

– Не пугайся. Знаю я про тебя, всё знаю... Ждёт он тебя, тоскует тоже шибко. Вот и ты жди. На-ка вот, для тебя нёс... – незнакомец пошарил в глубоком кармане и протянул ей что-то спрятанное в кулаке.

Лена подставила руку.

– Ну, вот и ладно. Да помни сон-то свой...

Старик широким шагом пошёл, обходя дом, и скрылся за углом. Лена стояла на краю круга фонарного света и почему-то боялась разжать ладонь. «А, что бояться-то, всё равно же посмотреть придётся». Она медленно опустила взгляд к раскрытой ладони, на ней лежал маленький крестик из белого металла с чёрной верёвочкой, кажется льняной. Крест был небольшой, на вид грубоватый, с прямыми углами, с тонким православным рельефным крестиком на одной стороне и мелкими буквами на другой.

Лена спрятала подарок в варежку и пошла вслед за стариком. Между домами было темно и казалось совершенно пусто. «Это же и был самый настоящий Дед Мороз», – с детским восторгом думала она, – «и подарок вот, неожиданный». И, если бы сейчас старик оказался где-нибудь в этом заснеженном дворе, конечно, всё было бы не так чудно.

Крестик удалось рассмотреть, только когда родители отправились спать. Лена попыталась разобрать буквы, не смогла. На всякий случай помыла его и верёвочку с хозяйственным мылом. И не раздумывая надела.

Утром, как обычно, отец тронул её за плечо.

– Подъём! – Коротко, спросонья буркнул он и тут же вышел из комнаты.

Лена потрогала шею, нашла верёвочку, крестик был на спине. Но, главное, ОН БЫЛ. Был на самом деле, значит, и Дед Мороз был...

«А, что я скажу, ведь спросят «где взяла?», обязательно спросят», – ничего путного не придумывалось. Лена решила вести себя как обычно, а там, – будь, что будет. И точно, крест два дня никто не замечал. Но вечером на третий, она сама же и не выдержала.

В пятницу, по традиции казавшейся для Лены вечной, вся семья смотрела уже давно надоевшую программу – «Поле чудес», время от времени, по-привычке вслух подсказывая буквы участникам, восхищаясь призами и подарками, что дарили друг другу ведущий и игроки.

– А мне дедушка крестик подарил!!! – как бы невзначай сказала Лена

– Какой дедушка? Наш дед? – удивилась мама.

Дед Лены – папин отец – бравый, седовласый, типично городской пенсионер, был страстным любителем дворовых посиделок и акций протеста. Ещё до недавнего времени завсегда с какими-то партсобраниями, разочарованный, в конце концов, всякими партиями и митинговавший только во дворе, на лавочке, среди воинственных старушек. Никогда, ни в какой религии, или, как он говорил, «суеверии» дед не был замечен. Лена с детства считала, что «Дедушка Ленин» это он и есть, в смысле это её – Лены дедушка. Только потом, уже в школе, не без труда, собственный дед и образ вождя мирового пролетариата, разделились. С внучкой Павел Кузьмич пытался быть суровым. Критиковал, часто прилюдно, за наряды, причёски и прочее. Но если посторонних не было, чувства скрыть не мог и таял. Одаривал при встрече шоколадом. На Новый год, женский день и день рождения дарил деньги и непременно велел: «Купи, что хочешь». И Лена, радуясь подарку, покупала, действительно, что хотела, объясняя, что это подарки деда. А тот, ворчал и оправдывался... Но и в следующий раз, всё повторялось...

– Нет, мама... – пришлось рассказать о неожиданной встрече.

– Ну, вы – девушка, даёте! – возмутился, казалось не слушавший их разговор, отец.

– Да, он сам ко мне вышел, из-за угла...

– Не виноватая я, он сам пришёл... – отец начинал злиться.

– И что, вот так просто отдал тебе крест? – сурово спросила мама. – И где он.

– Кто, он?

– Да, крестик-то?

– Вот, – и Лена вытянула, из-под ворота, за верёвочку дедморозов подарок.

– Ты, что его ещё и надела? – взвизгнула мама.

– Я же помыла с мылом.

Мама с опаской потянулась к кресту.

– Ни чего себе, двоеданский! – неожиданно восхитилась она. – А дед-то не назвался? Я уж подумала, сектант какой-нибудь, вон их нынче сколько, проходу нету, – и мама опять начала свой «увлекательный» рассказ о пристающих на улицах тётках с разной «духовной ересью»...

– Нет, мама, я пока сообразила, дедушка за угол зашёл, – перебила Лена. – Я за ним пошла, а там темно и ничего не видно, снег же был. Я обратно повернула.

– И что, в школу с ним пойдёшь? – спросил, с издёвкой, отец.

– А, я уже два дня хожу.

Разговор прошёл на удивление легко. Крестик не кинулись срывать. Она ждала борьбы, маминой истерики и папиных ультиматумов... Но такого хода не ждала никак.

– Ты знаешь, у меня тоже почти такой же есть, – тихонько сказала мама. – И отцу бабушка где-то доставала, в шкатулке лежат. Мы и тебя крестили, только не в церкви, да ты же знаешь, рассказывали ведь. Крестик твой, тоже есть, только вот не надевали всё.

Крестила Лену мамина бабушка Матрёна, когда правнучке было полгода. Окунала в купель – специальный железный бак, принесённый ещё какой-то старухой. Читала молитвы и нарекла именем... И, во крещении, она вовсе не Елена, а какая-то Маремьяна. И крест на неё тогда надели. Но тот крестик лежал уже четырнадцать лет в маминой – «секретной» шкатулке, как некий непонятный артефакт, несущий торжественно-тяжелую значимость и сколько не разглядывала его украдкой Лена, надеть решила лишь несколько раз и носила не больше десяти минут. Крест, казалось, давил. Тот, что был на ней сейчас, совсем не ощущался и снимать она его не собиралась.

Время шло. Прошли каникулы. Вся школа, со страшной силой, готовилась к не совсем понятному празднику – Дню святого Валентина, от которого Лена, в отличие, от Верки, почему-то ничего и не ждала. А Верка с удовольствием, и утроенным усердием, плела свои

интрижки, время от времени сообщая Лене, куда её опять втянула и как всё будет клёво. Но это «клёво» никак не наступало, и Верка затевала новую комбинацию. В ходе реализации своих мероприятий она в очередной раз «навсегда» поссорилась с Колькой. А потом на школьном вечере пыталась уделять внимание Серёжке из «А» класса, а он «никак не отставал от этой кикиморы – Вики», и она опять вынуждена была вернуться к «этому дураку – Кольке».

Лена получила четыре открытки – сердечка, с разными комплиментами и многоточиями, подписанные «С», «А.Е.», «Ю. А.» и знаком «зорро». Верка неделю пыталась выяснить, кто это. Вгоняла в краску парней из своего и других классов. Но, не встретив поддержки Лены, переключилась опять на создание собственных проблем.

Дни прибывали, Лена всё чаще ходила домой пешком и, что её радовало, без Верки. Даже вечерами не прекращалась капель. На газонах вытаял мусор. Город напоминал квартиру во время ремонта, когда хозяевам некуда уйти, и они ведут работы, перемещая вещи и мебель из одной комнаты в другую, а потом обратно. Маневрируя между мешком с цементом, банками шпатлёвки, рулонами обоев, тюками, коробками и стульями... И все устали, но веселы. И все пытаются шутить, сталкиваясь на узких тропках. И все ждут, что вот-вот это кончится и начнётся Новая Жизнь, в Новых Декорациях. И будет лучше, и всё наладится, и вообще...

Обходя лужи и раскисшую снежную кашу, Лена двигалась среди таких же, глядящих под ноги, субъектов. «Всё, завтра, точно поеду на автобусе», думала она в очередной раз, но наступало завтра, превращалось в сегодня и вечером она снова шла пешком.

В этот раз, неожиданно сморозило, и зыбкая мешанина из песка и снега вновь обрела стабильность, не став при этом удобнее для ходьбы. Лена уже опять кляла себя, что не поехала на автобусе. Но большая часть пути была позади, и она шла в толпе скользящих, поглощённых поиском места для следующего шага людей. У автобусной остановки путь ей кто-то преградил. Она, не поднимая глаз, шагнула влево, человек сделал то же, шагнула

вправо, и он туда же. Лена осматривала тротуар в попытках найти подходящее направление и невольно обратила внимание на обувь человека. Это были валенки, с натянутыми поверх них глубокими калошами, такими нелепыми среди побелевших от сырости кожаных сапог и ботинок.

Перед ней стоял, хитро улыбаясь, тот же старик – Дед Мороз. Всё в тех же чёрном полушубке и кроличьей шапке-ушанке.

– Ну, здравствуй, Снегурушка. Я, вот уж другой день на тебя смотрю, а ты, голубушка, и не видишь. Так-то и проглядишь всё. А, что ты под ногами-то не видала?

– Так, скользко же, – Лена совершенно растерялась.

– Давай-ко, спинку-то распрями. Когда пряменька будешь, так тебя никакая беда не согнёт и не уронит. А ледок-от, и вовсе! – Старик бодро рассмеялся. – Вот так и не увидишь добра-то молодца. А он, туто, вчерась так же как ты прошёл, чуть тебя не сшиб, а ты и не заметила. Да и он тоже, шагат это себе...

– Дедушка, а Вы кто?

– А, тебе на что знать?

– Ну, Вы же, вроде, следите за мной.

– Не слежу – приглядываю, да и не за тобой одной...

Подошёл автобус, из раскрывшейся с шипением двери хлынула пёстрая толпа, рассеиваясь по тропам. Мимо заспешили разные люди и Лене пришлось отступить, чтобы не загораживать проход. Когда она повернулась, старика рядом не было, он проворно удалялся. Догонять его было уже бесполезно. На пути семенили бабушки с котомками, малыши-школьники с огромными ранцами и прочие люди, стремящиеся успеть на автобус. Лена ещё дальше отступила в сугроб, пропуская цыганку в роскошной шубе с большими клетчатыми сумками. Она пыхтела, расталкивала людей на остановке, кричала что-то бегущим за ней остроглазым пёстро одетым ребятишкам.

Автобус отъехал, забрав всех желающих. Движение на тротуаре постепенно пришло в какую-то норму. Лена пошла, почти не разбирая дороги, домой. Под ноги она уже не смотрела. Удивительно, мир вдруг стал ярче. Дышалось легко. Лёд и лужицы, казалось, вовсе исчезли. «Что на них смотреть, если обойти всё равно нельзя», – думала Лена.

Небо сияло праздничной синевой, редкие тонкие облака причудливо обрамили его. На ещё спящем клёне весело пела синица, а на яблоне, под которой вытаяли расклёванные и уроненные зимой яблочки, пировали толстые снегири. Из парка притекал дух талого снега.

Было забавно наблюдать согбённых сограждан, обходивших, недавно и её так волновавшие, лёд, и снежные кучи. Лиц почти не было. Безликие фигуры брели, будто слепые, тыкались в какие-то преграды, нередко и друг в друга. Хотелось встретить чей-то осмысленный взгляд, услышать смех или хотя бы беззаботную речь. Но люди шли молча, либо односложно переговариваясь, поглощённые созерцанием тротуара.

Вдруг она уловила ясный взор. Это был парень в дутой куртке, обыкновенной круглой вязаной шапке. Ничего особенного. Но он не смотрел вниз, он смотрел на неё и взгляд казался удивительно знакомым. Где она его видела? Никак не вспомнить. Он, казалось, тоже припоминал. Шёл в недоумении. Вот они поравнялись. Лена пыталась отвести взгляд и не могла. Она, чуть не окликнула его... Вот он уже позади. Лена оглянулась и опять встретила его взгляд. Он оглянулся тоже. «Нет, не оглядываться больше», – приказала себе она. Но, пройдя пару шагов, всё же обернулась, их взгляды опять зацепились...

Её лицо вдруг предательски вспыхнуло. Что это было, толи злость на себя, за эту беспомощность, то ли стыд за этот неожиданный контакт, может всё вместе и ещё что-то? Лена старалась не вспоминать, но эта смесь чувств возвращалась. И она осторожно думала: «Может это тот, про кого Дед Мороз говорил? Только где я его раньше видела? Ведь видела же?». Вопросы росли как зубная боль, и отмахнуться от них было всё труднее.

На следующий день она, не скрывая это от себя, искала его глазами. Грязные сугробы удивительно быстро таяли, а кое-где даже просох очищенный раньше от снега асфальт. Люди сегодня были реальнее, они деловито обходили водные преграды, смотрели на мир открыто и прямо. «Как же я узнаю его?», – тревожилась Лена. Она дошла до дома, так его и не встретив: «Может правда, не узнала? А может, сегодня он идёт каким-то другим путём? Или случилось что-то?»

– Ты, что задумалась? – настороженно спросила мама за ужином.

Лена бессвязно ответила что-то про школу. Мама долго убеждала, что это всё ерунда и в жизни вовсе не самое главное. Рассказывала истории, похожие случаи с разными её знакомыми.

– Спасибо, мама, – неопределённо, толи за ужин, толи за советы, сказала Лена и поспешно ушла в свою комнату.

Она пыталась читать о центрах происхождения культурных растений: реферат надо защитить в пятницу, а у неё ещё не всё готово, никак не могла собрать разбегающиеся мысли: «Может, это и есть любовь? Тогда на фиг она такая... Только бы увидеть его завтра».

Неделя прошла, словно в тумане, но к концу её Лена уже совсем успокоилась, успешно отчитала свой реферат. Стало по-весеннему тепло. Река вскрылась, а на деревьях в парке щебетали какие-то птицы. На высоких тополях за школой громко бранились, или радовались (кто их разберёт) грачи. Она просто шла, неспеша. Опять была суббота. Тёплый ветер, казалось, просто сжигал последний снег. Солнце сияло, отражаясь в огромных лужах и играя в ручьях.

Они почти столкнулись на углу. Вышли одновременно на встречу. Отворачивать было поздно, и они стояли молча, глядя друг на друга. «Бежать скорее... Ну и беги, как дура... Ну, скажи ты, чтонибудь...», – её мысль неслась, перебирая варианты выхода и не находила. «Неужели, уйдёт?», – плакало, что-то в её существе.

– Привет, – робко сказал он.

– Привет, – ответила она.

Поворачивая, завыл и застонал изношенный, жёлтый, почти пустой, городской автобус, тяжело выруливая с проспекта в узкую улицу. Что-то привлекло их взгляд.

В окне, улыбаясь в седую бороду, махал им рукой старик.

– Ой, Дед Мороз... – не сдержалась Лена.

– Точно, похож, – засмеялся он. – И подарок мне подарил под Новый год...

– И мне тоже...

\*\*\*

В воскресенье, они шли от подъезда её дома. Шли, переступая лужицы и мутные ручейки. Воздух неподвижной плотной влажной массой холодил лицо. На её волосах замерли росинки. Они держались за руки и не раскрывали зонтов. Его лицо казалось давно знакомым, почти родным... Она вспомнила, у спасительной машины осенью видела его. И это, точно, был ОН.

*Февраль 2005*

## ПОМИНКИ

Сергей ехал в деревню. Не был там уже, наверно, лет семь. Дед приболел и поехать не смог, а было необходимо. Оформлял пенсию, и стали нужны какие-то справки из сельского совета. Владимир Петрович – дедов брат сумел всё подготовить. Нужно было только забрать.

Поездку подгадали к девятому мая, выходных два, можно всё проверить и вернуться без спешки. Старики: Владимир Петрович, которого Сергей, как и отец, называл дядей Вовой и его жена Ольга Поликарповна – тётя Оля, давно поджидали родственника и по телефону попросили племянника уговорить Сергея остаться ночевать. Отец велел уважить родню. Сергей долго препирался. Всё же два выходных впереди, но согласился.

Дорога была прекрасная, мотор новой отцовской машины ровно рокотал, из динамиков лилась модная мелодия, в открытое окно врывался тёплый, свежий и влажный ветерок. Сергею было хорошо. «Нельзя мужчине без машины», – думал он, – «вот закончу институт и надо как-то покупать свою».

У дороги мелькали чёрные поля, зеленеющие колки, попадались все какие-то одинаковые деревни, казалось, и люди тут должны жить такие же, одинаково серые, неинтересные. Сергей обогнал несколько развалюх, всё «москвичи» да «копейки». Было весело, и он посигналил какому-то дедуле, с прищуром глядящему на дорогу сквозь стекло дряхлого «москвичёнка».

Через полчаса Сергей подъезжал к дому. Дядя Вова уже поджидал на лавочке у ворот. Постаревший, сидел в клетчатом, с наградами, пиджаке и серой кепке.

– Ну, здорово, Серёжа. Заматерел. В отца весь! – заговорил, пожимая ему руку, Владимир Петрович, – как дедушко, там в городе-то?

– Да ничего. В сад собирается, полегче стало.

– Ты пока не заставай коня-то, – сказал дядя Вова, указав на машину. – Подвезёшь меня на митинг, как раз вовремя подъехал. Всех ветеранов лично пригласили, а я тебя приглашаю.

– Ну, садись, дядя Вова, – Сергей открыл перед стариком дверку.

– Хороша машинка-то, – дядя Вова в восхищении ощупывал панель. – Долго, поди, батюшко копил?

– Не знаю, он мне не докладывает, – Сергей запустил двигатель и, нетерпеливо переключая передачи, резко выскочил на поднятую асфальтовую дорогу.

– Коммерческа тайна, видно, – засмеялся дядя Вова.

– Да, правда, не знаю... – Сергей всё больше раздражался: «Неужели весь день слушать это. Как бы, не нагрубить».

– Ты, куда? Забыл, где правление-то? – замахал руками пассажир, – заулочок проехал.

– Дядя Вова, ты за штурмана сейчас, показывай вовремя.

У клуба машин не было, и Сергей остановился в стороне. Вышли они вместе.

Митинг начался с опозданием почти на десять минут. Четверых ветеранов поздравляли глава сельской администрации и, страшно волнуясь, все двенадцать старшеклассников местной школы. Самодеятельный ансамбль пенсионерок в пошитых когда-то концертных сарафанах, исполнил песни военных лет. Все четверо получили в подарок по клетчатой рубашке и открытке, чем остались очень довольны. Потом школьники и ветераны вышли возложить венки к пирамидке памятника погибшим односельчанам, краснеющей подновлёнными фамилиями.

Гремели и блестели на солнце награды. Ветераны, стесняясь редко надеваемых парадных пиджаков, бодрились и напускали торжественный вид. Школьники шли серьёзно и степенно. А когда глава объявил минуту молчания, наступила вдруг тишина. Селяне действительно молчали. Пожилые и дети, мужчины и женщины. Даже суетливые воробьи вдруг тоже замолчали, наверно, испугавшись внезапной тишины. Сергей невольно отметил: «В городе всё не так. Бритые братки, ожидающие своих подружек, где-нибудь на задах пытаются перекричать друг друга, улаживая дела по мобильнику, беспечные школьники продолжают свой «крутой» трёп, а несчастные учителя громко шепчут угрозы, в попытках их урезонить. Тут, в деревне, всё было всерьёз».

Закончили митинг приглашением ветеранов в сельский совет, где готовилось общее застолье. Владимир Петрович отказался. Сослался на нездоровье. Обнялся со всеми, прощаясь.

– Поехали, Сережа, хватит с меня митингов-то, – дядя Вова направился к машине.

– Вот уж, которую весну после войны встречаю, а всё вроде внове, – рассуждал он по дороге. – Только, вот каждый год похолодание бывает, и нынче, ветер, вон какой студёный. Да, всё одно оттеплит, куда оно денется. Дожить бы только, хоть до цветочков да до ягодок...

А то, вон, Ерофея с Петром зимусь на кладбище свезли. Одного в декабре, другого в феврале, в оттепель как раз. Осталось нас, ветеранов войны-то, с прошлого года пятеро. Подбирает смёртонька, будь она окаянна, – Владимир Петрович тяжело вздохнул.

– А на митинге только четверо было, – припомнил Сергей.

– Степанко, пятый-то, давно уж от дому не отходит, к нему и председатель, и школьники домой приходят. Катаракта, а операцию делать нельзя, не narosло ещё что-то. Он и говорит: «Не увижу уж я ни травки, ни солнышка...». Да и меня вот тоже болезнь от застолья-то погнала. Вон, по телевизору, да по радио, не одинава за день твердят: «Шестьдесят процентов мужчин страдают», как совсем уговаривают, а у нас из стариков-то меня только и мает, а как скажу при бабах – стыдобушка...

Большой пятистенок – дом Владимира Петровича, стоял совсем недалеко. Свежо зеленели в палисаднике кусты, белела цветом старая яблоня.

– Вот, Серёжа, видишь, радуется всё жизни-то, – улыбался ветеран.

Вскоре они уже сидели за приготовленным Ольгой Поликарповной столом.

– Ты, не пьёшь, поди, ещё? – сурово глянул на гостя Владимир Петрович.

– Да нет, пью маленько, – Сергей почему-то под этим взглядом вдруг покраснел.

По случаю праздника и приезда гостя тётя Оля выставила на тесно и богато обставленный стол бутылку водки. Хозяин разлил в гранёные стопки.

– Ну, тогда давай за Победу, что ли? – дядя Вова встал и, выдохнув, в один глоток опорожнил, опрокинув стопку.

Сергей, поперхнувшись, сделал то же.

– Ну вот, молодец! – подбодрил гостя Владимир Петрович. – Давай, отведай, чего Бог послал.

На столе было много чего: и домашние соленья, и деревенский подовый хлеб и сдоба, и холодец, и пельмени, и настоящий квас. И ещё что-то, чего Сергей и не пробовал никогда.

– Прости уж, Серёжа, чем богаты, – стала извиняться за отсутствие магазинного Ольга Поликарповна.

– Ну что вы! – успокоил её Сергей, – стол у Вас прекрасный, а таких огурцов, наверно, больше нигде и нет.

Ольгу Поликарповну ответ, похоже, только расстроил. Она смутилась и нарочито отвернулась к печке, спеша переложить что-то с одного угла шестка на другой.

– Давай по второй что ли? Помянуть надо друзей-то, – выручил супругу Владимир Петрович.

– Ух, крепка – зараза... – поморщился он, – и как мы её раньше-то пили?!..

– Всех бы помянуть, да уж не всё и помню, – Владимир Петрович приготовился к рассказу, сел поудобнее...

«Герпи, Серёга...», – сам себе сказал Сергей...

– В сорок восьмом, помню, как мужики, кто ещё дослуживал, воротились да огляделись – оказалось, меньше половины нас осталось. А, чтобы целыми пришли – так, пожалуй, я да Алексей, да ещё Генко – писарь. А остальные – кто с каким изъясном. Бабы-то и таким радёшеньки: «Хоть живой!»

Молодухи, которы замуж перед войной вышли да вдовушками остались с ребятишками, здорово убивались. Которы и не выходили уж больше. Есть и такие, что похоронки не получили, так и прожили, до старости ждали... А мужики, кто ещё сколько протянул...

Лицо дяди Вовы порозовело, он чувствовал это, и было ему от этого как-то неуютно.

– С прошлой Победы не пивал винного-то, – оправдывался он, отирая пот со лба.

– Ты поосторожнее как-нибудь, Володя, – попросила Ольга Поликарповна, – да ешь, давай.

– Ну, ещё указывай. Сегодня можно, всех вспомнить надо. Схоронили сколько? Не помнишь. Человек, поди, семьдесят. Ерофей считал, записывал, в школу унёс тетрадку-то. Там наверно лежит. Спрошу после праздника. Семьдесят, а каждый по-своему прожил.

Гаврило, вон, где только не был. Призвали их четверых враз: Гаврилу, Гераска, Мишку да Николая. Учили на Урале, в Чебаркуле. Бабы – матери да жонки – Николай-то с Герасимом женаты были, – к ним на свиданку ездили. Не пускают, а всё равно как-то проберутся. Домашнего чего-нибудь передадут да тёплое, к зиме дело-то было.

Потом всех увезли, кого куда. Так Гаврило с Мишкой попал. Всё, говорит, рядом старались быть. В первом же бою, в траншее, почти, что рядышком были. Только Мишку танком перемололо, а Гаврило живой остался. Хотел, говорит, как потише стало, Мишкины документы прибрать. Где там! Каша одна.

Штыком Гаврилу в рукопашной кололи, в колене у него осколок сидел до самой смерти, в восемьдесят седьмом с ним в землю и ушёл. А, бок-от весь осколком развороченный! И хребёт на бок был. В бане как-то парились. Смотреть страшно. Победу в госпитале встретил, без памяти, заражение пошло. Доктор-женщина отваживалась с ним чуть не год. Выжил, да вон сколь ещё прожил, хоть и без трех рёбер, а ничего... Крепкий был. Умер, считай, что в строю. На покосе, стоял на зародке. Где же Гаврило пустит кого на зарод? Сам всё. Хозяин. Да не удачно как-то шагнул, покачнулся. Тут, в аккурат, стогомётом копну подавали, ну его и стукнуло по головушке. Улетел, высоконько было. Кинулись, а дедушко-то уж неживой. А так Гаврило, может, нынче бы праздновал. Вот оно, как бывает. А он, считай, до Кенигсберга дошёл... Да, ты ешь, Серёжа, что сидишь? С утра, поди, без завтрака, знаю вас – городских. Рысаки! – подначил Владимир Петрович.

– Спасибо, дядя Вова, тётя Оля, всё очень вкусно, не могу, не лезет уже.

– А ты зашшурься да глотай, что хоть не колбаса.

– Можно, я потихоньку, – Сергей, действительно, вдруг почувствовал сытость.

– Ладно, только, чтобы дочиста, – настаивал Владимир Петрович.

– Да, что уж ты. Пусть парень ест, сколько хочет, – Ольга Поликарповна всё же чувствовала неловкость.

– Забыл я много, Серёжа. Но и помню ещё кое-что. Вот Петро, которого схоронили нынче, помнишь Оля, первый парень был. Гармонист, – вернулся к рассказу Владимир Петрович. – Девки-то, сохли! За косы таскали друг – дружку, пуще парней дрались, бывало, еле растащат! Нам дивно, мы ещё молоденьки были. Завидно, – усмехнулся хозяин. – В танкисты попал Петро, как тракториста взяли. И на «КВ», и на «тридцатьчёрверке» повоевал. Всё вспоминал: «КВ-то чо – корова, вот «тридцатьчёрверочка» – машина». На понтонном мосту – через Днепр вроде, а может и нет, сейчас уж не скажет, а я не помню точно – переправлялись. Петро-то проехал, а эти никак не могут. Этот «КВ» – «Клим Ворошилов», так и этак, говорит, поворачивают. Командир впереди идет-пятится, машет, сигналист. На берегу уж поджимают, торопят, начальство подъехало. Толи поторопился мужик, толи напутал чего, в самом деле, кто его знает? Потянуло танк – ничего сделать не могут. Ухнул в воду – пузыри одни. Механик там и остался. Не мог выползти.

А особисты-то, тут как тут, выловили всех и вместе с командиром увезли. Что с ними стало, кто знает? – Дядя Вова замолчал, будто припоминая что-то.

– Ещё, сказывал Петро, в разведку на трофейном бронетранспортёре гоняли, – продолжил он, – лейтенантик молоденький, ещё моложе Петра, с картой сидит: «Туда правь, туда...» Уверенно так показывает. А потом заметался. Всё... Не поймут куда заехали. Отматькали его, а что толку. Надо как-то обратно, а он с картой вовсе окружался. Смотрят, деревня. Заехали, а в ней немцы. Наделали им шуму, постреляли, подавили да дальше. К своим стараются, а они по ним долбят – часть-то, видишь, другая. Как-то не подбили. Едва отнекались. Лейтенантика под трибунал. Петро говорил, в штрафбат определили, искупать вину. Задачу-то не выполнили. Они тогда на него шибко злые были. А потом, говорит, жалко

стало, парнишко совсем ещё. Ему бы через огород, к девкам дорожки прокладывать, а он по карте в тыл врага. Просмотрел что-то, всяко бывает с человеком, а с командиром всяко, видно, быть не должно...

– Ох-хо-хо, Сережа, да ты, что это сидишь без дела-то опять? Ну-ко, баушка, давай-ко подкладывай ему, – призвал жену Владимир Петрович, – Заморила тебя мамка. Вон как желудок-то сморщился, ничего съесть не можешь. Налить, видно, ещё надо.

– Погоди, Володя. Не навред бы? – вмешалась тётя Оля.

– Ну, так, ты как? – в надежде обратился к гостю дядя Вова.

– Не гони, дядя Вова, успеем, – смутился Сергей.

– Ну, будь по-твоему, – согласился Владимир Петрович, – Пришёл Петро-то, хромой, лицо всё в ямах, обгорело. Девки, сперва рыльца-то воротили. Ничего, женился, да до нынешней зимы дожил с Галиной своей, деток у них трое...

Или, вот Миней. В сорок четвёртом пришёл, контуженый. Я тогда ещё не мобилизован был. Его учётчиком поставили, на лёгкую работу. Ездит, бабью работу считает. Волком выл, бывало: «Чо же вы, бабы, делаете? Откудова сила-то в вас»? А сам, уж иссыхал весь. Схватит мешок или навильник, а поднять не может. Бросит, уйдет с глаз куда-нибудь, заревёт. Маня-то ему двоих ребятишек успела родить, возила всё его по больницам да госпиталям, да видно шибко жамкнуло мужика, в сорок девятом году схоронили.

– Ты помнишь Миней-то? – обратился к жене дядя Вова.

– Как не помнить, справедливый был. Спорил за нас с начальством: «Куда вы их девчошек? Некому больше никак уж?» Бывало и отвоюёт. Берёт нас, шибко понятливый был человек, – отозвалась Ольга Поликарповна.

– А, вот ещё Николай с Василком, да Иван. Всех мобилизовали в одно время и судьба одинакова. Пропали без вести, сколько лежат так-то, толи схоронены, толи под кустом, кто посчитал? – дядя Вова перечислял, загибая пальцы. – Один под Ржевом, другой где-то в

Ленинградской области, а третий и вовсе в Германии. В шестьдесят девятом или уж в семидесятом году их фамилии на памятнике написали. Так парторга-то в район вызывали. Приехал, бледнѣхонек, велел Алёшке-художнику закрасить, тогда при клубе художник состоял. Мы, ветераны, жалобу чуть не все подписали. Возили в район, говорят: «Вдруг предатели?» А какие они предатели? Самые отчаянные головушки были. Идут по деревне, мы за ними, никого не боимся, впереди прятаются, кричат: «Колька!», или там: «Васька идёт!» Умирать будут такие, а своих не продадут. Нет, не дали написать, и не поминали нигде. В прошлом году только дописали, вместе с ребятишками – «чеченцами», никто, ничо уж не сказал.

В голове Сергея живо рисовались картины деревенской жизни, хотя в них постоянно чего-то не хватало. Сергей впервые ощутил живых людей, представлялись свои родные, друзья. Было обидно и страшно за них, и почему-то за этого ветерана, дядю Вову. Которого знал с детства, и совсем, оказывается, не знал. Не знал его поколение и никогда, ничего не дослушал, всё как-то некогда было.

– А ты, что опять приуныл? – дядя Вова вновь сурово на него глянул.

– Слушаю я, – тихонько ответил Сергей.

– Ну, послушай, послушай. Никто уж сейчас лучше-то моего, наверно, не расскажет... Так ведь, нашли Николая-то, – продолжил Владимир Петрович. – В братской могиле там, под Ржевом и был. Письмо на сельсовет пришло оттудова. Да только родни не осталось уж в деревне. Шура, жена его, так одна Витьку и выкормила, да и умерла, не дождалась весточки. А Витька, тот сейчас на Севере где-то, и знать не знает. Написать хотели, адреса ни у кого нету. Дружки его все уж сами отцы да деды, не пишут писем-то...

...Или, вот ещё Самойло. В плену был. И что ты думаешь: там выжил, его тут ещё в лагерь определили. За всю жизнь ниразу на митинг не приходил. Выпивали с ним, бывало. Так он молчит, а потом заревёт: «Не виноватый я, браточки, контуженного меня прибрали. Не знаю,

как живой вот остался. А сколько ребят-то загублено...» И заходится мужик. А мы уж знали, схватим его. А его так и трясёт, еле отойдёт. Спать положим, где-нибудь.

До утра проспит, ходит потом молчком. Да он всегда тихонькой был, так и умер, сам себя виноватым считал. А этот, всё его поддевал, писарчук-то – Генко: «Я ить фронтовик...» Ероша, ему и сказанул, одинава всего: «Ты, Гено, про фронт-то нам не п..., мы и про фронт и про тебя всё знаем». Всё, замолчал. Ну, уж на митингах-то удержаться не мог, всё слово брал...

Да и Бог с ним, с Генком, с покойной головушкой, тоже уж живого, нету... Тебе, сколькой пошёл? – спросил вдруг Владимир Петрович.

– Двадцать осенью будет.

– Чо уж двадцатый? – оживилась вдруг Ольга Поликарповна. – Последний-то раз приезжал, вон, как петушок молоденький, когда уж поёт по петушинуму, а голос цыплячий...

– Мы ещё моложе тебя были, когда призвали-то нас, – прервал рассуждения жены дядя Вова, – уж в сорок пятом. Степана только в сорок четвертом. Так и нашему брату досталось. Всю войну, считай, в колхозе работали, да ещё на лесозаготовки забирали, вместе с трудармейцами. Насмотрелся я тогда на них. Говорили: «Вон враги народа идут...» Строем их водили, кто в чём, еле бредут. Смотрим, а нам жалко, таки же ребятишки, мужики. Худые все. Тут же заключённые, в телогрейках, в валенках которы. И мы тут же, из разных деревень: бабы, девки да мы, которых ещё на фронт рано призывать.

Как призвали, тоже сперва учили. Потом повезли кого куда. Серёга – тёзка твой, – в Западную Украину угадал, до сорок седьмого года бандеров ловил, нагляделся всякого тоже. Не лучше же немцев, а где и похуже будут. Нынче они, говорят, опять башки-то заподнимали. Не всех Серёга выкурил. А эти, слышал, чухонцы-то, что творят? Собрали деньги, да памятник эсэсовцам возле Новгорода, вроде, поставили. Нашлись добры люди взорвали... Так, власть-то, почто не видит? Или она вовсе уж без зубов? А то, вон Петька–

племянник говорит: «Их же и посадят, взорвали которые». Неуж, так и есть? Эх!.. – бахнул кулаком по столу дядя Вова. И отвернувшись, как-то неловко замолчал. Молчал и Сергей.

Стало почему-то стыдно за себя, что так ничего и не сделал за свои почти двадцать лет. За жизнь, которая вполне, вроде бы, устраивает, а тут такое... И ведь слышал же что-то в каких-то «Новостях». Но пропустил, съел, как и прочую информацию. Вроде, так и надо, и даже не задумался...

– Эй, брат, ты спишь, что ли, – Владимир Петрович, наполнил давно пустые стопки. – Хрумкай, огурчики-то, есть, поди, зубы, я ладно, холодцом закушу. Батюшко твой шибко любит Олины-то огурчики. Завтра в яму сходим, ещё достанем. Увезёшь ему. Сами-то солите?

– Нет, у нас картошка одна в саду, да ещё яблоня.

– А, что так? Деддушко-то пусть ходит, чо ему делать на четвёртом-то этаже, как в сквориленке? – дядя Вова жевал кубик холодца с горчицей. – Давай, Серёжа, что ей стоять стопке-то...

– А я ить, с немцем-то не повоевал, – отведя взгляд, как будто извинился Владимир Петрович, вертя в руках пустую стопку, и от чего-то не ставя её. – Митка с Лёнкой в Германию повезли, Витьку в Мурманск, Паньку в Крым. А нас с Егором на Дальний Восток. Его пораньше, меня потом, – продолжал он, помолчав. – На запад сперва, конечно, да потом обратно. Едем, ничего не поймём. Смотрим, к Свердловску подъезжаем, а потом и наши края пошли. Все спрашивают: «Куда нас?», а никто не говорит. Нам хлеб на станциях бросают, на Байкале омуля сунули. Мне маленько досталось, вкуса не разобрал, – засмеялся Владимир Петрович. – Кричат: «Победа, Германия капитулировала!», обидно стало. У всех в родне погибшие были. Мстить хотели, хоть одного немца, а положить. Оказалось, к самураям везут... Говорят, быстро их отпонужали...

Сергей волевым усилием прогонял вдруг навалившуюся усталость. Толи от водки, толи с непривычки, что встал слишком рано. Сидел неестественно прямо, чувствуя пристальный взгляд тёти Оли.

– ...А, всяко же было, – рассказывал Владимир Петрович, облокотясь на стол. – Через пустыню Гоби, марш-броском шли. Давали селёдку одну, чтобы пить не просили, японцы-то колодцы потравили. На всю жизнь я её наелся... И сразу, без передыху в бой. Дружок мой – Сашка, в муках умер. Осколком его в живот, в первом же бою... Все кишочки выпали... Он их засовывает, а они обратно. Кричит: «Вова, помоги...» А я, что сделаю, реву, не видал такого-то... Много нас там таких, нестрелянных было. Фронтовики нас ребятишками звали. Жалели, берегли. Никакой дедовщины мы не знали, это нынче, сволочь какая-то выдумала.

А им, фронтовикам-то каково было? Немца одолели, думали: «Всё». А тут, опять война. Правда, говорили: «Против немца, япошки – слабаки». Зря на них американцы-то атомную бомбу бросили, им и так каюк подходил. А те не навоевались, видно, долго сидели, так, хоть лежачего, а пнуть... – Владимир Петрович с презрением матюгнулся. Поднёс стопку ко рту, она оказалась пустой, – Тьфу-ты... – Он со стуком поставил стопку на стол. Слишком резко схватил бутылку, со звоном уронил вилку, – Ну, ... – Поставил бутылку обратно, тяжело откинулся на спинку стула.

– Дядя Вова, пошли, покурим, что ли, – предложил первое, что пришло в голову Сергей.

– Ты, Серёжа, иди. Он уж отпраздновал. Я сейчас постелю ему, – встрепенулась Ольга Поликарповна.

Владимир Петрович сидел, опустив голову на грудь, и кажется, дремал.

– Айда, Володя, отдохни, – тётя Оля потрепала его за плечо.

– А, Оленька, устал я, правда, – дядя Вова поднялся, опираясь о спинку стула и плечо супруги. – Ты, Сережа, не обижайся на меня, старый я, да и праздник сегодня...

Сергей тоже поднялся. Пошёл к обитой войлоком двери, проходя ее, больно ударился, забыл пригнуться. В просторных сенях долго морщился и шипел от боли. Потом вышел на крыльцо-веранду.

Дверь, не успев закрыться, со стуком растворилась, появилась тётя Оля.

– Ты, Сережа, ключи-то от машины отдай, – потребовала она.

– Зачем? – удивился Сергей.

– Ну, так... Потеряешь ещё... – настаивала, отводя взгляд Ольга Поликарповна.

– Да, берите, конечно, – Сергей в растерянности шарил в карманах, нашёл ключ и протянул хозяйке.

– Вот и ладно. Да долго не мёрзни, холодны ещё вечера-то, – тараторила она. – Пойду, погляжу, как он. Год, считай, не пивал. А сегодня, знаю, что не удержать, – оправдывалась за мужа Ольга Поликарповна.

Сергей походил по двору. Всё вроде осталось по-прежнему. В том же углу такая же метла и совковая лопата. Так же квохчут за решетчатой дверью куры, и в саду всё показалось таким же. Не сразу он определил, нет одной яблони. Смородиновые кусты как-то переместились, освободив пространство для грядок.

День незаметно перешёл в вечер, солнце било в глаза почти по-прямой. Сергей ставил козырьком ладонь, чтобы хоть что-то увидеть. Становилось прохладно, и он вернулся в дом.

Со стола исчезли пустые тарелки. Но кое-какие яства появились вновь.

– Сережа, поди, ещё чего отведаешь? – обратилась, выглянув из-за огромной печи, тётя Оля.

– Да нет, спасибо. Чаю бы только.

– Вот и хорошо, я тоже попью.

В комнате темнело. Ольга Поликарповна включила низко висящую слабую лампочку.

– Много уж не договариват дедушко-то, не может. И все они нас щадят: вас – молодёжь, да нас – баб. Не говорили и не говорят всего-то. Я слыхала, когда их ещё много было, ветеранов-то. У Володи компания была, выпьют, начнут рассказывать, без всякого, с матюками, как есть. Там не соврёшь, говорят да ревут. А мне скажут: «Ты, Оля, нас не слушай». Шибко страшно говорили. Не дай Бог никому тако-то. Ерофей у них заводилой был. Уважали его. Всех организует, ребяташек пошлёт, обегут...

– Да, ты, тоже дремлешь вроде? – Ольга Поликарповна всплеснула руками, засуетилась. – Давай, Сережа, ложись тоже. Умаялся, рано встал-то. Давай, вот постелю тебе. Хоромина-то больша у нас, есть где гостя приветить, – слышалось откуда-то из глубины дома. – Давай, Серёжа, проходи.

Сергей действительно отяжелел. Монотонный хозяйкин голос убаюкивал. Заснул он, только коснувшись подушки. Было тепло и необыкновенно уютно...

За стеной, во сне вспоминал что-то дядя Вова, охал и невнятно разговаривал...

*Апрель 2005*

## ПОСЛЕДНЕЕ ПЛАВАНИЕ

Экспедицию эту мы задумали ещё в мае, и как только вышли на каникулы, тут же и давай готовиться. Первым долгом выпросили у отцов как бы невзначай: «Что там, за Рёлкой? Есть ли течение на Истоке да Быстрой Копани? Не размыло ли ячменскую плотину и мост?» Потом я стал упрашивать отца насчёт лодки. Свою самодельную деревянную с алюминиевой обшивкой он, опасаясь, что потонем, конечно, не дал, но разрешил взять перелатанную резиновую. Затем главный бой: отпроситься у матерей. Друзьям проще: скажут, что ко мне пошли, а мне-то правду не скрыть. На удивление, мама особо не препятствовала – наверно, отец, несмотря на мою просьбу не говорить, всё же как-то её подготовил.

В субботу с вечера накачали в ограде лодку и так оставили проверить, не шипит ли новой дыркой. При первых звёздах разбрелись по домам. А в воскресенье с утра чуть свет начали собираться. Лодка за ночь приспустила, тут же подкачали её. Отец приготовил весло и сиденье. Мама напекла оладий да пирожков, упаковала в пакетики баночки с молоком и творогом, крутые яйца и соль. Растолкали всё это по сумкам да рюкзакам. Как ободняло, скидав в лодку припасы, весло, насос-лягушку и клееную-переклееную камеру от «УАЗика», отправились к реке.

Отец пошёл с нами, придержал у берега наш «фрегат» и, дождавшись, когда мы усядемся, оттолкнул.

Сияющая в лучах утреннего солнышка мелкой рябью Бараниха, закружила и понесла нас. Лёгкая резиновая лодка охотно слушалась течения и ветра, но веслу поддавалась с трудом. Пришлось помучаться, прежде чем её норы удалось укротить.

Вот и плотина, перегородившая протоку Узенькое. Заранее направляю лодку к левому берегу и кое-как пристаю к песчаному осыпающемуся склону. Река ударяет в эту преграду и, стремясь смыть с неё всё, что только поддалось, несёт воду по прокопанному руслу вдоль деревни, неестественно прямому и узкому, кипит и бурлит от негодования.

Взбираемся на плотину, волоча лодку, весло и пожитки.

– Смотрите! – кричит Сашка, первым перебежавший на другую сторону с мешками в руках, – тут вода ниже.

И точно – со стороны Истока вода в заиленной дремлющей протоке почти на метр ниже бурной Баранихи.

– Как же так? Это ить та же Исеть, а уровень разный? – спрашивает Олег.

– По физике помните – закон сообщающихся сосудов? В них уровень всегда один, – делится познаниями Сашка.

– А так и есть. Там, далеко, за дойкой, где Бараниха в Исток впадает, уровень как раз такой, а то бы Исток в Бараниху впадал, – солидно объясняет Вовка.

Быстро спустились, плюхнули «судно» на-воду и с торчащей из тела плотины берёзовой коряги забрались в него, усаживаясь по местам. Оттолкнулись и потихоньку поплыли.

– А почему Узенькое? Вон ширина какая! – спрашивает Олег.

– Не знаю. Может, раньше и правда узенькое было, – отвечаю я, загребая веслом.

– Метров двадцать пять, – уверенно заявил Вовка.

Почему-то сразу верим. Вовка зря болтать не будет.

В Узеньком плыть легко; ни течения, ни ветра. Добрались до заросшего рогозом да стрелолистом устья небольшой протоки Перекосной. Скоро открылся и Исток. Нам налево, то есть на запад, тут Исток зовётся Быстрой Копанью.

Поднимающееся солнце уже по-настоящему жарит не загоревшие ещё поначалу лета спины. Повернули за мыс. Гуси бело-жёлтым табунком спустились с Рёлки и поплыли, пересекая наш путь. Со стороны лугов под нависшими кустами бултыхнула рыбина. Чайки молчком проносились над водою на высоте таловых зарослей, высматривая добычу.

Ветерок, что подгонял и без того быстрый бег Баранихи, теперь оказался встречным, и округлый нос лодки так и запрыгал на волне, громко хлопая по ней плоским резиновым днищем. На весле пришлось сидеть по очереди, лавируя от берега к берегу, ища заветерья. Уморившись от борьбы, истекая потом с непривычки, поднимая брызги зарулили в заросшую протоку, огибавшую Круглый Остров. Ветра тут совсем нет, безмолвие. Лодка легко скользит, разгоняя ряску тугими бортами, по спокойной воде. А за бортом бегают стайками, шарахаясь от каждой тени, рыба мелюзга. Иной раз рыбёшки посыплются дождиком по воде, блестя серебром чешуек, ошалело выскакивая в воздух от атакующих окуньков. Над нашими головами где-то высоко-высоко шумит на ветру листва. Мы плывём как в тоннеле, зажатые глухим зелёным сумраком, вглядываясь в загадочные тальниковые дебри.

– И птиц-то нету, – тихонько заметил Сашка.

– Как нету, вон они, – показывает Олег на перепархивающих меж кустов птичек.

– Птенцов кормят, у них инстинкт такой, вот и не поют, некогда, а то бы давно ни одной не осталось, – опять объясняет Вовка. – Они, птенцы-то, как цыпушки, всё время жрать хотят, сидят вот так, рот раскроют и орут, – и Вовка показал, хлопая ладонями, как птенцы открывают рот...

Дальше опять бой с ветром. Уставшие, но весёлые пристаём к усеянному коровьими следами и лепёшками пляжу. Лодка грузно тормозит дном о рыхлый песок. Упираясь веслом, загоняем её поближе к берегу. Затем Олег, спрыгнув на сухое, втащил лодку на берег. Взойдя на зеленеющую твердь Рёлки, огляделись.

– Вон коровы-то, у Коврижки, – заметил я такое родное, домашнее, наше стадо.

– А чо, мы всё ещё у Ковриги? Уже вроде столько гребём, – как-то разочаровано толи спросил, толи сообщил Сашка.

Деревня, и верно, отсюда кажется совсем рядом, только зелёное с жёлтыми одуванчиками да белыми кашками пастбище перебежать. Ни Перкосной, ни Баранихи не видно, как будто нету их.

– Так мы вон по какому кругу, – обвёл рукой Олег наш путь от огородов через Бараниху и Узенькое.

– Айдаге купнёмся, – позвал от лодки Вовка, на мир смотреть он с нами не пошёл.

Бегом сиганули в воду... «А-а-а, ой, о-о-о...» – разогнали чаек наши вопли. Всё дно оказалось усеяно огромными двустворчатыми беззубками. Столпились на дне в кучи, плотно прижавшись друг к дружке раковинами.

– У них чо там, праздник, какой, что ли? – возмущается Олег, припадая то на правую, то на левую ногу.

– А фиг их знает, – сердито отвечает Вовка, потихоньку пробираясь на глубину.

Как только стало возможно плыть, все заработали руками и ногами, кто как умел, уносясь к середине реки. Течения в Копани нет и вода, прогревшись с поверхности, не спешила перемешаться. Чтобы плыть в тепле, нужно распластаться у самого уреза. А нырнёшь – как в ледник, будто из бани в предбанник. Так мы и плескались, пока кто-то не вспомнил про пакетики с пирожками. Плывём к берегу. Коленки упираются в острые гребни беззубок. Потихоньку, хромая и приплясывая, выползаем на берег, на тёплый мягкий речной песок.

После обеда отчаливаем. Со стороны Рёлки то нависает зыбучий грязный обрыв со свисающими корнями, то открывается пологий берег с илистой топью, поросшей камышом и всякой водной травой, то тянется пляж со следами коровьего пребывания. Выходить на берег совсем не хочется. Со стороны лугов – стена сочно-свежего тальника слегка перевитого паслёном. Кое-где на краю колхозных покосов уже высоченная крапива. Сменяя друг друга, эти виды настолько утомили глаза, что вынырнувшая из-за поворота высокая безобразная плотина ошеломила своей необычной отчуждённостью от всего окружающего – начисто лишённая всякой растительности.

– Э, парни, а тут опять выше, – объявил Сашка с плотины, глядя то на реку, то на Вовку.

– Да так и должно быть, – заверил всех Вовка, помогая сталкивать нос лодки в воду. – Река-то отсюда к Ковриге течёт.

Вода здесь почти на два метра выше, чем за плотиной, и сразу подумалось: «А вдруг да не сдюжит плотина, уж больно велик напор».

Быстро, опасаясь, что плотину прорвёт прямо сейчас, сталкиваем лодку в бушующие на непривычно широкой воде волны. Не сговариваясь, все занимают свои места: Сашка на камере, Вовка на мешке лицом вперёд, Олег, само собой, – впереди. А так любимая всеми доска-сиденье вместе с обязательным в этом случае веслом осталась свободна.

– А чо, грести-то опять мне что ли? – возмущаюсь я, держа за баллон лодку, чтобы вся эта компания уместилась. – Я и так вас только, что к плотине подвозил, дали бы хоть отдохнуть.

Гребли эти мореходы, правда, худенько, пришлось выручать. Общими силами оттолкнулись от берега. Лодка опять хлопает носом о встречные волны. Движемся, несмотря на все мои усилия, медленно. Пока не гляжу на берег, кажется, отплыли далеко, а оглянусь – и незаметно почти. В плотину и борт ударяют пенные барашки. Слетающая с них и с весла водяная пыль, попадая на раскалённые послеполуденным солнцем тела, кажется ледяной.

– А если сейчас размоет? Смотрите, как волны бьют, – Сашкин взгляд так и бегаёт вдоль линии прибоя.

– А вон там, смотрите, уже какую яму выбило! – показывает куда-то назад Вовка.

Сознание живо рисует растущий хищный проран в теле плотины, увлекающий всё в пенный водоворот. Стиснув зубы, гребу прочь.

– И чо мы берегом не обошли, – перенося усилие с лопасти на лопасть, выдавил я.

Плотина, конечно, устояла, а наш «корабль» благополучно укрылся от ветра за мысом, к которому и причалили. Дальше до Бурковской протоки шли берегом, тянули лодку против ветра, то и дело отталкивая её от берега.

В Бурковской за ветром спокойно. После пережитых страхов говорим шёпотом – толи сонную Бурковскую напугать боимся, толи себя разбудить...

Вот и Бараниха. Течение тут же набрасывает лодку на песчаную отмель у левого берега. Толкаясь веслом и ногами, загоняем её на глубину, и тут уже ветер, став вдруг попутным, сообща с рекой помчал нас не хуже мотора.

Справа растёт постепенно зеленеющий травой и молоденькой картошкой в огородах бугор, увенчанный домами да сараями – то было Ячменево. Скоро и ветер стих, стена долинного берега закрыла нас.

Опять заскучали и ради шутки бросили привязанную на верёвку камеру за борт, и она, вертясь, поплыла, то обгоняя, то, попав в водоворотик, останавливаясь.

– Это шлюпка, я видел в книжке, раньше они за кораблём плавали, чтобы место не занимать, – предложил Олег.

– А я в ней сейчас поплыву, – заявил Сашка, подтягивая камеру за верёвку.

Точно, уселся, балансируя ногами и загребая руками. Так мы и плыли, посмеиваясь над его забавными пируэтами, в причудливо петляющих струях потока.

Ячменский мост довольно быстро набегал. Подточенные с весны насыпи ещё желтеют свежееобвалившейся глиной с прослоями першинской щебёнки. Двое пацанов у моста удят, длинные ивовые удилица лежат на торчащих из воды шаражках. Стремительно несёмся под мостом.

Вдруг между досками настила градом повалили в воду комочки натасканной копытами стад земли.

– Подтягивай камеру! – кричит Вовка.

Олег тянет ничего не понимающего Сашку: так вроде плыл хорошо.

– Греби! – командует Вовка уже мне.

– А чо орёте-то? – недоумеваю я.

Тут с моста, совсем рядом, бултыхается в воду здоровенный парень, лет шестнадцати, за ним второй, помладше, и саженками к нам. Гребу, что есть мочи: кто их знает, чего надо? Сашка в камере тоже всю толи помогает, толи мешает, загребая руками на крутящемся бублике. Парни, отфыркиваясь, плывут следом. Течение и весло, однако, оказались проворнее, и вскоре они отстали.

– А чо мы уплыли-то? – вдруг спросил Вовка.

– Так это же пираты, – спас положение Олег.

«Пираты», поняв, что нас уже не догнать, всё кричали стоя у берега по пояс в воде: «Мы же только покататься хотели!»

Но скоро и мост, и рыболовы с «пиратами» стали совсем маленькими, а поворот реки и вовсе скрыл их из виду. Теперь в панораме главенствовала родная деревня, ещё далёкая широко распласталась она на высоком яру, приветливо блестя крышами и раскрытыми окнами.

– В-в-вон К-к-коврига, – послышался слабый голос с плывущей позади камеры. Мы уже стали привыкать, что Сашки в лодке нет, а после «пиратов» интерес к его положению вовсе остыл. Да и наши разговоры он уже несколько минут не поддерживал. Вид у него оказался неважнецкий: весь бледно-синий, дрожащий гусиной кожей. Состояние его казалось невероятным, мы в лодке были красными от загара, и если бы не ветер, уж наверняка бы изнывали от жары. Втащили его в лодку.

Течение всё несло и несло наше потрёпанное судно к родным огородам. Вот и они...

А уж подправить к знакомому берегу было совсем нетрудно.

Какой необыкновенно зелёной показалась нам тогда покрывшая берег лапчатка, мы так и растянулись на ней, распрямляя столь долго скрюченные спины и ноги.

Дома, за общим столом, сквозь чавканье и звон ложек наперебой обсуждали пережитые приключения и будущие плавания.

Однако жизнь, как всегда, распорядилась по-другому. Непогода, а потом сенокос не дали в то лето осуществиться нашим грандиозным планам. А через год – пуститься в плавание вот так, на резиновой лодке, уже показалось как-то смешно и бессмысленно.

Наверное, просто детство незаметно улетело...

*Февраль 2001*

## ПРОМАХ

Заливные Луга в широкой пойме Исети, с тех годов как забросили покосы и убавили колхозные стада, совсем заросли и превратились в непролазные дикие дебри.

Тут, в ивняках, осоте и перепутанных травах, нашли, как в те стародавние годы, когда человеком и не пахло, приют и убежище скрытные коростели, зайцы, косули... Где-то рядом с ними устроили свои потайные логова енотовидная собака и прочие мелкие хищники, вроде колонка и горносталя.

Всё бы и хорошо, да только весной луга тонут под талой водой, и звери уходят кто куда. А уж сразу после половодья перебираются обратно в Луга, и до следующей весны живут привольно, нагуливают к зиме вес, растят малышей. Так в своих делах постепенно и забывают про людей, которым тоже совсем стало не до лугов. Только к осени потревожат зверьё ставшие редкими, самые стойкие и верные своему увлечению, охотники. Пробираются они к своим заветным озёрам-старицам караулить уток. И, конечно же, приглядывают за косулями, или как их ещё зовут – козлами, и такое есть, что уж греха-то таить...

Вот и Петро Стариков, как и многие «козлиную» путёвку не брал уже поди с самых перестроечных пор, когда обозлился на всех депутатов и прочих «народных избранников» и решил, что государство его – честного крестьянина, больше не обманет... За эти годы успел родиться и подрасти сын Колька. Только вот жалостливый больно получился парнишка. Во всём вроде опора, а даже овечку порешить не может. И уток бьёт, только беда, до первого подранка. А если случится – ранит, всё, сразу ружьё разряжает и ходит по берегу, переживает.

Не брал его ещё Петро на козлиную вылазку. Всё сам, или с мужиками. Да не со всяким ведь пойдёшь... Все знатоки. Спорить начнут, да до последних слов разругаются. Только зря день потеряешь. Потом винят друг-другу. А одному опять не сподручно, наугад приходится. Также за день находишься. Стяжелел Петро, годы всё же, вот и взял в этот раз Кольку, вместе с его закадычным другом – увальнем Мишкой...

– Тише, вы, обормоты, – в который раз, грозно зашептал Петро.

Друзья оборвали какой-то свой разговор. Замолчали, опять заозирались и, стараясь потише шуметь травой, побрели за ним следом. Петро, как всегда, долго петлял по угадываемым им как-то тропам, огрызался на спотыкающихся ребят, и всё водил и водил их по одичавшим лугам.

– Тут, оне где-то, – отирая крупный пот со лба и переводя дыхание, наконец, объявил он, – сейчас глядите.

– Да дробь-то убери пока, заряди картечь, – скомандовал он Коле. – Я там четыре патрона в патронташ вставил.

– Ну, сейчас, пойдите, – продолжал громким шёпотом наставлять Петро, – ты, Кольша, вон к той черемшине, а ты, Михалко, туда, к тополине, направься. А я, вон там под кустами буду. Если есть кто, всё одно на меня и выйдет.

– Хитёр ты, дядя Петя, – восхитился Мишка.

– Поохотничай с моё-то, тоже, хитрым будешь, – Петро, опять, чуть покраснел, пытаясь скрыть довольную улыбку.

– Так, значит, туда потихоньку идите, а потом возле кустов на меня. И как обратно пойдёте, лайте, орите, шумите как хотите, только громче.

Ребята побрели, каждый своим путём, без тропы. Хрусткие травы, спутанные нечёсаными космами, будто хватали за ноги, и оба поочередно падали. До черёмухового куста Коля добрался весь в репьях, череде, в мокрой от пота одежде с облипшим пушистыми семенами осота лицом.

– Ну и ладно, – стараясь громче шуршать травой, пробормотал он и побрёл к кустам.

Коля кричал по-дурному, гавкал, пел всякую чушь. Так, что в голову придёт. Когда падал, зацепившись сапогом за какой-нибудь особенно крепкий пучок уже росистой травы, громко и неумело ругался. Выстрелов всё не было. «Наверно опять никого нету? А может, я и не услышал?», – равнодушно думал Коля.

Орать уже не получалось, было до одури жарко и тяжело дышалось. Коля, молча, выбрался на зарастающую плотинку – гать, и, переводя дыхание, остановился посреди глубокой лужи. Дальше шуметь было не нужно и он просто стоял, по щиколотку в воде, остужая раскалённые в сапогах-болотниках, ноги. Послышался треск, шуршание травы, из куста вывалился раскрасневшийся, мокрый и жалкий Мишка.

– Ну, что, видел кого-нибудь? – довольно бодро спросил уже отдохнувший Коля.

– Да... кого... тут... блин... увидишь? – Мишка всё пытался отдышаться. – Разогнали всех козлов, открытие-то, когда уж было, – продолжал он, озираясь.

– Отец говорил, видел тут одного здорового не так давно, – объяснил Коля, – вот и гоняется за ним, пока Федька Ершов с Витькой не убили. Они тоже в Луга каждый день ездят.

Петро ребят уже видел, промелькнули меж кустов пару раз. Идут и болтают, как всегда, потёмы. Но он всё равно ждал в своём укрытии, уже так, для порядка: «Кто его знает, козла этого? Всё же – зверь». Высоко над его головой просвистела крыльями утиная стайка, где-то далеко в лугах дважды бухнули двенадцатым калибром. «Ершов покастит», – решил Петро. Всё настойчивее гундели комары, а из-за реки всё яснее слышалось далёкое умоляющее мычание деревенских коров и какой-то суетный деловой рокоток трактора. Всё Петра отвлекало, раздражало, что ли. Казалось, и тот – рогатый, которого он уже не первый раз пытается подловить тут в Лугах, тоже затаился и слышит всё, то же самое, и его это, наверно, тоже тревожит. И сейчас, главное, перетерпеть. Кто – кого. А Петро, наверно, от этого нетерпения, слушал и всматривался уже как-то не так. От сгустившегося тальникового сумрака до боли зарябило в глазах: «Стареешь Петро». Движение он заметил не сразу. Из куста совсем недалеко, тихо возник крупный рогатый косулий самец.

Охотник вскинул ружьё, но прежде чем выстрелить, как всегда, когда добыча знатная, что по-правде не раз уже подводило его, залюбовался. Матёрый великан, с редкостной короной

рогов, опасливо оглядывал плёсо. Напружиненный, готовый отскочить обратно, переступал он на тонких невидимых в травах ногах. Петро точно знал: «Переступает...».

Ребята тоже козла заметили. Мишка замер, а Коля, как учил отец, вскинул ружьё, прицелился в грудь. Но выстрелить сразу что-то не давало. Что-то там, внутри Коли, останавливало от этого несильного движения – нажать спусковой крючок. Но всё же он справился раньше отца. Громыкнул и укатился гулять эхом по лугам выстрел. А Коля был уверен – не попал...

Козёл будто этого и ждал, рванул в куст, из которого вышел. Уже вдогонку грянул выстрел Петра, затем второй. В том месте, где скрылся козёл, ветви ещё качались, и Коля бахнул туда из второго ствола.

– Эй, мазило, ты в кого стрелял, – Петро выбежал из засады, – а я-то, старый дурак, засмотрелся. Иди, ищи, поди, ранили.

Коля побежал к кустам, уверенный: «не ранили». Но всё равно побежал, а что ещё было делать. Мишка за ним. Облазили кусты, покос, шумные камыши за ивняками. Ни козла, ни капель крови, ни следов, ничего не нашли и, утомлённые, вылезли обратно к Петру.

– Как провалился, – ворчал, пыхтя, Мишка.

– Как же, будет он тебя ждать? – зло усмехнулся Петро, закидывая почти пустой рюкзак за спину и подправляя лямки, – Всё, шабаш, айда домой.

– Ты что, Колька? – громко возмутился Мишка, – эх, кабы у меня ружьё было!..

А Коле стало вдруг легко, спокойно, и как-то даже весело. Однако, стараясь не подавать вида, он всё оправдывался: «Рука дрогнула, вот и промазал».

\*\*\*

...А Он продрался сквозь тальниковые заросли. По знакомой тропе выбрался на луг, слыша, как шумно мечутся по кустам, а затем уходят эти странные люди, уносят с собой все непонятные запахи и звуки. Где-то, совсем рядом, схоронилась Она, и Он это тоже

чувствовал. А неподалёку, тот молодой, нетерпеливый с остренькими рожками, которого непременно надо прогнать. И Он, почуяв его, заревел, бросая вызов в притихшие луга. Далеко разнёсся могучий, не по-статии, рёв.

Молодой самец услышал его, и, вскипая яростью, огласил Луга ответным боевым кличем. Услышала и самка, и осторожно побрела на зов. Услышали и охотники.

– Вот, гад... – ругнулся Петро.

– Ещё и смеётся – собака, – выговорил Мишка.

«Живой», – тайком обрадовался Колька.

С реки потянуло лёгким пока, прохладным туманом. Трава согнулась под оседающей холодной влагой. Осторожные утки, дождавшись, наконец, темноты, заспешили, не видимые, в поля на ночёвку, свистом крыльев выдавая себя.

А за протоками, подминая травы, сходились в схватке за жизнь рогатые поединчики...

*Сентябрь 2005*

## СИРОТИНА

Евгений Васильевич Костромин прожил на этом свете ни много ни мало – три десятка лет с небольшим. Откликаться он привык на имя Жека. Никто, кроме дальнего племянника Стасика, Жека раз в месяц или два бывал в городе, его дядей Женей не называл. А как звучит его имя-отчество он, наверно, и не помнил бы, если бы не единственная на всю улицу соседка Баба Маня, которая помогала ему открыть просевшие ворота отеческого дома, когда он бывал изрядно уставшим.

Уже с десятков лет как остались они в деревне, что вдали от дорог, с несколькими доживающими стариками. Жека помогал им: колол и складывал дрова, садил и копал картошку, а они его кормили-поили.

Сегодня Жека сидел на скамье всё у тех же ворот, тоскливо похлопывал комаров и хмуро оглядывал пустую улицу. Похмелье проходило тяжело, ничего не хотелось, да опять наплыли эти давно ненавистные Жеке липучие воспоминания. Гнал их от себя Жека, опивался бадяжной водкой, работал до одурения, чтобы к ночи забыться, а они опять выползали из дальних пыльных закоулков. А явленные в Жекином сознании расцветали махрово, не давали спокойно жить, томили. Казалось, там, в воспоминаниях, он, Жека – Евгений Васильевич, настоящий и есть. А то, что с ним происходит сейчас, так, не жизнь, а сон, медленный и мутный, из которого трудно вырваться. Так вот спишь и понимаешь, что видишь сон, а пробудится не можешь... И знаешь, проснёшься и всё вернётся, должно вернуться... Вот и Жеке всё мнилось: не правда это, пройдёт, стоит лишь пробудиться и всё будет так как надо тому быть. Так как было... И друзья, и та, которую, как всё ещё кажется, он любит – Любушка-голубушка, и его Жекина крестьянская профессия тракториста, в ожидании возврата которой, как и в ожидании уже почти сказочного трактора (есть ли они ещё в природе?) он сидел и сидел тут, в отеческой деревне...

Вспоминалась Жеке всё больше юность, крепкая ещё деревня. Сверстники виделись тоже молодыми, а совсем не теми пузатыми дяденьками и раздавшимися тётеньками, что появлялись в деревне всё реже и реже, и всегда по-делам... или на похороны. Вот и в этот раз вывалилось откуда-то не самое приятное, но тоже его – Жекино воспоминание.

...За сколоченным из свежего соснового тёса, пряно пахнущего смолой, длинным широким столом, установленным прямо посреди двора – ограды, как это принято по-теплу «на свежем воздухе», пытаются подпевать гремящим колонкам два десятка весёлых ребят и примерно столько же девчонок. Парни уже слегка косые, а кто и не слегка. Миха-Кувалда, оказавшийся тогда на скамье рядом с Жекой, опять крошил в водку хлеб. Есть такая метода одновременного питья и закусывания – налить с полбутылки водки в глубокую тарелку и накрошить туда хлебного мякиша. Миха методу с успехом осваивал, перенимая у своего деда

по отцовской линии. Жека с отвращением отвернулся. В его голове уже давненько и ещё непривычно шумело, он старался подобраться, сидел, изучая свои внутренние ощущения. Песня, что гремела в голове, причудливо множилась протяжным эхом и отдавалась где-то в желудке: «бум-бум-бум...» Жеке было как-то нехорошо и совсем не весело... И он хоть и смутно, но понимал, что праздник для него в общем и кончился, как-то бы только додюжить до дому, добраться до подушки и тихонько уснуть, и, что это наверняка не получится, мама обязательно услышит... Так же Жека смутно вспоминал тогда, что это и не праздник, а что-то совсем другое, но все почему-то веселились, желали виновнику мероприятия – Пашке всяких благ. Его подруга – красавица Иринка сидела зарёванная, делая грустное лицо. Жеке это не нравилось, но тоже было понятно: так должно быть – Пашку провожали в армию.

Миха всё хлебал. Раскрасневшийся, хитро поглядывал на Жеку, иногда делая крупные глотки из стоявшей рядом кружки. Жеке от этих его взглядов становилось ещё хуже, и он старался не смотреть на него.

– Эй... ты, это... чего от меня отворотился, – уже который раз спрашивал Миха, пытаюсь рассказывать Жеке какую-то понятную только ему – Михе историю, в которой Жека давно ничего разобрать не мог, но старался вовремя понимающе кивнуть.

Из раскрытой двери веранды вывалился Костен – долговязый парень, как говорили Жекины сверстники, «из старших». У него как-то само собой получалось привлекать общее внимание. Жека даже пытался одно время копировать его манеры, но ничего так и не получилось. Как ни старался, никто на него не смотрел, им никогда не восхищались, его никто не боялся, его анекдоты и шутки не слушали, а если слушали, то почему-то не смеялись. У Костена, казалось, всё получалось само собой... И особенно с девчонками.

– Э-э-э, Костен! – приветствовали его, почти хором, несколько голосов.

Костен, с притворной яростью оглядел компанию и тяжело направился к кружку девчонок, собравшихся вокруг увлечённо что-то рассказывавшей Полинки.

– Смотри, – Жеку больно ткнули локтем под бок, – сейчас приставать начнёт, он же пьяный-то – зверюга, вовсе дурной делается, – дую в Жекино ухо, шептал вроде только что дремавший Виталька.

Девчонки испуганно примолкли. Костен по кошачьи медленно приближался... Только Полинке в тот раз убежать от Костена не удалось, поймал за локоть и легко перекинул, как мешок, на плечо. Брыкающуюся, поволок в тёмный проём ворот, на улицу... Оказалось уже темно, в ограде кто-то догадался включить несколько ярких ламп... Полинка, что-то кричала, цеплялась за углы, колотила Костена по спине, это не помогало.

«Надо бы как-то помочь», – туго думал Жека. И сейчас от этого воспоминания ему опять стало стыдно. Стыдно за Полинку, за себя, что не помог, что до сих пор боится того Костена, которого и живого уже, наверно, нету. Угодил он в тюрьму, да и сгинул. А, может, и не сгинул, а живёт где-нибудь, слухи же всё? Вот возьмёт и явится. Куда ему ещё? Материн-то дом пустой стоит... Вот так он и сидел, смотрел, как Полинку уносят за ворота. А Полинка Жеке нравилась, даже проводить из клуба получилось несколько раз, из школы иногда вдвоём ходили. Была туманная, не вполне ясная, но какая-то светлая надежда... И вот сидел, как чурбан, и ничегошеньки сделать не мог.

– Да сиди, убьёт... – Миха уронил его на скамью, положив на плечо тяжёлую ручищу. Он-то поверил, что поднявшийся, наконец, со скамьи Жека кинется в бой. Может, и правда Жека собирался спасти Полинку. Это Жека объяснить себе не мог уже много лет. Зачем-то же поднялся? Догнал бы Костена, отбил бы Полинку, и всё-то было бы не так... Вспоминать было грустно, казалось: вот в тот день он и свернул со своей счастливой дороги. К Полинке потом не подходил, а если она заговаривала, краснел и стремился поскорее уйти...

Стал скидывать с плеча Михину ручищу, не зря же его Кувалдой прозвали, как и деда и отца. Все богатыри... Миха, после сухарницы заметно размяк и собой владел неуверенно. Пока с ним возился, что-то изменилось. От ворот Пашка и Иринка вели под руки, ревущую, с

потёкшими тенями Полинку. Все устремились к воротам. Жека откинул, наконец, вялого Миху...

И Михи уже нету... Через год призвали и его, а осенью – и Жеку с Виталькой... На втором году службы Жека получил письмо от матери и узнал, что Миху привезли хоронить. Снайпер застрелил его, гроб не открывали, так и схоронили. Областной военком был, из города начальство... Сейчас Михина мать к дочери, Михиной сестре, переехала. Приезжают, на могилке поревут, да уедут. А Жека ходит к нему частенько, могилу прибирает, да и так посидеть, друг-то хороший был...

...Жека тогда сумел добрался до ворот.

Вывалился в рычащую тьму и ткнулся в плотную стену спин. Попытался пролезть, не удалось, больно получил локтем в нос.

– Кто, кого? – спрашивал Жека.

– Да Венька Костену в морду дал! – восторженно завопил Вовик.

По крикам Жека понял – зрители разделились. Он был за Веньку. Он и сейчас был за Веньку. Костену компанию, как и самого Костена, Жека побаивался, да что там, просто боялся. Они постоянно цеплялись, всех задирали. Их всегда было много, и не каждый решался отвечать, а кто решался, бывал бит. Особенно унижительно было слышать голоса мелкоты – «салаг», как их звали старшие. Жека старался исчезнуть с их пути, втянув голову в плечи и опустив взгляд. Обида бурлила в нём, не находя выхода. Жека хорошо помнил, как рисовал в воображении сцены расправы над обидчиками. Тайком от друзей и родителей купил в городе брошюрку с приёмами карате. Даже, смешно вспомнить, как набивал руку о столб сарая и, превозмогая боль, считал, что так отрабатывает удар и закаляет волю...

Оглушительно затрещал забор. Костенова компания, вооружённая оторванными штакетинами, наступала. Жека тоже подёргал забор, не поддалось. Оглянувшись, понял, что остался один. Все соратники отошли к воротам, там, в сторонке были свалены кирпичи,

Пашкин отец всё что-то строил, и парни вооружались кирпичами. Жека тоже отбежал к воротам и стал на ощупь выбирать куски поувесистее. Вот от этого воспоминания – причастности к врагам Костена – Жеке стало теплее...

Тут в воротах появился с двустволкой Пашкин отец – дядя Ваня, за ним ещё несколько мужиков. Костенова ватага, побросав «оружие» скрылась в темноте. Связываться с хозяином дома – это уже перебор, за штакетник-то можно и получить, тут, конечно, лучше исчезнуть сразу и всем.

Взревели стоявшие в проулке мотоциклы. Мелькнули в свете фар палисадники, и «эскадрон» с криками, матом и свистом помчался вдоль улицы домой, в соседнюю деревню. Они почти все гоняли на мотоциклах. А Жека так и не уговорил отца купить хотя бы «Восход», не то что уж «Яву»...

Унимая дрожь, Жека не сразу вспомнил про кирпич в правой руке, бросил его и пошёл домой. Все колеи вдруг выровнялись, и он шагал, наклонив к земле голову и выставляя ноги под валяющееся вперёд тело. Тогда это его удивило. Это сейчас он знает, что только так и можно двигаться в подобном состоянии. Странно, но как-то дошёл до дома. Стало дурно. Упёршись лбом в створку ворот, отдышался, нащупал ручку щеколды и упал в ограду...

Кто-то сказал: «Лучшая битва та, которая не началась». Это Жека где-то услышал позднее. Вот и у них сражения в тот раз не случилось. Да и вообще побиться с Костеновой братвой не удалось. Осенью и тех и этих стали призывать в армию, кто-то уехал учиться, в общем, утряслось. Так, поговорили потом с месяц, ну, может, больше...

Утром на колхозном автобусе ехали вслед за дядиваниным «Москвичом» в военкомат, провожать Пашку, уже совсем. Потом на станцию, к поезду. Жеку всю дорогу мутило, от предложений подлечиться он отказывался, только мотал головой, не глядя. Поезд задерживался. Иринка рыдала, парни распивали очередную бутылку, а Жека маялся. И, стыдно признаться, опять стыдно, ждал, просто молил, чтобы поезд, наконец, уже появился...

Автобус уехал раньше, и они пошли домой своим ходом. Девчонок увёз дядя Ваня. Шли, молча, веселье, что накрыло их у вагона, проходило. Было жарко. Жеке, да, наверно, и всем нестерпимо хотелось пить, временами вся компания усаживалась в тени тополей. Вспоминали вчерашнее.

– Нет, а всё-таки весело Пашку проводили, – опять начинал кто-нибудь.

– А я, правда, ничего не помню, – уже в который раз объяснял Миха-Кувалда.

– Так ты же сухарницы нахлебался, – снова напоминал ему Виталька.

Виталька... Тоже хороший друг был. Вернулись они из армии в одно время. Он долго держался, не уезжал, попито с ним не маленько... Да вот, через знакомого отец нашёл ему в Тагиле какую-то работу, он и уехал.

Полинка уехала поступать в Тюмень, там сейчас и живёт. Муж у неё здоровый такой, смотреть страшно, и богатый, машина, вон у них какая, на ней и приезжали...

А Иринка Пашку не дождалась, вышла той же зимой за Веньку. Живут где-то в Екатеринбурге. А Пашка, наверно, с горя, остался в Североморске служить по контракту, с тех пор ниразу не был. Где он сейчас? Отец с матерью уехали в райцентр, у них там родственница больная, завещала им квартиру, а они и обрадовались: «Печь не топить, дрова не рубить. Вокурат для пенсионеров жизнь».

От всех этих мыслей стало Жеке совсем тоскливо. Он тяжело поднялся и вскоре толкнул скрипучие соседские ворота. Лежавшие у ограды в теньке две бабыманиных овцы дружно подскочили и метнулись по пустынной улице в проулок.

«Опять Жека денег занять идёт, – привычно угадала вечерующая у окошка Баба Маня, – придётся дать, куда его девашь, сиротину. Может, потом воротца изладит, как пробьются».

*Июнь 2006*

Потемнело незаметно, как это всегда бывает в дороге. Вместе с блекнущими красками мира, истаяла, улетучиваясь, мучившая Диму, тяжёлая дорожная дремота. За автобусным окном, ещё ближе к дороге, подступил потемневший, ставший загадочным, вековой сосновый бор. Впереди блестит красным золотом прямая как стрела лента шоссе. Водитель не включает внутреннее освещение, и Дима без сожаления убирает книгу, что, борясь со сном, время от времени пытался читать.

От нечего делать Дима без интереса осматривает тёмное пространство отделённое синеватым сиянием нечистых окон от забортного холодного морока. За высокими спинками кресел никого не видно и Дима невольно обращает внимание на соседа по креслу. Парнишка лет двенадцати, всё ещё упрямо глядит в книгу. На вокзале, там, в далёком уже городе, они полчаса ждали автобус, стоя под навесом остановки, с ещё десятком таких же ожидающих. Этот паренёк вошёл в автобус последним, пропустил даже тех, кто подбежал уже перед самым отправлением. Диме потом пришлось встать, чтобы пустить его на законное место, согласно билету, на чём тот упорно настаивал. Оказалось, что они ещё и поедут рядом...

На коленях попугчика, поверх серой холщовой хозяйственной сумки, раскрытая книжка в мягком переплёте, и он толи читает, толи спит, согнувшись. Дима, напрягаясь, приглядывается. Разобрать ничего, нельзя: «Как только он умудряется?» Парнишка, смущённый этим интересом, или же просто утомлённый теменью, вздохнув, убирает книжку в сумку.

– Что это ты такое читал? – вопрос для самого Димы показался неожиданным: «Что тебе надо-то, молчал бы уж», – выговорил он про себя. Но хотелось какой-то активности, пусть даже и разговора.

Паренёк крепче сжал свою поклажу.

– Это, Житиё Святого Иоанна Кронштадского, – не громко, но и совсем не робко заявил он.

«О чём это я с ним говорить-то собрался, ведь видно же, не от сего мира парнишка. Едет один, последним рейсом, за сотню кило-метров... И ведь не вышел нигде, значит, до конечной поедет... Кто бы меня без провожатых в его-то годы отпустил?..», – думает Дима...

– И чего уж такого сделал этот святой? – возникает какой-то ехидный и опять неожиданный вопрос.

– О, это Великий Святой Земли Русской! – торжественно заявил, собеседник, «окая» ещё больше Диминого.

«Ну, и что теперь скажешь, он же считает, что про этого Иоанна все знают, а ты теперь, стало быть, вроде как совсем лопух. Так сам же и виноват, кто тебя за язык-то тянет?»

– А, ты что же, совсем один едешь? – «Да, чтоб тебя!», – снова запоздало одёргивает себя Дима.

– Да, – коротко отвечает парнишка.

– А, что так поздно?

– Раньше в школе был. Никак не мог...

– А родители что же, отпустили?

– Угу... – как-то подозрительно нерешительно отвечает он.

– И куда ты?

– Да... к отцу Александру, он мой наставник, – гордо объявляет попутчик.

– А звать-то тебя как? – «Во как! Наставник... А интересно, кто это?», – разговор начал увлекать.

– Павел.

– Ну, тогда будем знакомы. Я Дмитрий, – поддержал манеру Дима.

– Хорошее имя, как Дмитрий Донской! – чуть оживился Павел.

– Чем же ты таким занимаешься? Книги, вон какие, читаешь? Наставник есть у тебя, у меня вот нету.

– В церкви пою, и помогаю тоже. Там ведь много работы...

– Я прошлым летом тоже в церкви был, как раз, практику проходили по гидрологии. Идём по деревне, ну и в церковь зашли. Красиво. Только людей почти не было. Мы – студенты да несколько старушек. А мне, вообще-то, и в церковь ходить не положено, у меня все предки староверы, то есть двоедане. Я и крещён не в церкви...

– Не люблю я этих двоедан, зарылись, как черви, и сидят в своих скитах, – резко прервал Димин рассказ Павел.

«Вот и поговорили. Смотри-ка, и не боится? Да, тяжело тебе будет, Павел», – Дима опять пожалел, что заговорил.

– И, чем они так плохи, двоедане-то? – всё же продолжил он.

– Да, злые они больно, и от людей уходят, не хотят с людьми жить. Молятся сами про себя, на всех им наплевать.

– Так, православные, вроде, объединились? – вспоминает, что-то Дима.

– Ну и что, всё равно, эти двоедане не покаялись, – подвёл итог Павел.

– ...А, я вот, на учителя учусь, – попытался перехватить инициативу Дима.

– Учителя, они – люди умные, только не понимают ничего, – глядя в окно, почти прошептал Павел.

– Что, в школе обидели?

– Да, нет. Только, я из-за этой школы службы пропускаю. Приходится уходить, а они потом ругаются.

– Родителей, наверно, вызывают? – подсказал Дима.

– Вызывают, только они не всегда приходят. Им всё некогда. Суется. Не верующие они. Прозябают... – в голосе послышалась неприязнь.

– Так, они, хоть, знают, что ты к этому... наставнику своему, уехал? – догадался вдруг Дима.

– Я им говорил, давно...

– А, деньги на билет кто дал?

– Отец Николай...

– Тебя, хотя бы встретят?

– Да нет, я не сказал, что сегодня еду...

– И, куда ты, тогда?

– К отцу Александру, – возмутился Диминой забывчивости Павел.

– Так, ты у него уже бывал?

– Нет, я первый раз поехал.

«Во дела, один, на ночь глядя. И никому, ничего не сказал, чудик. И, что сейчас делать?» – почему-то с тревогой, соображает Дима, чувствуя какую-то причастность, ответственность даже, что ли: «А, с другой стороны, какая бы разница, пусть себе ищет. Сам ведь дурак-то, а не заговори я с ним, и не знал бы ничего...»

– А где тут церковь?.. – после долгого раздумья, когда за окном уже замелькали огни родного Диминого города, нерешительно спросил Павел.

– Так, тут их три, вроде? Тебе в какую?

– Мне... к отцу Александру надо...

Автобус медленно въезжает в Димин город. Тянутся в тусклом фонарном свете ряды белёных гаражей, чернеют окнами какие-то загадочные длинные сооружения, мелькают разноцветными шторами и занавесками частные домики.

В проходе начинают толпиться выходящие. Дима же, почему-то, всё сидит. Достает, из-под сиденья, пустую дорожную студенческую сумку, кладёт её на колени, стараясь не смотреть на Павла. «Не уснёшь ведь. Думать будешь. Совесть заест... А вообще, мало ли чудаков на свете? Если бы не такие дураки как ты, так все бы давно повымирили... Сидели бы по домам, не ездили бы...», – спорит он сам с собой, провожая глазами вышедших на

остановке уже бывших своих попутчиков: «А, среди них мог бы быть и ты...» Автобус останавливается ещё несколько раз. Столько же раз собирается выходить Дима, и... не выходит.

Впереди всё ярче и отчетливее на фоне тёмного неба прорисовывается слегка подсвеченный силуэт старой водонапорной башни, обозначившей, как маяком, окончание пути. «Может, его на вокзале всё-таки встречают?», – надеется Дима. Последние пассажиры пробираются к выходу. Павел сидит. Сидит и Дима.

Лихо, развернувшись у башни, автобус остановился. Несколько человек, отделившись от тёмного вокзального здания, направились к раскрывшему дверь автобусу, приветствуя и обнимая кого-то. К вышедшим последними Павлу и Диме никто не подошёл. Водитель, закрыв дверку на ключ, подозрительно глянув на будто притаившихся бывших пассажиров, ушёл с бумагами в диспетчерскую. Через площадь, скользя и чертыхаясь, пробирался хмельной мужичок в расстегнутой шубе. «Этот, точно, не к нам», – Дима проследил его нестройный маршрут. Павел, молча озираясь, мялся рядом.

– Ну, и куда ты дальше? – спросил, недождавшись от Павла, каких либо слов, Дима.

– К... отцу Александру... – тихонько пролепетал Павел.

«Вот ведь заладил? Чучело...», – Дима всё больше злился.

– Так в какую церковь-то тебе надо?

– Я не знаю... – в голосе Павла впервые послышалось отчаяние.

– Ладно, пошли на автобус.

Диме стало совсем тоскливо: «Всё-таки, вляпался, дурак», – и он шагал не оборачиваясь. Павел покорно семенил следом.

«И что, по всему городу сейчас его таскать?.. Где он, этот отец Александр?.. Я ведь и в церквях-то не был никогда... Да и не в церкви же он ночует?.. А где вообще священники живут? Какойнибудь дом или квартира должны же быть?», – размышлял Дима, стоя под

железной крышей остановки. Павел подпирает спиной столб остановочного каркаса, держа двумя руками свою сумку с книгой о Житии Святого Иоанна Кронштадтского. Подкатил автобус и они, увлекаемые толпой, влились в узкую дверь, протекли вокруг вертикального поручня, исправно проскользили по задней площадке, впечатались в поручень горизонтальный...

В автобусе тесно. Кто-то активно отстаивает своё право на комфортный проезд, требует добросовестно оплаченные билеты... Павел стоит прижатый к окну. Дима намеревается спросить у него деньги, чтобы передать их вперёд, но, не спросив, отдаёт за двоих.

Автобус ползёт по проспекту, тяжело подкатывает к тёмным остановкам, выпускает и впускает людей. Дима, молча, наблюдает эту смену попугчиков. Павел смотрит в окно.

– Выходим, – командует Дима.

Павел тоже пробирается к выходу и, едва не сбитый ворвавшимся в автобус запыхавшимся парнем, выходит вслед за Димой.

– Куда мне? – едва слышно говорит он.

– Пошли уж... – Дима направляется на другую сторону улицы.

Совсем стемнело и слегка подморозило. Дима широко и нетерпеливо шагает. Долго обходят не совсем промёрзшую грязь, блестящую в отсветах из окон домов. За высокими оградами оглушительный лай. Тёмной размытой громадой наваливается сосновый бор. В его глубине одиноко мерцает электрический огонёк.

На пути возникла почти невидимая нечастая решетчатая ограда. Дима несмело входит в наполовину распахнутые ворота. Вокруг еле заметной дорожки призрачно проступают белёсые надгробья и памятники. «Это же кладбище, я и забыл совсем. Я ведь тут и днем-то не был... Ну да ладно, что уж сейчас-то...», – и Дима шагает между рядами могил, стараясь не смотреть на них, туда, вперёд, к жёлтому пятнышку лампочки. Павел шуршит гравием где-то позади, его будто и нет вовсе. Среди сосновых стволов проступают очертания церкви,

чуть левее, невидимые раньше, окна домика. Лампа с деревянного столба слабо освещает чисто выметенную площадку, белые церковные стены, невысокий забор с калиткой и угол дома.

– Храм-то какой! Иконы-то какие вставлены! – певуче вытягивает выступивший вперёд Павел.

Стоит, крестясь правой рукой и кланяясь, левой держит шапку. Дима молча смотрит на Павла, на невиданные им раньше стены церкви, уходящие куда-то в мутную тьму редко-звездного неба. «Да ведь и впрямь, красота!»

– Павел, а ведь тут закрыто, – Дима показывает на внушительный замок на кованых церковных дверях, – может, в доме спросить?

Павел несколько раз тихонько стучит в калитку. Никто не выходит. Дима, в нетерпении перелезает через оградку, повозившись немного, находит вертушку и поворачивает...

С опаской входит Павел.

– Ну, стучи, давай, – указывает Дима на дверь дома.

Павел стучит; раз, другой, третий.

– Дай-ка, я, – Дима в нетерпении бьёт кулаком в дверь.

Кажется, уже всё кладбище должно пробудиться. Вдруг за дверью что-то скрипнуло, стукнуло слегка, наверно, закрылся ещё какой-то крючок.

– Кого надо? – приглушенно прохрипел из-за двери старушечий голос.

– Я к отцу Александру, он мой наставник. Я Павел.

– Нету его туто, он тамо живёт, за оградой. По праву руку, второй дом.

– Спасибо.

– Вот и хорошо, – Дима не скрывает радости, – я ведь боялся, что придется по всему городу с тобой рыскать.

– А, я вот, верил, что с Божьей помощью найду, – Павел опять заговорил с высока, вдруг переменившись и, видимо, считая себя полноправным хозяином положения.

Перекрестившись на церковь, он уверенно направился впереди Димы к выходу. А Дима, идя за ним, всё озирался на величественные надгробия, которые, привыкнув к полумраку, он уже смог различать: «Надо сюда как ни будь днем прийти, посмотреть... И в церковь зайти можно...»

На стук Павла отозвался тяжёлый лай крупного пса. «Неужели и священники собак держат?», – удивился открытию Дима, – «А с другой стороны, что бы им и не держать, люди ведь тоже».

– Кто там? – покрыл лай неожиданно молодой и сильный мужской голос.

– Отец Александр, это я – Павел, Вы – мой наставник...

Договорить ему не дал стук засовов. Тяжёлая железная дверь распахнулась и Павел, пробормотав «Спасибо», шагнул к ней... Потом вдруг вернулся.

– Вот ты, настоящий учитель. Не бросил, – покровительственно похвалил он.

За дверью его ждали, и Павел почти побежал туда. Пес всё надрывался, лаял, а Дима всё стоял, будто чего-то ожидая.

Дверь, начав затворяться, вдруг приостановилась, на какой-то миг в проёме показалось белое, в обрамлении черных зачёсанных волос и бородки, лицо. «Неужели, это он и есть – отец Александр?», – опять удивился Дима.

Стукнули засовы и щеколдочки, скрипнула дверь дома, и только пёсий лай остался наполнять ночное тёмное пространство улицы и близкого бора с кладбищем. Постояв ещё немного, Дима пошёл в темноту, провожаемый уже почти привычным разноголосым лаем из всех соседних дворов.

«Вроде не обрадовался наставник-то, думает сейчас, поди, про меня невесть что? Завтра, наверно, отправит парнишку обратно», – Дима, наконец, почувствовав вернувшийся вместе

со сгущающейся теменью холод, заспешил туда, где его в отличие от Павла, безусловно, ждали: «Интересно рассудил этот Павел: «С Божьей помощью», – а, может, и правда? И ведь, верил, что найдёт этого Александра. А, может Бог меня ему и послал, чтобы помочь?..»

В церковь Дима ходил следующим же утром. И в другие городские храмы тоже. Полдня проходил. Сначала осматривался, а потом покупал и ставил несмело свечку, туда, где их больше. Смотрел, как они горят то ровно, то вдруг потрескивая, как стекает с них, быстро застывая воск, и выходил, не оглядываясь, чувствуя неловкость от своего неумения сделать всё правильно...

Павла он больше никогда не встречал.

*2002 – декабрь 2006 – февраль 2009*

### КАК ПЕРВЫЙ СНЕГ...

Первый снег выпал рано, в октябре. Ветви деревьев и кусты с ещё не облетевшими листьями согнулись под его тяжестью. Липкий снег за ночь набился в траву, аккуратно прикрыл всё осеннее безобразие. Утро настало тихое и светлое.

Этим утром Серёге необыкновенно весело и удивительно легко шагается в школу. Идти надо через деревню, потом ещё немного. О школе думать не хочется, и Серёга просто идёт, внимательно оглядывая побелевший за ночь мир. Снег на дороге до него кто-то уже примял, притоптал, и Серёге это приятно. Значит, кто-то уже не спит, значит, чем-то занят, наверно, чем-то таким важным для всех и для него Серёги тоже очень полезным делом, какой-то неотложной работой...

Снег хрустит, от этого шаги кажутся не просто шагами, а каким-то таинственно-торжественным действием. Зря, что ли, снег хрустит. На него поначалу даже ступать было боязно. А вот на дороге спокойно. Тут уже прошли до Серёги. А, интересно как это, идти по

первому снегу, по дороге, самым первым? Наверно, страшно? Вот он, снег, такой белый весь, и ни следочка на нём нету...

В школе тоже светло, как-то по-особому, не так как раньше по утрам. То есть вчера, например, или там, неделю назад, или в сентябре... А до того были каникулы... И Серёга смутно помнит как было утром в каникулы. И вообще было ли в каникулы утро? Было жарко, был велик, лес, гроза... И даже гроза в лесу. Ещё речка, костёр и запечённые на углях раки... Обгоревшая на солнце спина была. Были ободранные коленки и локти, когда штанина попала под велосипедную цепь. Да, и ещё подбитая соседская курица была. Выгонял её Серёга из огорода, бросая осколками кирпича, да и зашиб нечаянно... А вот утра не было, вот такого вот утра. А как было год назад, Серёга не помнит уже совсем. Столько всего случилось. Зато он вдруг вспомнил, как хорошо идти по снегу.

Серёга сидит за своей партой на втором от окна ряду, и снег ему не видно. Только на старом тополе, который один и виден с Серёгиного места, чуть-чуть белеет. Приходит неодолимое желание посмотреть, там ли он ещё. Может, и нету уже никакого снега?

Вот, так же, случилось Серёге увидеть однажды во сне игрушечный танк с пультом управления. Так здорово было гонять на нём, там, во сне. Как настоящий, и башня поворачивается, и даже пушка стреляет. А как он переезжал через ямки и всякие препятствия! А как завидовали все! Проснулся Серёга счастливый и сразу к танку. А того и нет... Чуть не разревелся. Пробовал вспомнить, где поставил. Да так и не припомнил... Ну, точно, приснилось. А до чего хорошо было, как вправдешный. Так вот и снег, может, и не падал вовсе? На перемене Серёга бежит смотреть... Нет, на месте. Лежит. Может, и не растает? Может уже насовсем?

С крыши течёт, сверкают быстрые капельки. Серёга смотрит как они пролетают... Не сразу слышит вопрос учителя, долго соображает, что-то говорит и получает тройку. А капель

всё сильнее, будто ручьи с крыши текут. Серёга дожидается звонка и бежит опять посмотреть на снег.

Опал, вжался в ямки и колеи первый снег. Серёге обидно и жалко. Вот так же ждал он тётку из города, а она приехала и не привезла гостинцев, не так как раньше. Приехала серьёзная, на Серёгу глянула как-то по другому. Папа с мамой что-то с ней долго говорили, а старший брат сидел тут же, весь красный, что-то обещал, даже ревел, вроде. А потом, когда никто не видел, Серёге дал такого подзатыльника, что в глазах замелькало.

Брат у Серёги совсем большой, учится в городе в каком-то там техникуме, а живёт как раз у тётки. И ещё, брат таскает у отца сигареты, и даже Серёгу несколько раз подговаривал, но он не стал. А один раз брат пришёл пьяный, всех перебудил. Родители его ругали, а его тошнило...

Серёга идёт домой. Всё, вот и снега опять нет. Грязь, что ещё вчера казалась подсохшей, какой-то улежавшейся что ли, опять раскисла. Опять вытаяло всё, что попытался первый снег спрятать. Осень так и не кончилась сегодня. А Серёге этого так хотелось. Как с мамой, когда она везла Серёгу в город... Так хотелось, чтобы она повела в этот замечательный «Детский мир», где обязательно расставлены на полках новенькие игрушки. Большие железные машины, солдатики, и, может быть, тот самый танк с пультом управления. Но мама весь день, как и прошлый раз, таскала по каким-то другим магазинам. Разные тёти вертели Серёгу, подставляя к нему, то сзади, то спереди какие-то пиджаки, штаны, пальто, куртки. Мама всё это осматривала, чаще была не довольна и тёти опять приносили какую-то одежду. Потом выбирали ботинки, кеды, резиновые сапоги. Почти ничего не покупали и шли в другой магазин. Серёге становилось уже совсем всё равно, что на него примеряют. И вдруг появлялся ОН – «Детский мир»... Серёгина усталость как-то сама по себе проходила, и он забегал в магазин раньше мамы. Полки и витрины, как всегда, были полны разных необходимых предметов, куклы с медведями, конечно, не в счёт. Но мама опять тащила в

отдел «Одежда». Серёгу опять вертели, что-то приносили-уносили. Мама, что-то покупала, и... почти бегом волокла Серёгу за собой, на улицу, чтобы успеть в какой-то из посещённых уже ими магазинов, где какая-то вещь была более подходящей. А все эти машины, солдатики и танки оставались там, в «Детском мире». Но Серёга, всё равно, мог несколько дней рассказывать о них друзьям, и особенно недругам. Пока ктонибудь из тех или других тоже не оказывался в той же ситуации, только, наверно, к его приходу продавщицы выставляли на полки совсем другие игрушки, ещё красивее и интереснее. А кто-нибудь из ребят, обязательно, где-нибудь на самой дальней полке видел тот самый танк, только было плохо видно...

Вот так Серёгина осень опять продолжилась, обманул первый снег. Когда лежит он настоящий, хрусткий, кажется, недолго, ещё чуть-чуть потерпеть и будет праздник. Ёлка, подарки, Дедушка Мороз, правда, как всегда, скорее всего, не настоящий... Хотя прошлый раз все уже почти поверили, что он настоящий, узнать никак не могли. Потом нечаянно увидели, это оказался один из парней, что в декабре вернулся из армии...

Ну ничего, Серёга подождёт, он терпеливый... Вон он идёт, заляпал ботинки и штаны жирной чернозёмной грязюкой, пробирается к другу Лёшке. Вместе ждуть веселее. Можно и помечтать: «Вот бы положили ночью под ёлку танк с пультом управления...»

*Декабрь 2006*

## ТЁМНАЯ ПОЛОСА

Телефон зарычал и закружил, подрагивая, по полированному сидению табуретки, куда Стёпа положил его, да и, конечно, чуть не забыл впопыхах.

Звонил закадычный друг Семён, именно он впервые позвал вчера Стёпу на весеннюю утиную охоту. Надо было спешить, все уже ждали в машине у подъезда. Стёпа тщательно

застегнул все застёжки и молнии на рюкзаке, подтянул все шнурочки, и, схватив куртку, выскочил на площадку. Хлопнув дверью, запрыгал вниз через ступеньку.

На улице оказалось ещё темно и неожиданно холодно. Даже вдруг захотелось обратно, в тёплую и мягкую постель, но железная дверь подъезда, громыхнув за спиной, будто отрезала все пути назад к отступлению. Стёпа, вдохнув, как перед прыжком в воду, шагнул навстречу обещанному приключению.

В машине сидели трое. За рулём Семён, рядом с ним дородный Юра – сослуживец Семёна, по слухам заядлый охотник. На заднем сиденье, как всегда, похмельно дремал знакомый Стёпе ещё с детства двоюродный брат Семёна – Шурик.

Стёпа открыл заднюю дверку и поздоровался. Все по очереди пожали подаваемую им руку.

– Может, мой рюкзак в багажник забросим? – спросил Стёпа, когда Семён принял его рукопожатие.

– Давай, садись уже, места хватит, гнать надо, – грубовато ответил Семён. Кажется, мужики были немного не в духе. Спрашивать, в чём тут дело, Стёпа не стал, уселся, устроив булькающий рюкзак на коленях. Сквозь запотевающее стекло ничего было не разобрать и он протёр его ладонью.

За окном мелькали ещё пустые и мрачные тротуары, жёлто подмигивали ещё спящие светофоры. Наплывали и уносились назад подсвеченные витрины и яркие и, казалось, замёрзшие от утренней свежей прохлады одинокие вывески, как-то тоскливо светили цветными кухонными занавесками ещё редкие пробудившиеся окна.

– Ну, ясно, кто вчера пил, – негромко проворчал Семён и приспустил боковое стекло.

Холодный воздух, ворвавшись, взъерошил Стёпины волосы.

– Да, закрой, ты, бля, сдувает, – шмыгнув носом, сердито просипел Шурик.

– Запотевает же, не видно же ни хрена... Молчал бы уж, умник, – поддержал Семёна Юра.

Шурик запахнулся плотнее в свою кожаную куртку, уткнувшись носом в меховой воротник.

– Издеваются, г-гады, – негромко, слегка вздрагивая пожаловался Шурик Стёпе, – им бы так-то... Я же сегодня дома не ночевал, на лавочке сидел их ждал, промёрз весь...

– Отмазка ж-железная, – продолжил он после паузы, – скажу, с вечера на охоту уехали. А телефон, скажу, разрядился... А то, Верка моя, точно уб-бьёт... – Шурик недоговорив, икнул.

– Ты, чо не мог нам позвонить свечера, что, пьёшь, мы бы за тобой и заезжать не стали, какой прок от тебя бухого-то? – обернувшись, корил Шурика Юра.

– И лодки ни у кого больше нету, сам будешь уток доставать. Хоть протрезвеешь, может?.. – не оборачиваясь, выговаривал Семён, – страшно ему домой за лодкой идти. И чо скажешь: «Так на охоту торопились, что и лодку забыли»? Точно, умник, блин!

Шурик, молча, смотрел в окно. Стёпе стало нестерпимо смешно, и он тоже отвернулся к своему окну, посмеиваясь время от времени.

А за окном уже мелькали сосны пригородного леса. Деревья со Стёпиной стороны будто светились, распространяя вокруг себя тепло, корой отражая лучи рассветного солнца. Со стороны Шурика они стояли всё хмурые и холодные, как будто там утро ещё и не начиналось.

Шурик, кажется, задремал, стремясь словно вжаться в самого себя, почти с головой скрывшись в своём мохнатом воротнике и всё плотнее запахивая полы своей куртки, пытаясь согреться. Стёпа его не понимал, ему становилось жарко в тесном салоне, и он расстегнул молнию своего лёгкого пуховика.

– Опаздываем, мать вашу, – громко нервничал Юра.

– Зашёл вчера по старому адресу, не забыл ещё, что день рождения у Юльки, как раз и попал... – Опять начал бубнить, разбуженный рыком Юры Шурик. – Юлька-то, это подружка моя, ещё до Верки, до армии ещё. Ведь жениться на ней хотел. Не дождалась

сучка. А хотя такой бабе всё равно не дожидаться, да наверно и не стерпел бы я с такой-то жить, спился бы на хрен... Вот, а вчера, зашёл. А у ней там народу – пресс. Все, правда, готовые уже, лыко не вяжут. Наверно с прошлого вечера гуляют? А она, бедная, чуть не плачет, и трезвая, блин... Мне обрадовалась прямо, как старому другу, сразу полный стакан водяры налила. И, знаешь, выпил, а не берёт. Только весело стало. Ещё выпил, а она не пьёт никак, только глядит на меня, как-то так загадочно, как раньше бывало, глядела. Никто так на меня не глядел больше... А эти, гости-то её, даже и башки уж не поднимают. И хахаль её тоже, возле тарелки с салатом, лысинкой сверкает... Ну, она и говорит: «Пошли, Саша, молодость нашу вспомним. Помнишь, как любили-то мы с тобой, а?» А как не помнить, Стёпка, это же, как в кино, блин, было!.. Такие, блин, чудеса вытворяли!..

Шурик, просветлев лицом, замолчал.

Стёпа всё смотрел в своё окно, вроде бы и не слушая его.

– Ну, вот и увела меня в ванную и дверь закрыла, и воду, чтобы не слышно нас было, пустила. И всё-то у нас, как тогда, до армии, офигенно получилось. Я уж думал, так и не умею. У меня ни с кем больше так не было, – Шурик говорил, будто захлёбываясь, – как-то с пацанами двух тёлок сняли, молодых, смазливеньких. Вроде всё на месте у них, всё умеют, а знаешь, без души как-то... Как роботы... И там ещё всякие бабы были... А тут... С Веркой-то своей, вообще никогда на такие трюки не поднимался... Я вот, всю ночь и думал, может бросить нахер Верку, да и пожить ещё по-людски-то, с Юлькой, а? Принять её как есть, простить и принять... Чо, ты молчишь-то, блин, – Шурика распирало восторгами и сомнениями.

– Да, не знаю, я, – возмутился в ответ Стёпа.

– Точно, что ты вообще знаешь, салабон, – начал горестно и оттого громко злиться Шурик.

– Эй ты, молчал бы, а то сейчас обратно, к бабам своим, пешедралом пойдёшь, – рыкнул не выдержав таких откровений Юра.

Шурик замолчал, опять вжавшись в свой воротник.

– Сёма, да закрой ты уже это окошко, – наконец взмолился он.

– Да, ладно, а то, правда, сопля прошибёт ещё, – Семён поднял стекло, оставив щель в палец.

– Что ты его ублажаешь, спаримся же, – опять недовольно прорычал Юра.

– Да, нам и недалеко уже, вон, поворот, видишь, – Семён лихо свернул на просёлок.

Лесная дорога оказалась песчаной и потому довольно ровной и сухой, ехали по ней быстро, а вот когда начался луг, машину заподбрасывало на ухабах и илистых колеях.

– Ёлы-палы, так ведь и не доедем, – Семён, закусив губу, вертел рулевое колесо.

– Блин, всю душу вытрясет, – Шурик поднял больную голову из своего воротника.

– Ну, иди пешком. Остановить? – Семён, действительно, притормозил.

– Да, ладно, гони уже, – разрешил Шурик.

– А куда мы едем-то? – спросил Стёпа у Шурика.

– Да, вон там, за берёзками, озеро. Туда, наверно?

Доехать не получилось, дорогу преградил неширокий ручей с размокшими вязкими берегами. Пришлось опять остановиться. Все, кроме Шурика, вышли.

– Ё-пэ-рэ-сэ-тэ, – растягивая, прокомментировал происшествие Юра.

– Бляха, картина Репина «Приплыли», – подтвердил отчаянность положения Семён.

– А далеко ещё? Может дальше пешком, а? – предложил Стёпа.

– А обратно как потом? Тоже пешком? Можно ведь и без колёс остаться, да и вообще без машины, – зло объяснил Семён.

– Тут же вроде нет никого, – Стёпа стал озираться, не замечая ничего подозрительного.

– Вот потому и нельзя оставлять-то, а то такие же пацаны подъедут, а дальше никак, вот и возьмут добычу, какую смогут, – терпеливо объяснил Юра.

– Надо, какую-то переправу строить, вон, хоть кустов нарубить, – негромко предложил Семён.

– А, что, точно. У тебя топор есть? – отозвался Юра.

– Ну, как же, в багажнике где-то должен быть, – Семён шагнул к машине.

Вскоре, они, по очереди рубили и потом таскали к дороге длинные ивовые прутья и ветки, укладывая это всё поперёк ручья.

– Трубу бы какую-нибудь? А то в первый же ливень всё смоем, – вслух подумал Стёпа, уложив последнюю охапку.

– Точно, смоем. Да, и хрен с ним, погнали, – Юра уселся на своё место.

– Стёпка, топор возьми, – Семён поспешил за руль.

– А, где топор-то? – Стёпа озирался вокруг, топора не было.

– Где-где, в ....., – рыкнул Юра, – давай скорее, так уже опоздали к зорьке-то.

Топор никак не попадался. Семён, чтобы поторопить Стёпу, уже и мотор запустил. Стёпа метался вокруг построенной гати, топора нигде не было.

– Слышь, ты, слепошарый, в кусты, где рубили, сбегай. Там, наверно, оставили, – гаркнул Юра в открытую дверку.

– Да, это же ты, последний рубил. Что сразу-то не взял? – Стёпа всё же поплёлся в кусты искать топор.

Топор был воткнут в старый ивовый пенёк. Вынув его, Стёпа вприпрыжку пустился к машине, которая уже оказалась на другой стороне ручья. Запрыгнув на своё место, и едва успев бросить топор под ноги, захлопнул дверку.

Машину опять побрасывало, Семён выворачивал рулевое колесо и сквозь зубы матерился. Проехали ещё с полкилометра почти без дороги, вязкая липкая грязь блестела впереди, не оставляя никакой надежды...

– Всё, писец!.. – Семён переключился на нейтралку.

– Может, толкнём, хоть вон до куста? – Юра оценивающе разглядывал чёрные колеи.

– Айда, глянем, – Семён открыл свою дверку и сидел, выбирая место, куда бы поставить ногу.

Юра, выбравшийся первым, широко шагая, отправился вперёд. Семён догнал его. Стёпа сразу выходить не стал, в грязь ступать совсем не хотелось, но и сидеть в тесноте стало невмоготу. И он, потихоньку, перешагивая лужицы, выбрался на обочину. Юра и Семён, что-то обсуждали, там, впереди, разобрать слов Стёпа не мог, только мат слышался отчётливо и, судя по интонации, означал он окончание автомобильного участка маршрута.

– Что, опять, как всегда?.. – это в открытой Стёпой дверке возник Шурик, – я пешком не пойду, лучше в машине останусь, всё равно её сторожить надо, – и он опять утвердился на своём месте, уткнув нос в воротник.

– Давайте вон под тот куст толкнём... – подходя, почти приказал Юра.

– Приехали, – скомандовал он, и, наклонившись к открытой дверке, громче добавил, – эй, умник, выходи, толкать будем.

– Кто умник? Сам, ты, умник, бля, – огрызнулся Шурик, нехотя вылезая из машины.

– Так, два с половиной человека, – подытожил Юра, не уточнив, кого он считает за половину, Стёпе хотелось надеяться, что половина не он, а Шурик. А Шурику, кажется, вообще было всё равно, он страдал...

– Сзади подтолкните, – Семён по очереди прикрывал оставленные открытыми дверки.

Мотор зарычал, из трубы, как раз под Шурика вырвалась горячая сизая струя выхлопа. Машина медленно двинулась. Вот колесо выбросило первую порцию грязи, конечно угодив по брюкам Шурика.

– Так его, давайте ещё и грязью... – флегматично прокомментировал Шурик.

– Навались, – опять скомандовал Юра.

Стёпа, упёршись плечом и поддев грязный бампер руками, от всей души навалился. Рядом упирался Юра, за широким телом которого Шурика видно не было.

Перескочив несколько глубоких канав, машина выкатилась на плоскость луга и, срывая протектором чахлаю мокрую траву, поползла по ней, оставляя за собой две черные, блестящие от выступающей влаги, борозды, остановилась у намеченного куста.

Семён выгрузил багаж. Два ружья, две пары болотных сапог, две складные удочки. Ружья и болотные сапоги достались Семёну и Юре. Стёпе с Шуриком дали удочки, чтобы попробовали наловить на уху карасей.

Охотники, молча, отправились обходить озеро с разных сторон. Стёпа и Шурик всё брели следом за Семёном, Юра выглядел более грозным... Под ногами хлюпало и это был почти единственный звук, да ещё какая-то птичка некрасиво попискивала. Утки плавали далеко возле прошлогодних камышей, у противоположного берега и их было хорошо видно.

Наконец, Шурик, добравшись до древних черёмуховых кустов, сдался, отказавшись идти дальше. Бросив мешок под куст, он пробрался к заросшему берегу и стал разматывать удочку. Стёпа тоже вышел к воде.

Похоже, охотничье–рыболовная удача отвернулась от друзей в этот раз, выстрелов слышно не было и пустые взмахи удилицами только раздражали. Солнце скрылось за низкой серой тучей и хотя дождя не было, с «гнилого угла» потянуло сыроватой прохладой.

– Это из-за меня всё. Попал я в тёмную полосу, – Шурик, жалкий и опять замёрзший, подошёл к Стёпе, – Всё испортил... Ладно бы Юльку порадовал, так я же потом ещё и её лысого алкоголика задавил, пока она в ванне была... А он, только так, побился маленько, да и всё... Вот, сейчас, поди все просыпаться начали, с опохмелкой решают, а он там лежит, и Юлька, понимаешь, совсем свободная баба сейчас. А я тут, как мудака последний, рыбалкой успокоиться пытаюсь... А если посадят её? А хотя, нет, наверно... Спишут всё на пьяную

драку, ведь так же? – Шурик с надеждой глянул на изумлённого Стёпу, – Там мужиков штуки три ещё валялось, да и бабёнки какие-то были никакущие тоже...

Стёпа вдруг тоже всем телом почувствовал идущий от воды холодок...

– Да, не знаю я... – промямлил он опять в ответ.

– Точно, блин, салабон. Что ты, вообще, знаешь-то?

*Май 2009*

### ПО БОЖЬЕЙ ВОЛЕ...

Фёдоровне опять, по-зимнему, занедужилось. Ломило что-то, да и так слабость какая-то напала. «От погоды...», – привычно ворчала она. А погоде и верно, кажется, тоже занемоглось. Всё падал медленный тоскливый снежок, который, так уж заведено, непременно нужно убирать, а солнце уже которую неделю не показывалось, всё клубились подтаявшие сивые тучи.

– Все приметы уж перепутались с атомом этим, да с космосом, – твердила давняя подружка Фёдоровны – Агафья каждый раз, как заходила её попроведать.

– А, ишо вот, чо вчерась видела в этой, в «Стирке»-то, потепление, говорят, идёт, всяки напасти будут, а потом и потоп опять..., – Агафья всегда увлечённо рассказывала, что видела «вчерась».

Это была у Фёдоровны такая политинформация. «А и ладно, что телевизор-то изломался», – думала она, – «Лишь бы свет не отключили, как в прошлую зиму».

Свет Фёдоровне был необходим, вечерами она читала газету о здоровье – «ЗОЖ», что выписала, выйдя на пенсию, и оставшиеся от матери – деревенской наставницы книги. Перечитывала их местами несчётное число раз, и так уже четвёртый год. Вначале много было непонятного, но она терпеливо разбирала старопечатный текст, складывая слова, догадывалась иногда по смыслу, а иногда вспоминая произносимые матерью молитвы. К лету

первого года Фёдоровна уже много чего осилила. В иных вопросах помогала Агафья. Кое-что выпросила у соседки, которой к тому времени перевалило за восемьдесят пять. Так потихоньку стала Фёдоровна знатоком.

Первый раз её позвали «к покойнику» отслужить обряд как раз тем же летом, возник там спор, собралось с десятков родственниц и каждая за своё. И гроб не так поставили, и свечи не туда, и иконы не те. Вот кто-то возьми, да и предложи, чтобы не было «греха», сходить за Фёдоровной.

– Дак, ково я знаю-то? – смутилась Фёдоровна.

– Да уж уважь, тётка Настасья, – стала уговаривать присланная за ней внучка усопшей.

Творить обряд Фёдоровна никак не намеревалась, думала только проститься, а вон как вышло... После того случая нашлись, само собой, критикующие, и Фёдоровна с неделю потом с трудом засыпала, расстраиваясь: «Поди, не так, чо сделала?» Но, вскоре опять пришли за ней, и опять с той же просьбой. Пошла. А потом и крестить позвали.

И так вошло это в обычай, что не стало никакого покоя, уж и отказалась бы, а как бросишь-то всё: «Не снежок, не растаешь». Вот и приходилось «за нужу» читать. И даже выписала журнал, где тоже молитвы были. Из Невьянска городской Старик привёз специально для неё несколько книг. Так, что без света Фёдоровне никак нельзя было ...

«И то занятие, а то без дела-то и вовсе затосковать можно», – думала Фёдоровна поначалу, а потом поймала себя, вдруг, начала что-то и понимать. Будто свет от каждого слова потёк, и уж нет сил, как спина заболит, а оторваться от книги никак не возможно. А бывало, очнётся Фёдоровна, будто ото сна, а и не спала вовсе, над книгой старинной, за столом сидит, как школьница.

Нашла и материну лестовку, изучила её, вспомнила, да и сама натакалась шить. Раздавала всем с милостинкой-поминочком и на Троицкую субботу...

Агафья пришла в этот раз раньше, Фёдоровна только-только успела разгрести нападавший за ночь пушистый совсем не тяжёлый снежок.

– Я вечер, у магазина-то проходила, прочитала объявление, давно уж ничо не вывешивали, а тут смотрю – бумажка белется. Баска. Мушшина на ей нарисован, грамотный, видно, галстук на шее-то, как в телевизере. И зовут не по-нашему... Дак вот, про Бога говорить будет, бабы собираются сходить. Айда, тоже послушам, – предложила Агафья.

– Ну и чо ты там не слыхала? – почему-то возмутилась Фёдоровна.

– Нук, вот Феврусья-то говорит не так мы Заупокойную творим, может, ишо, чо вспомню, да и спрошу. Поди, знат? Айда, пойдём. Так же без заделья сидишь, хоть развеешься, – не унималась Агафья.

Долго ещё препиралась Фёдоровна, да всё же согласилась: «А, может, и верно, подскажет умный человек, рассудит. Всё лучше, когда судья со стороны, не свой. А тут и вовсе, не наш – иностранец».

Время шло, Фёдоровна, как и раньше, читала материны книги, огребала снег, готовила себе чего-то. Подошёл срок – идти в клуб. Не была там Фёдоровна уж и не вспомнить сколько лет. И не знала, толи работает ещё кто в клубе, толи нет. А оказалось, ничего, сходно всё. Чисто, тепло.

Собралось человек тридцать пенсионерок, были и молодые, даже школьники.

На сцену, вызывая скрип настила, выбралась директор школы Анна Сергеевна – дородная дама, обходительная да грамотная. За ней высокий мужчина в чёрном костюме и нестерпимо белой рубаше, белизну которой подчёркивал полосатый чёрно-серый галстук. Чуть позади мужчины семенила совсем сухонькая старушка, тоже в чёрном брючном костюме.

– Уважаемые земляки, позвольте вам представить нашего американского гостя Тома Филькнера. Если не ошибаюсь в произношении фамилии? – Анна вопросительно глянула на старушку в штанах. Та, утвердительно закивала.

– И его сопровождающую по нашему району и переводчицу – Галину Ивановну Потапову, доцента кафедры иностранных языков нашего пединститута, – продолжала она.

Старушка поднялась и поклонилась. Зал зааплодировал.

– А сейчас, пусть наши гости сами о себе расскажут, – прервала аплодисменты Анна Сергеевна, – расскажут о цели своей поездки. А потом мы, надеюсь, сможем задать свои вопросы на очерченные выступающими темы, – закончила она свою речь.

Первой поднялась переводчица Потапова. Рассказ о сложном жизненном пути Тома Филькнера – бывшего преподавателя естествознания из какого-то там университета, какого-то там штата, показался Фёдоровне довольно увлекательным. Оказалось, этот Том не такой уж и молодой, было ему шестьдесят два года, но по виду, Фёдоровна ему больше полсотни, ни за что не дала бы. Сразу пришло на ум сравнение со своими деревенскими мужиками: «До пятидесяти-то ещё не каждый и дожил. А уж полсвета проехать, да говорить ещё что-то в совсем другой, незнакомой стране, это, пожалуй, и вовсе ни один бы не осилил. Да и видок-то у них... И сравнивать нечего. Этот, вон какой, подтянутый, высокий да стройный. А на наших-то смотреть жалко. Изработаны да испиты...», – так думалось Фёдоровне, сидящей на втором ряду совсем близко к сцене.

Старушка между тем продолжала. Оказалось, что Том в юности был баламут. Много пил, играл в каких-то там казино и проигрывал отцовское состояние. Несколько раз женился по расчёту, но всё неудачно. Потом поступил в какую-то тамошнюю школу, или сначала поступил, а потом запил? В общем, жил, как сказала Потапова: «Как все». «Вот ведь, ад земной», – думала Фёдоровна, слушая и ужасаясь, – «Как же они там все, бедные, живут-то?»

А Том, оказывается, «тем временем», уже окончил университет и стал работать учителем, преподавать в том же университете это самое естествознание. И до того допреподавал, что понял: «Всё не правда, всё не так». Стал искать Бога, и вот нашёл. Пришёл на собрание общины, послушал, и решил нести Слово Божие по Миру. Исполнить волю Его. Так Том и

стал ездить по всему свету с Божьим Словом. Был он и в Африке, и ещё в каких-то странах, и вот, «добрался до нас», – как сказала Потапова.

«Да, чо уж, мы видно как негры вовсе, раз к нам тоже «добрался», – почему-то запротивилась такому обобщению Фёдоровна. Отчего-то стало неудобно, и немного жаль этого Тома: «Вот ведь ехал – маялся, думал про Бога рассказать тёмным людям, а тут и знают уж про Него и молятся давным-давно». Фёдоровна оглядела собравшихся в зале односельчан. Кто-то внимательно слушал, кто-то, как раньше на просмотре фильма, грыз семечки, кто-то разговаривал с соседом и даже довольно громко смеялся.

Старушка-переводчица ещё долго что-то говорила, рассказывала о себе, как она «пришла к Богу». Как «блуждала всю свою жизнь во тьме» и даже созналась, «по секрету», была членом партии и убеждённой атеисткой. «Но это всё в прошлом, теперь я сама помогаю заблудшим людям обрести свет Господа», – вдохновенно провозгласила бывшая атеистка Потапова.

Дошло дело и до американца, он поднялся, и Фёдоровна ещё раз подивилась его росту и необыкновенно прямой осанке.

– Зравствуйте, – сказал Том по-русски, чем сразу привлёк внимание утомлённой Потаповой публики.

Дальше Том Филькнер заговорил, как и положено, по-английски. Говорил он не громко, видимо, чтобы слышала только переводчица. «Складно-то как!», – звучание английской речи Фёдоровне понравилось. «Только уж больно невнятно, не то, что немецкий», – попыталась она сравнить с тем, что когда-то учила в школе, да и, как будто, совсем ещё недавно, сидели и «шпрехали» с сыном: «Там не так, порезче, поглубее, но опять всё чётко, а тут, как каши в рот набрал...».

Старушка Потапова исправно переводила, причём переводимые ею фразы иной раз почему-то были длиннее тех, что произносил американец. Постепенно Фёдоровна перестала слушать Филькнера, и полностью переключилась на Потапову.

А та «воздыряла, как, чо и есть», как потом описала её речь Агафья: «...Мы глубоко верим, что нет другой книги, которая по своему содержанию и значению могла бы стать рядом со Священным Писанием; ибо это единственная книга, которая даёт нам верные сведения о Воле Божией, спасении грешников и обязанностях, о загробной жизни, – эта книга Библия. Что происходит с людьми, не имеющими этой книги, не знающими её, можно видеть из жизни неверующих людей в бывшем уже Советском Союзе...»

«И чо там видно?», – задумалась Фёдоровна.

«...Чем же отличается Наше учение от всех прочих? Ну, прежде всего, оно отвергает крещение младенцев. Ведь младенец ещё не может осознанно выбрать Божий путь...».

«...Только по слову Божьему, только в интересах общины должен жить настоящий христианин. Мы говорим, что спасение можно получить только через Иисуса Христа, а не через соблюдение обрядов и постов. В Священном писании говорится, что вся власть на небе и на земле лишь в руках Иисуса Христа. Получается, что лишь в учении нашей церкви нет противоречия Слову Божьему...».

Фёдоровна утомилась, Потапова ещё долго переводила тихую речь американца. Но и её слова всё глубже тонули в набегавших мыслях, в сравнениях, в возмущении: «А как Богородица? Да и как же не крестить младенцев? Как они некрещёные-то? Это же беда, некрещённому жить».

«...Только наша церковь состоит из истинно верующих, сознательно принявших в своё сердце Христа...», «...Ведь Иоанн Креститель был послан Богом, чтобы открыть дорогу к Спасению...», «...Новый Завет признаёт лишь одно крещение, а крещение с трёхкратным погружением – самовольное отклонение от предписанного...»

Наконец монолог закончился, Фёдоровна, к своему стыду, несколько раз задремала. Потапова раскланивалась, благодарила за внимание. Том Филькнер раскланивался тоже. В конце речи, он, на ломанном русском, сказал: «Спасибо...», чем вызвал некоторое оживление

зрителей, и сел на свой стул, широко, белозубо и бестолково улыбаясь. Анна Сергеевна, сидевшая в первом ряду, поднялась, и вновь вошла на сцену.

– Ну, что же, дорогие односельчане, давайте ещё раз поблагодарим наших уважаемых гостей, – и она первая зааплодировала снова.

Зал поддержал, и гости вновь поднялись, что бы раскланяться.

– Ну, а теперь, если, конечно, наши гости не возражают, желающие могут задать вопросы, – и она выжидательно глянула на Потапову, та молча, с достоинством, кивнула.

В зале вдруг стало тихо. Только где-то далеко за спиной Фёдоровны слышался чей-то громкий шёпот, «...а я и говорю, к нотариусу ехать надо...», но и он сконфуженно оборвался.

– Я вижу, всё понятно, – директриса в надежде оглядывала затаившийся зал.

– Да нет, матушка, не всё, – поднялась, как и обещала, Агафья, – вот, мы тут с женщинами споруемся, как Заупокойную-то творить. Вот может товаришш нам и расскажет? Тогда и станем молиться, как он говорит, а то ить не берёт мирна-то.

Потапова тихонько заговорила с Филькнером. Совещались долго, наконец, она поднялась.

– Молиться об усопшем бессмысленно. Подобные молитвы – есть отход от Истины, они надуманы богословами поздних эпох. Бог же нас учит молиться: о пришествии Царства Его, о спасении своём и родных, о больных и страдающих, обо всех живущих. Но усопшие уже в руках Господа...

В зале стало ещё тише.

– А ну-ко, ишо, как младенцев-то не крестить, как без ангела-то? – не унималась Агафья

Гости опять зашептались.

– Каждый идущий к Господу, должен сделать этот выбор осознанно, вот как я, например. А младенец ещё не в силах осознать всё величие Бога и важность Его покровительства, – Потапова с видом победителя взирала сверху на Агафью, та села.

Больше вопросов не возникло.

– Наши гости привезли подарки, и если вопросов больше нет, прошу подойти к сцене, – громко, как умеют только учителя да военные, предложила Анна Сергеевна.

Восьмиклассник Вовка выволок из-за кулис увесистую коробку. В ней оказались книги.

– Вот она книга с Божьим Словом, книга Великой Мудрости, эта книга «Новый Завет», издано специально для нас в далёкой Филадельфии. Том Филькнер любезно согласился подарить её вам совершенно бесплатно, только по Божьей воле..., – голос Потаповой потонул в общем шуме, падали стулья, кто-то чертыхался, пробираясь поближе.

Фёдоровна всё сидела, всё формулировала какой-то вопрос не уверенная, что правильно всё понимает, а у сцены уже шла раздача. Люди толпились, отталкивали друг друга, шумели. Подошла Агафья с двумя толстенькими синими книжками в мягкой блестящей обложке.

– Вот, я и тебе отхватила, а то всё сидишь, – хохотнула она, – а чо, дают, дак бери...

Фёдоровна взяла из рук сияющей Агафьи празднично яркий томик, раскрыла его, попыталась разглядеть мелкий шрифт и не смогла, полистала туда-сюда...

Одаренный народ повалил на улицу...

Фёдоровна шла за Агафьей, слушая её зазорное ворчание, надо было спешить, опять напал снежок, да ещё и заприбурашивало.

*Июнь 2007*

## ПОСЛЕДНИЙ РОМАНТИК

История эта случилась в то далёкое уже время, когда никаких сотовых телефонов ещё и в помине не было, компьютеры могли работать от разгроханного магнитофона, а видеофильм с ужасающим изображением и звуком смотрели за деньги в каком-нибудь облезлом полуподвальном помещении... И многие верили, что ещё чуть-чуть потерпеть и начнётся новая счастливая и свободная жизнь, и все бандиты перевоспитаются, или, на худой конец,

перестреляют друг дружку, и все будут богатыми, сытыми и довольными... Страна уверенно шагала к демократии и рынку...

\*\*\*

...А Коля шагал, стараясь контролировать свои движения, не видя, не замечая окружающее, вперёд, к своему, ставшему почти родным, логову – снятой родителями квартире. Было темно, только окна домов проступали среди падающих прозрачно-блестящих водяных струй. Он уже давно не пытался обходить лужи, в ботинках было склизко и холодно. «Не упасть, не упасть...», – будто красная сигнальная лампа, сопровождаемая противными гудками, мелькала где-то в его голове настойчивая мысль. Только тем и держался...

Очнулся Коля в своей комнате, на диване, в мокрой и грязной одежде. Болело всё: и голова, и желудок, и даже руки и ноги.

С апреля по октябрь хозяйка жила в деревне, в доме умершей Колиной родственницы, а к зиме приезжала в город. Тогда-то Коля и превращался в примерного студента и погружался в учёбу.

Денег хозяйка за жильё не просила. Коля был в её отсутствие за сторожа, зимой в деревне отец присматривал за домом, осенью помогал перевезти урожай и заготовки... В общем, между ними наладилось взаимовыгодное сотрудничество, которое тогда модно стало называть – бартер.

Учебный год только начался и Коля пока ещё откровенно балбесничал. В институт ходил через раз, лекции не посещал вовсе. Руководствуясь старой студенческой поговоркой, согласно которой от сессии до сессии живут студенты весело, весело и жил.

На водку денег хватало редко, поэтому покупали с единственным городским другом Сашкой «Жигулёвское» пиво местного разлива. Пивзавод был недалеко, и они ходили туда с грузом пустых трёхлитровых банок, брали обычно две, но бывало и три.

Похмельный синдром Коля переживал тяжело, даже и пивной.

– Это, твой организм мудрый сопротивляется, – наставлял в трудные Колины дни Сашка, – его ведь не обманешь, да и не приучишь. Бросать нам надо пьянки-то.

– Пиво же, почто с него-то мутит, – жаловался на жизнь Коля.

Стипендия Коле не полагалась, и он подрабатывал сторожем в Доме культуры, куда его устроила всё та же бабушка, сидел там, через две ночи, с восьми вечера до восьми утра, потом шёл домой отсыпаться.

Кабы не похмельный синдром, такое существование Колю устраивало бы вполне. Нормальное состояние молодого современного интеллигента. Не богат, но и не просит, не спился, но всегда подшофе. Прямо, как по Гребенщикову, из песен про поколение дворников и сторожей. Просто бомонд, слившийся с андеграундом. Пир духа.

Ведомый такими идеями Коля дошёл до сочинительства. Среда располагала. Ну, чем не БГ, тоже ведь когда-то непризнанный был, или «начальник Камчатки» – Цой, царство ему небесное.

Рифмовал Коля всё подряд, придумывая всякий абсурд, долгими ночами в пустом ДК, под самопроизвольный скрип паркета, доносившийся из пустого зала, где раз в неделю проводились дискотеки. Брал ученическую тетрадь и пока не сваливал тяжёлый пивной сон, сочинял...

«Нет, я не Пушкин

И не Тургенев,

Я просто Коля,

Поэт и гений...»

Иногда откровенно сдирал тексты того же БГ, прокручивая на магнитофоне плёнку с записью, переставлял слова или заменял.

«Там у зелёной реки,

Где гуляет голубой бизон,

Там я увижу зарю

Коля из города бурлящих башен

Коля из города бурлящих башен...»

Это творческое наследие Коля отдавал Сашке и тот, зная «три с половиной» аккорда, как он сам говорил, придумывал мелодию, так появлялись их песни.

– Колька, и сколько мы ещё будем в твоём ДК нелегально сочинять, а? Договорись, пусть нам какой-нибудь концерт, что ли устроят...

– Саня... И, что мы с тобой вдвоём выползем на сцену. В своих растянутых свитерах, в протёртых джинсах, да? Да, нас с тобой пошлют и всё...

– А, может, и не пошлют?

– И гитара у тебя не настроена. Умеешь хоть?.. И я не умею.

Друзья подходили к такому разговору, как правило, глубокой ночью, выпив литров пять–шесть пива на двоих.

– А вот ещё послушай. Вчера озарило... – и Коля читал, чтонибудь из своей тетради, уже почти спящему Сашке.

\*\*\*

Когда бабушка–хозяйка жила в городе, частыми гостями становились и Колины родители. Мама – бывшая сельская учительница с упоением осуществляла контроль Колиного учебного процесса, наверно поэтому он прекрасно сдавал зимнюю сессию.

С апреля, когда хозяйка уезжала в деревню заниматься рассадой, да и родителей тоже всё больше поглощали огородные хлопоты, Колю вновь посещало вдохновение. Стихи лились рекой...

«Как мне жить, не знаю,

Нету больше сил,

Просыпаюсь в полдень,

Ночью пью кефир...»

– Да, какой кефир... Ты, нафиг, пьёшь?.. Мы же... только «Жигулёвское» берём, – возмущился, дослушав, медлительный от пива Сашка.

– Ну, так про «Жигулёвское» не в рифму же. А так эта, как её?.. ну метафора, что ли, получилась, – обиженно оправдывался Коля.

– Да, ладно, без обид... Давай тетрадь, на следующем дежурстве песни петь будем...

Но на следующее Колино дежурство Сашка не пришёл и дома, потом, Колю не навестил. Коля, даже на занятия выбрался, чем вызвал недоумение и смех однокурсников. Понял, проходя мимо старого стенда с фотографиями и увидев своё отражение в стекле, что давно не был в парикмахерской и не брился.

Пользуясь случаем, посетил несколько практических занятий. Оказывается, Сашка в институте не был тоже давным-давно.

Коля впервые за два года знакомства с Сашкой пошёл к нему домой. Позвонил в дверной звонок, никто не открыл. Прождав на площадке у запylённого подоконника с полчаса, вышел и сел ждать на лавочку у песочницы. Если кто-то входил в подъезд, выждав немного, шёл и ещё раз проверял, не в Сашкину ли квартиру.

Часа через три, решил уже уйти, но исправно дождался ещё одного входящего. Хмурый мужик лет пятидесяти в клетчатой рубаше и потёртом пиджаке, как-то тяжело поднялся по ступеням и скрылся за дверью подъезда. Посидев ещё, Коля поднялся до нужной квартиры. Этот дядька и оказался Сашкин отец. Разговор, однако, вышел недолгим...

Сашка лежал в больнице, в реанимации. Попал под машину тем же утром, когда они расстались. Видимо, как раз шёл из ДК, догадался Коля. В сознание Сашка никак не приходил. Положение было серьёзное, какие-то тяжёлые травмы, переломы, ещё что-то... Сбил Сашку джип какого-то областного депутата.

– Торопился, сука, скорей в свой коттедж, отсыпаться. Видели его бандюгана... Пьянящий был... Ментов дожидаться не стал, угнал... – Сашкин отец в ярости метался по прихожей, не приглашая Колю пройти и не прогоняя его.

– Извините, я пойду... – Коля, чувствуя неловкость, вышел, почти слетел вниз.

Правда жизни оказалась жестокой и вовсе не романтической. Коля, решил поначалу, что Сашка подбил таки клинья к Ленке из параллельной группы, которой они тайком от всех посвящали некоторые песни, и по которой тайно вздыхали... И Коля, даже готов был к этому, тогда бы появился новый цикл стихов «О коварстве и любви»...

В больнице к Сашке не пустили, и он пошёл на Гору, район, где высились дворцы из новомодного красного кирпича. Почему-то Коля был уверен, что именно там должны жить все хоть как-то выдающиеся люди и, конечно же, депутаты и бандиты.

Недоделанные домищи белели ещё не обветренными досками на заколоченных окнах. Узкие улицы и переулки оказались даже грязнее и запущеннее, чем в Колиной деревне, там хотя бы скотина траву объедала. Тут же все обочины заросли. Проезды были совершенно безлюдны. Коля почти час блуждал между высокими кирпичными стенами, железными и досчатыми заборами. Приходилось, правда, уступать дорогу машинам с тонированными стёклами, за которыми не чувствовался водитель и вообще человек. Коля видел лишь физиономии автомобилей. У всех выражение было разным. Тупорылые, довольные «япошки», угрюмые, грубые «американцы», удивлённые, пучешарые «европейцы»...

Через день Коля вновь пошёл в больницу.

– Так, умер он ночью-то, – буднично ответила на Колины расспросы пожилая медсестра, тут же возвращаясь к прерванному, назойливым посетителем – Колей, разговору с другой, тоже не молодой медработницей.

– ... И, чо, ты думашь? Пьёт...

– Ой-ой-ой! – Вздыхала её собеседница.

Коля, как оглушённый стоял и всё ждал ещё каких-то объяснений. Так и не дождался, вышел из больничного корпуса, побродив бесцельно, отправился к Сашкиному дому. Пересилив страх, позвонил в дверь. Открыл, казалось ещё больше почерневший Сашкин отец.

Похороны назначили на завтра, и Коля побрёл в институт на последнюю пару и, конечно же, к началу не успел, да ещё и попался куратору и подвергся допросу. Но, всё же, уловив паузу в гневном воспитательном монологе, сумел попросить его оповестить группу о похоронах.

Проститься с Сашкой пришли почти все. Коля среди других прошёл вокруг гроба, глядя на Сашкино и уже как бы и не Сашкино лицо, и вышел вслед за остальными на лестничную площадку, в квартире было тесно. На площадке и на лестницах толпилась Сашкина родня, вполголоса обсуждая своё житьё, иногда поминая и Сашку.

– ...Говорят, Ларин сбил... – слышался шёпот, откуда-то.

– ...А нынче снегу-то не лишка было...

– ...Вот как, не в то время, не в том месте...

– ...Кардан полетел, а сам знаешь, кто же на трассе тормознёт?..

– ...А, ить, молоденькой ишо парнишко-то...

«Ларин, Ларин», – вспоминал Коля. Ларина он видел пару раз. В ДК, как раз в его дежурство проходило тогда мероприятие. Предвыборная компания была. Потом ещё концерт какой-то. Вспоминались плакаты с недавних выборов. Солидный такой дядька, откормленный...

На другой же день Коля пошёл к зданию областной думы. Там, на стоянке томились машины, и он присел на скамью, с которой хорошо была видна широченная лестница и двери. Просидел дотемна, Ларин не вышел. Так Коля ходил с неделю. Депутат Ларин оказался столь же дисциплинирован, как Коля – студент.

В середине следующей недели Коля увидел его. Ларин поднимался по ступеням, в окружении трёх здоровенных мужиков. «Охрана», – с тоской подумал Коля. Каждый был на две головы выше и, даже страшно представить, насколько тяжелее. Из какой машины они вышли, Коля не видел. Опять надо было ждать.

Обратно Ларин вышел один. Но Коля сразу увидел одного из его давешних спутников, услужливо открывшего дверку большого чёрного джипа. Ещё один обнаружился за рулём, он курил, выпуская дым в открытое окно.

Коля бросился на стоянку. Со скамьи, ставшей за всё время, пока он ждал, родной, номер машины не был виден. Как бы ненароком прошёл мимо стоянки, но номер запомнил.

Сегодня было дежурство, и Коля всю ночь просидел в ДК, придумывая варианты своей страшной мести. Утром еле дождался дневную вахтёршу – сменщицу. Выбежал, лишь та вошла, на ходу сунув ей журнал дежурства со своей росписью.

– Ты куда, Николай?... Вот, напринимали, молодёжь... – слышалось, когда дверь закрывалась, а потом ещё и отскочила несколько раз.

Выезд с Горы в город был один, и Коля сел на автобусной остановке ждать, не проедет ли ларинский джип.

Хотелось есть, а когда голод как-то сам отступал, спать. Уже недели две активно теплело, распустилась листва, щебетали птицы. Непривычно тёплый ветер с полей будто убаюкивал, обволакивал пуховыми подушками, укладывал. Коля даже чуть не упал со скамьи, задремавши. Пришлось встать...

По шоссе неслись самые разные машины, как в город, так и обратно. Несколько раз показывались большие и чёрные, но всё были не те.

Полдень настал и вовсе жаркий, ждать сил уже не осталось. Измучившись, Коля побрёл домой, где, наскоро перекусив холодной позавчерашней картошкой, лёг спать.

Вечером ходил на кладбище к Сашке. Постоял, ничего такого, нового, не почувствовал и пошёл опять на Гору. На этот раз засел в кустах у поворота к посёлку. Количество машин стало меньше, все лишние отсеивались и уносились дальше по шоссе.

Ларинский джип появился уже в сумерках, Коля чуть не пропустил его. Долго вглядывался в освещённый номер. Нет, всё точно...

Пришлось выйти из укрытия, джип медленно двигался по узкому проезду, и где-то совсем далеко свернул налево. Коля пустился бегом. Добежав до поворота, увидел стоящий в стороне большой дом. Светились окна, и Коля вглядывался в освещённое пространство комнат. По лестнице сбежала девочка, за ней спустилась стройная молодая женщина. Ларина не было.

Неужели у него семья. Коля растерялся. Почему-то он ждал увидеть сказочное логово разбойников, безобразное людоедское пристанище, а оказался дом. Ларин приехал домой. Вернулся с работы к семье...

Коля обошёл дом, высокая ограда из подёрнутого ржавчиной железа, наверно, не успели покрасить. Дальше был чей-то ещё участок, необжитый, обнесённый забором из ошкурённых жердей.

Со стороны ворот слышался уже знакомый тихий звук двигателя. Видимо, загоняли машину в стойло. Коля встал в тени соседского забора, на противоположной стороне проезда и продолжил наблюдение.

Угол забора осветился далёкими ещё фарами. Так и не увидев Ларина, Коля пошёл по проезду вниз, как бы спускаясь с Горы. Посёлок действительно венчал какую-то возвышенность. Дорога вывела Колю к тёмному склону оврага, вдоль него он и выбрался к шоссе. Домой вернулся за полночь.

Надо было срочно, пока не перегорело, ехать в деревню. Там, под крышей сарая, спрятана опасная игрушка Колиного отрочества – пугач-самопал. Лет в четырнадцать Коля сам

смастерил его, выпилил и обточил удобную пистолетную рукоятку со специальным лотком для ствола. Сам изготовил ствол из трубки от шприца для нагнетания густой смазки, просверлил в ней отверстие под сапожный гвоздь, от удара по которому воспламеняется заряд из затрамбованных спичечных головок. А если на заряд придавить плотный бумажный пыж и положить дробицу или кусок гвоздя, получался настоящий выстрел. Снаряд пробивал дюймовую доску, разбивал бутылку. Упражнялись, в основном на консервных банках и пустых дихлофосных баллонах. Большой точности стрельбы так и не добились, но метров с пяти попасть можно. А если сделать побольше заряд и положить не одну дробицу, а сразу, к примеру, пять, вполне серьёзное оружие получится...

В субботу, после занятий, на которые он всё-таки пришёл, Коля устремился на вокзал... Пospел домой он вовремя, вся семья, включая бабушку и младшую сестру, была в огороде. Сажали картофель. Коля пришёлся кстати.

– А ты, что приехал-то? – строго спросил отец, когда убрали на место лопаты и вёдра, – опять прогуливаешь?

– Ну, картошку-то я ем? Ем. Вот и приехал помочь.

– Так садить-то, не велик труд. Вот выкопать бы приехал. Это дело... Темнишь ведь, опять, что-то?

Коля, в тот же вечер нашёл самопал на том же месте, куда и положил года три назад. Выбросить тогда стало жалко, всё же много труда вложено, а просто так оставить – куча вопросов возникнет...

В воскресенье к вечеру, засобиравшись обратно. Положил каких-то продуктов, той же картошки, и пошёл на остановку.

– Кольша, а всё-таки, за чем приезжал-то? Никуда не ходил, вроде... – опять спросил отец, провожая его у ворот.

– Да, так, соскучился...

– На той неделе же были. Ох, мудришь чего-то?

\*\*\*

Караулить Коля засел с вечера, всё в тех же кустах у дороги. Машины тут как раз приостанавливались перед выездом на шоссе.

Чёрный джип появился около семи часов утра, когда Колю уже насовсем изъели комары.

Как и предполагалось, машина остановилась в намеченном месте. Коля натянул глубокий капюшон, выбежал и с самопалом в вытянутой руке кинулся к дверце водителя.

Грохот выстрела показался оглушительным. Выяснить, попал ли, стало страшно... Коля, не оглядываясь, бежал через лесополосу к оврагу, дальше был спасительный лес.

Домой Коля вернулся на закате, прокружив по пригородным лесам. Самопал он утопил между болотных кочек, на дне оврага. Переделся в лесу, а пакет, с тем, в чём стрелял, выбросил в мусорный бак возле шиномонтажки на окраине.

Спать не хотелось, есть тоже...

Колю колотило, подкидывало в нервном ознобе. Свет он не включал, бродил как зверь в клетке, по тёмным комнатам. Выглядывал осторожно в окно, вглядывался в лица редких прохожих, не видя их. Вздрагивал от шумов на лестнице.

Утром, пошёл на занятия. Хвостов накопил множество, да и невыносимо уже стало в одиночку.

Лишь через неделю Коля узнал, что стрелял в помощника Ларина. Самого депутата в машине не было. Да и жил он, оказывается, не там... Две крупные дробины разбили стекло, сделали вмятины на дверце пассажира изнутри и в водителя не попали. По слухам, обвиняли каких-то ларинских конкурентов, даже, озираясь, поговаривали шёпотом некоторые, и подстрелили кого-то. Знатоки с упоением рассказывали о подробностях покушения и адекватности ответных мер. Никаких официальных заявлений, однако, всё не было, что стало

поводом для ещё больших пересудов. Но вскоре сочинять на тему Ларина стало уже не интересно и разговоры потихоньку утихли...

Коля всё ждал, что за ним тоже придут. Боялся стука в дверь, окрика, скрипа тормозов на улице, незнакомцев заглядывавших в дверь аудитории во время лекции или экзамена.

Не пришли, не искали...

\*\*\*

А летнюю сессию Коля в тот раз безнадежно завалил, и пересдавать, как мать не уговаривала, не стал. В сентябре сам, не дожидаясь повестки «сдался» в военкомат...

И больше в родных краях он уже не появлялся, да и стихов не сочинял ...

*Январь 2008*

### ОДИН СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ

Морозное утреннее солнце с опаской, как-то тайком, заглянуло в окошко. Ледок на стекле с бархатистой изморозью на тонких кружевных завитках тут же отозвался радостным жёлто-розовым отблеском.

«Пора!» – подумал уже заждавшийся Андрюшка.

– Ты куда это? – выглянула из горницы мать.

– Да вот, сходим с Кубиком в лес.

– Обождал бы хоть до обеда, потом ободняет, – попробовала она отговорить.

Но Андрюшка уже захлопнул дверь.

Во дворе отцепил Кубика, взвалил на плечо широкие отцовские лыжи, негромко притворил ворота, огляделся и зашагал по ещё дремлющей улице.

Тени путников смешно вытянулись в низких лучах солнца. Голова Андрюшкиной тени так и прыгала по высоким корявым сугробам, и лыжи, которые эта тень несла, тоже то вдруг делались коротенькими, то неожиданно почти вдвое удлинялись.

Кубик, наслаждаясь долгожданной свободой, скакал по гладко отполированной машинами и ветрами дороге, оставляя на приметных только собакам местах метки, и в нетерпении трусил дальше.

За деревней Андрюшка надел лыжи и съехал с шоссе на заснеженную болотину. Наста ещё не было и лыжи со звенящим хрустом потонули, скрылись под взрыхлёнными, похожими на пену, шуршащими обломками сугроба. Андрюшка вынул из ременного крепления левую ногу и «попробовал» сугроб. Нога ушла по колено. Хорошо, что широкие штаны надеты поверх валенок. «Нет, без лыж не пройти. Вот ведь умный кто-то их придумал. Досочки согнул, к валенкам приделал – вот и лыжи получились», – размышлял мальчик.

– Кубик, Кубик! – позвал Андрюшка.

Сзади послышалось сопение и хруст перемешиваемого снега. Тут же левая лыжа просела, а за ней и правая. Кубик, весело виляя завитком хвоста, ткнулся заиндевелой мордой в хозяйскую рукавицу.

– Ну что, друга, не пристал? – обметая ледяной налёт с пёсего носа, проговорил Андрей.

В ответ Кубик снова вильнул хвостом, по-собачьи улыбнулся и, чуть не уронив хозяина, прямо по лыжам пролез вперёд. Оставляя извилистую борозду, побрёл по снежной целине.

Андрюшке было весело. Снега сияли, играли самоцветами на плоских гранях ещё не изломанных ветром снежинок, и сам воздух полнился неведь откуда возникавшим прозрачным сиянием.

– Эй, Кубик, поди, и ты тоже видишь, красота-то какая!

Кубик молчал, высунув язык, обдавал паром опять отросшую белую бороду.

– Ну, пошли, что ли!?

В заветерье под бугром снегу оказалось ещё больше. Увал – берег речной долины – возвышался над ними непреодолимой белой стеной. Чтобы забраться наверх, лыжи пришлось снять. Там, на кромке пашни, Андрюшка вновь вдел ноги в ременные петли и направился к

серому в дымке лесу. Ярое солнце низко повисло над ним, расцвечивая искрами белое безмолвие. Андрюшка чуть зажмурился, но шаг не сбавил, шёл прямо на светило, к лесу. А солнце, пробиваясь сквозь деревья, словно дразнило мальчика, выглядывая из-за осин.

– Эй, Кубик, смотри – заяц бегал! – обрадовался Андрюшка звериному следу. Кубик тут же уткнулся в след мордой. Скоро он уже шастал по кустам и овражкам.

В лесу лыжи опять увязли, Андрюшка с усилием передвигал ноги, но всё же упрямо брёл, обходя лесины, к солнцу. Кубик рыскал в азарте, возникая то справа, то слева. Выслеживал добычу.

Лесок кончился, и вновь открылся искрящийся простор. Среди ровных белых полей огромными мамонтами висели соломенные зароды в снежных шапках. Друзья направились к ближайшему.

Бежавший впереди Кубик попетлял возле золотистого соломенного бока, да тут же и воткнулся в него, довольно урча.

– Опять мышей гоняешь?! – поинтересовался Андрюшка.

Кубик молчал.

– Эй, мышелов, айда обедать! – позвал мальчик, забираясь по рыхлому склону. Кубик полез следом.

– Ну-ка, что тут у нас? – Андрюшка развернул газетный свёрток с мамиными пирожками. Кубик, перебирая лапами, ждал. Мальчик разделил пирожок и положил половину перед псом. Кубик её тут же и проглотил.

С зарода даль открывалась и вовсе, казалось, неоглядная.

– Вон, смотри, козлы! – показал рукой со своей половинкой пирожка Андрюшка. Кубик послушно последовал взглядом за хозяйской рукой. Но кроме пирожка так ничего и не разглядел.

– Ах ты, обжора! – покори́л Андрей, протягивая другу и свою половинку, с которой пёс столь же споро расправился.

Косу́ли шли не торопясь небольшим табунком, времена́ми роясь в снегу. Подросшие козля́та попевали за матерями. Здоровенные самцы двигались впереди. Кубик, целиком глотая куски, тоже стал ози́раться. Вскоре и он увидел косу́ль. Пулей выскочил из соломы, бухнулся в сугроб и с лаем кинулся на стадо.

– Кубик, Кубик, стой, дурачок! – вопил ему всле́д Андрюшка. Но охотничий род всё гнал Кубика за добычей, а дворнягина нетерпеливая природа так и рвалась с привизгом из пасти.

Косу́ли презрительно оглянулись и легко, с достоинством побежали. Скоро они скрылись за ближайшим колком. Кубик полаял ещё для порядку и вполне удовлетворённый вернулся к зароду.

– Фу, пустолайка, и сколь тебя учить? – выговаривал Андрюшка, отдавая собаке последний пирожок.

После они ещё долго бродили среди колков и зародов. Андрюшка объел нарядный куст боярки. Но солнце уже полезло за чернеющий лес и скоро подожгло его скупой январской зарёй.

– Ну, друг, айда домой, – позвал Андрюшка.

Из лесу обдало морозом. К закату он опять набрался сил. В холодной тишине леса чернели осины, берёзы почти сливались со снегом, только у комля прорисовываясь тёмными пятнами коры.

– Страшно? – шёпотом спросил мальчик.

Кубик понуро брёл по лыжне и никак не реагировал на его слова, но Андрюшка знал, что лохматые уши пса слышат всё, а глаза зорко следят и за хозяином, и за лесом.

Хотя лес уже почти кончился, светлее не становилось. Накатывалась, со своими маленькими колючими светилами ночь. То тёплыми солнышками, то синим холодным светом

засияли огоньки деревень. Над ними висели еле уловимые в сумерках пологи дымов. Там были люди. Лес уже не казался родным и знакомым, захотелось скорее домой.

Вот и дорога, по которой возят сено в деревню.

«Как асфальт в городе», – подумал Андрюшка, снимая лыжи. Ноги никак не хотели идти пешком, так и стремились скользить, как на лыжне.

Неутомимый Кубик опять кружил в поисках собачьих меток.

Кончился ещё один счастливый день Андрюшкиного детства.

*Январь 2002*

### БАКЛУШИНСКИЕ ФЛОТОВОДЦЫ

С февраля ждём затайку, каждый день проверяем: «Как там, на дороге, тает или нет?». Вечерами выглядываем в проулок: «Как Баклуша?» Баклуша – большая лужа, иногда и летом она не высыхает, видно питают подземные ключи. Разливается она, заполняя перекресток. Дома и огороды расступились, освободили ей место. Уткам тут приволье, а их хозяйкам спокойно, вечером искать не надо, на реке-то, попробуй, дозовись.

Не оттаяла ещё дорога и на Баклуше высятся грязные снежные кучи, столканные после февральских буранов тракторами со всех сторон. Но тонкие ручейки потихоньку все же прорезают грязный снег, стремясь наполнить заснеженную впадинку Баклуши.

Воды становится всё больше. С утра ещё лёд. На всякий случай, пробуем пройти по нему. Трещит, гнётся, разбегаются паутинками трещинки. В конце концов, ледок не выдерживает, ломается, и кто ни будь из нас, обязательно соскальзывает, наливая воды в сапоги...

– Пора! – решает Олег, когда лёд перестаёт держать, проламываясь даже утром.

Тем же проулком, перебираясь через затопленные колеи, идём на Степь. Под заборами и сараями ещё властвует зима, и снег спекся, стал твердым как камень. За деревней дорога тоже вся вспухла от воды, в озерки стремятся мутные ручьи. Под высокой стеной мельницы

пробивается с робкой радостью, крапива, одуванчик выпустил резные лисья. А на солнечных склонах овражков всюду цветет мать-и-мачеха. Все ловят скудное пока тепло.

В плоском пространстве Степи возникают, наконец, ряды ровных румяных сосновых хлыстов. Смоляная испарина выступила на спилах и ранах оставленных стальными тросами, которыми стволы были перевязаны, чтобы привезти их сюда из далёкой таёжной Бутки.

Достаем ножи, каждый ещё издали приметил по лесине, и с корявых смоляно-душистых комлей срезаем пласты коры, из неё и выстроится наш флот. Тут же, на припёке, усевшись на сосновые стволы, кто на что способен, режем и строгаем.

– У меня, фрегат получился. «Водителей фрегатов» читали? На таком капитан Кук плавал, – рассказывает Вовка.

– Это, которого аборигены съели, что ли? – смеется Олег, не отрываясь от своего кораблика.

– Надо три мачты, – серьёзно продолжает Вовка, – тетрадь, для парусов, взяли?

Все материалы, конечно, запасены.

К полудню по глади Великого океана – Баклуши, величаво белея парусами, покачиваясь на мелкой ряби, уходит вдаль наша эскадра. Четыре куска коры, с двумя или тремя остроганными прутиками – мачтами, послушные тонким щепочкам-рулям. А мы стараемся обежать озерко, чтобы встретить кораблики до того как прибойная волна прихлопнет их о травянистый берег. И так раз-за разом, до вечера. И вот, первый крик.

– Я начерпал! – это Олег кричит, – маленько.

– А я уже в оба сапога зачерпнул и то молчу, – отвечает Шурик.

Быстрые вначале наши корабли постепенно намокают и тяжелеют, становятся валкими и неуклюжими. Разбухшая кора не держит мачты и руль. Ждать перевёртышей уже не интересно, плывут долго, за траву цепляются размокшими парусами.

И воздух свежеет, всё обретает четкость, разгораясь в ответ закатному зареву. Пора и домой. Прославленные корабли покоятся у последнего причала. Голодные и промокшие герои-капитаны, моря грязюку, бредут на материнский суд. Да, только кто о нем помнит сейчас, о суде-то? На перебой хвелятся своими «морскими» подвигами и приключениями...

– Завтра опять после школы пойдем!

*Апрель 2005*

## АПРЕЛЬ

Дни заметно прибывли. Затемно идёшь на работу и зарю только примечаешь. Опомнишься, глянешь при случае на небо, а солнце, – вот оно, – сияет. Хрусткий ледок за ночь перемерз и со звоном крошится под ногами. К полудню оживают-просыпаются хиленькие сосульки и плачут скупой слезой.

Вот тут и выбирается из дому кот, жмурится от ярких лучей с непривычки и, удивляясь, вспоминает, что и тут, на завалинке, тоже бывает тепло. Воробьи заняты своим обеденным промыслом, копошатся в оттаявшей, втопаной когда-то в снег подсолнечной шелухе и совсем коту не интересны, он увлечен своим солнцем.

Вдруг встрепенулся котище, наострил уши, вглядываясь. Поднялась шерсть на котовом загривке – стая разношёрстных дворняг спешит по весеннему делу. И мелкие Бобики тут, и Джеки с Рексами покрупнее. Но унялся кот: и эти заняты, до него тоже никому дела нет. А ведь совсем недавно каждый барбос готов был погнаться за ним с остервенелым лаем.

У реки, вдоль берега проступили влажные серые пятна, и тропа, справно служившая всю зиму, возвышается белым гребнем. Набухла почками верба, соки ожили под тонкой корой, потекли к солнцу. Пушатся-цветут вербочки, хотя снега ещё по-зимнему искристы.

В деревнях по огородам отчаянно голосит скотина. Ошалела от свежести и света после долгих месяцев душных, сырых и тёмных конюшен. Телята, что впервые видят солнце, не

хотят выходить вовсе, упираются остренькими копытцами, прядут ушами и только после многих усилий хозяев делают шаг-два, и опять замирают, принохиваясь и озираясь.

В сугробах у дорог вода тихонько сочится сквозь несвежий снег, оставляя тонкие и прозрачные ледяные корочки, которые с хрустом рушатся лёгким ветерком. Высыхают к полудню следы колёс.

Люди тоже, вроде как, проснулись, и тоже будто не верят, что так бывает. И готовы уже убрать по шифоньерам тяжёлые шубы и колючие свитеры. Но... Стоит солнцу чуть опуститься к земле, возвращается цепкий и приставучий мороз. Воробьи попрячутся по чердакам, собаки и кот исчезнут куда-то. Водворятся в темницы коровы. Подёрнется скользкой коркой асфальт... И надоевшая было шуба покажется доброй заступницей.

*Апрель 2004*

### ОКАЗЫВАЕТСЯ

Оказывается, косатка – кит-убийца, гроза тюленей и дельфинов, напала на человека лишь однажды. Нечаянно услышал это в передаче по телевизору и сразу подумалось, а что ей за такая неминя на него нападать-то, что такое должно было произойти, чтобы этот грозный, но всё же почти, а может и не почти, разумный зверь решился на чреватую опасными последствиями затею? Ведь другие до того ниразу не решались. Либо зверь молодой, либо умом по какой-то своей китовой причине повредился, ведь бывает же, здоровые и совсем ещё непожившие киты сами выбрасываются на мелководье и там обсыхают до того, что и спасти не удаётся, либо...

И вот это последнее «либо» повело вдаль, завыплывали в памяти картинки...

Вспомнился огромного роста сосед, флегматичный, рассудительный и с виду, пожалуй, даже добрый. И его вздорная бабенка, часто пилившая его, даже и не упомянуть за что. Бегала вокруг, как мелкая и от того непременно нервно-злобная дворняжка и влаивала точно так

же. А он смотрел куда-то в пустоту выше её головы тусклыми печальными глазами и ничего на бабий брех не отвечал. Её это злило и раздражало ещё больше, и она заливалась со всё более страшной силой.

Знаю, пилят жёны почти всех, такая уж их бабья порода. И вот что интересно, глядя на какую-нибудь чудную девушку, отбрасывая неперемное молодецкое восхищение формами, улыбкой, остроумием..., думается, что вот и она будет кому-то женой и что она тоже нет-нет, да и научится пилить того счастливец, которого сама же и избрала, и так потихоньку войдёт это в обычай. И так, незаметно самая необыкновенно-прекрасная девушка превратится в обыкновенную сварливую бабу. Грустно оказывается... Ну, что тут поделаешь, такая она жизнь-а-а-а...

А про тех соседей... Видать всё же доставала она его, а как же. И видно это было на другое же утро. Выходила она в коридор, светя свежим лиловым синячиной. Соседки в такие моменты её жалели, а мужики посмеивались: «опять наскребла!..»

А она демонстративно готовила на двоих, себе и дочери. Но, толи сама быстро отмякала, толи он за долгую совместную жизнь узнал какое-то секретное средство, а вскоре появлялись они под руку. Он делал шаг, она четыре, но не отставала. Он шёл, всё так же глядя вдаль своими печальными глазами, и опять молчал, она безумолку говорила чего-то...

...Или, шли мы, ещё дети, из школы, ещё в деревне. Весна. Хорошо. Каникулы уже скоро. Идём, млеем от живого травяного духа, пряного и тягучего как ликёр. И кажется, это он жарким потоком обтекает лицо. И не верится, что воздух это смесь газов без цвета и запаха. Вспоминается сущий везд, отменённый учёными мужами эфир... Это я сейчас могу многое сравнивать и обзывать при этом как-то, а тогда, конечно, не мог. Тогда было просто хорошо...

И вдруг, бывает же, оказывается. Дрянной однокласник со своим коллективом подельников ни с того ни с сего налетел с неумеренными подростковыми матюками, и когда

понял, что его поганый клёкот как раз попал куда бы не надо, разошёлся ещё больше. Завываливал всё дерьмо, что накопил за недолгую, но богатую гадостями жизнь. И уже ватага притихла ошеломлённая превышением дозы мерзости, а он, и остановиться-то не может...

И, вот ведь, тоже закон жизни, нашёлся народный герой. Вломил ему, как и положено, один раз. Заткнул вонючую прореху. Покатился, сам напуганный своими речами начинающий матерщинник, подминая неокрепший конотоп. А рассудительный и вовсе не буйный герой пошёл дальше, забыв о поверженном бесёнке.

Вот так, оказывается, и самый терпеливый может стать страшным. Не то ли и с китом-косаткой, с тем, что на человека напал? Хотя, зачем на кита, да и на человека пострадавшего напраслину возводить. Сам-то я не видел и по телевизору только как интересный факт упомянули. Да, по нему, по телевизору-то столько уже всего наговорили... Всему верить, что ли?...

*Апрель 2005*

## ОСЕННЯЯ ТИШЬ

Сытая осень. Время замерло и течет вяло, нехотя. Ночами звездится небо и хрустит под ногами призрачный, словно тень, белёсый цепкий иней – дыхание ещё далёкой зимы.

Тишина вселенская, даже собаки замерли, прислушиваются, ловят хоть какой-то звук. Нехотя ворчат из глубины дворов, слыша мои гулкие шаги. За деревней звуки летят в мглистую даль, разрушают эту хрустальную тишь. Сворачиваю с дороги на упругий травяной ковёр, теперь из-под ног пробивается лишь звонкое шуршание.

Над рекой – белая от огней деревни испарина. За ней – мерцающая чёрная пустота, а сверху лучатся звёзды.

Перехожу мост. Лампы деревенских фонарей слепят. Каждый шаг – в неизвестность...

Скоро проявляются дорога и моя долговязая от далёких теперь фонарей тень. Чёрными провалами видятся ямки и дорожные колеи, а болотце справа – точно пропасть.

В лугах высокие травы встречают в полной тьме стылую резину сапог в сто крат усиленным хрустом. Кажется, этот шум наполняет всё пространство не на одну сотню метров вокруг. Стоит остановиться, и тишина накрывает с головой. Ничего не изменилось – спят луга.

Стволы ружья впитывают пронизывающий всё предрассветный мороз. Сапоги одеревенели, ледяными тисками охватили ноги. Ещё шаг, и с тем же хрустом осыплются на иней осколками.

У озерины вдруг звон исчезает, травы отзываются обычным шуршанием. Становится заметно теплее. В недвижимых посохших камышах у берега даже сквозь сапоги от воды проникает тепло. Озеро за лето накопило солнечный жар и сейчас согревает свои берега, продлевает жизнь последним осенним цветкам, травам-однолеткам, слизнякам и всяким букашкам. Ещё хоть немного порадуются.

Солнце всходит быстро, уже розовым светом озарены кусты на том берегу. Утки поднялись, только далеко – не попасть. Запорхали пташки. Высоко в лазоревой дали, ломаясь и перетекая в сторону Убьённого лога, потёк журавлиный клин.

Домой идти легко, добычи-то нет. Ожил мир. По дороге движутся машины. У берега реки – стадо коров. В прозрачном воздухе краски яркие и чёткие. И всё та же осенняя тишь...

*Октябрь 2001*

## ПАСТУШОК

В нашем селе Ковриге, как и во многих уральских и сибирских сёлах, наемных пастухов для частного стада не бывало. Чтобы никому не было в тягость или обиду, хозяева пасут

своих коров по очереди, которую строго соблюдают, либо заранее договариваются о подмене.

Попадают в пастухи несколько раз в год. Может, оттого, что это нечасто бывает, пастушество всегда ждуг, каждый по-своему.

– Коров-то пасти – праздник! – объявляет суровый дед, поджидающий свою корову с пастбища. Он всегда в этот день надевал белую рубаху, опрятный пиджак, сапоги – как на ярмарку.

– А, чо не праздник-то? Лежи себе. Лишь бы не мочило, – соглашается здоровенный хозяин здоровенного же быка.

– Ну, тебя прошлый раз по всей рёлке искали. Коров-то уж подоили. Думали, утонул. А вы с Иванком-то тамо на горочке и посыпаете. Красного-то бутылок пять, поди, опростали? – подначивает крепкая еще бабушка.

Ну, и ребяшня ждёт, конечно. Утром рано вставать, наравне со взрослыми идти со «специальной» вицей и котомкой.

– Чо, знать-то, сегодня пастух? – провозжают вопросом встречные.

– Ага! – подтверждает важно пастушок.

А когда коровы лезут от жары и паутов в воду и сидят там, как африканские бегемоты, томно прикрыв глаза и прядя ушами, которые, «вот беда», мочить никак нельзя. Лезут туда же, только выше по течению, и пастушки. Обгорают за день на солнце до нестерпимых ожогов, которые не дадут уснуть, пока мама не смажет тройным одеколоном, а потом сметаной.

Под вечер, когда наевшиеся коровы запросятся домой, а старшие, утомлённые бездельем и зноем, не смеют их отпустить до срока, начинается у пастушков работа. Они понимают: «Вот для этого и я тут, как взрослый».

Носятся по пастбищу, сгоняют не в меру настырную скотину в стадо, сдерживают натиск, пока, наконец, «командир» не даст «отмашку». Тогда можно и отступить. Бредут пастушки, глотая поднятую нетерпеливыми копытами пыль и подгоняя тоже уставших телят-сеголеток.

– Ну, чо, пастушок, никого не пропас? – ехидно спросит, загоняя свою корову домой, пожилой сосед.

– Не-е-ет, – серьезно и устало отвечает пастушок, счастливый от выполненной работы и заслуженного отдыха.

И, слава Богу, что этот утомительный день кончился. Но, отдохнув, опять будет ждать пастушок, когда его снова возьмут в расчет, как взрослого, и снова поднимут рано утром, как равного.

*Август 2004*

## ПО-НАД МОРЕМ ГОРОДСКИМ

Так уж получается, живут себе птицы небесные и не во что нас людей не ставят. Может и не видят вовсе нашей суеты-беготни, мытарств и праздников которые мы сами себе придумываем, да ведь и мы их настоящей жизни не видим.

Содержимое мусорных баков, что кормит уже не одно поколение городских птиц, тоже, пожалуй, для них никак с нами не увязывается. А собаки, коты и те люди, что волей судьбы становятся постоянными посетителями тех же баков, так, ещё одна деталь привычного городского птичьего мира.

Течёт себе жизнь городских птиц: воробьёв, синиц, галок, голубей, по устоявшейся обточенной природой дороге. Только, обязательно, по весне приносит птичий мир всякие неожиданности.

Ненадолго появляются скрытные, себе на уме, философы – дрозды, только и позволяют поглядеть на них, показать, что они ещё тут, никуда не исчезли, не вымерли. А потом и не увидишь молчунов.

Ну, и конечно, жители высоких замков – аристократы сороки. Как только не обозвали мы, люди, это племя, что трещит, кажется, безумолку, но ведь это только в периоды великого волнения. А волноваться и сорокам весной повод есть, и стал я не так давно свидетелем такого волнения, что и сам, признаться, разволновался.

Приходит пора сорокам возвращаться в свой открытый всем ветрам и взорам дом, возведённый где нибудь у вершины высокого дерева, как будто на высокой горе или на открытом всем ветрам морском берегу. И вид оттуда, сверху, наверно, как на море, тоже беспокойное и непостижимое в своём приземлённом естестве – городское море.

Но и эта стихия, как и море настоящее, может нести беду – разрушить привычный ход жизни, разметать незыблемую твердь, что приютила дом. Одно из таких бедствий – опиливание деревьев, для нас привычное и, наверно, чем-то объяснимое мероприятие. Но уж точно, не имеющее в птичьем понимании никакого оправдания.

И вот случилось однажды, обкорнали люди в зелёных и жёлтых жилетах все постаревшие, а стало быть, и самые высокие тополя в округе, и упала толстая длинная ветвь с пусть и не новым родовым гнездом. На земле ветви распилили на поленья, побросали их в обмёрзший кузов грузовика и увезли. А сороки остались у своей поверженной твердыни. И вроде рано ещё начинать обживать её, а прилетели обсудить, погоревать-поплакать.

Одна поскакивала по земле, изучая кучки мелких веток и опилок, и, кажется, всё искала остатки своего гнезда. Другая же, совершала облёт уцелевших деревьев, наверно тоже искала... подходящее место для нового дома. Обе громко с негодованием перекрикивались по-сорочьи.

Через день основали сороки новое гнездо, на уцелевшем тополе пониже. Только, видать, поторопились, через пару дней разобрали недостроенное, уже довольно большое сооружение. Может, ещё раз всё осмотрели, обсудили, когда эмоции отбушевали да и решили, что тополь дерево ненадёжное. А стройка уже во всю развернулась ударными темпами на яблоне. Построили быстро. Вроде бы жить да и радоваться...

...Но, что там творится в сорочьей чёрной голове?

И это гнездо порушили сами и перенесли на молодой, но уже довольно высоконький тополёк, вот опять тополёк, всё тут же рядом. И, что их в этом месте держит?

Толи вид на городское море так уж хорош? Толи все другие подходящие для сорок места заняты, а лететь в даль-дальнюю не решились? Вот пойдя, разбери?

*Апрель 2008*

## СВЕТ

Вон Свет. Там, далеко, в конце улицы, как в конце известного тоннеля. А людей нет, ничего нет. Только я и Свет, что струится из той дали, подсвечивая призрачные очертания деревьев, домов, тени существ.

Они, эти тени скользят бесшумно, не задевая меня, они мне не страшны, не опасны, не интересны, мне от них ничего не надо...

– Молодой человек, который час? – слышится откуда-то.

Поворачиваю голову, одна из блеклых теней превращается в старушку. Проявляется она как-то сразу целиком. Вот, старушка спрашивает время. Отвечаю и тут же теряю её из виду, спешу туда к зовущему жаркому мерцанию.

На мутном перекрёстке скрип тормозов и грубый вопль: «Куда прёшь, придурок...». Точно, я не дождался зелёного сигнала, вот болван. Жду...

И опять иду дальше.

Обхожу группу плечистых фигур, грозно расположившихся на тротуаре, и устремляюсь туда, к Свету, он уже близко и они его не заслонят. Легче меня убить...

Вон он, Свет, из того окна, всё ярче и жарче. Сердце заходится в бешеной истоме, щемит в груди, сбивается дыхание. Свет, Свет...

Лужа. Нет, это уже... Перепрыгиваю... Совсем ничего.

Вон Свет сочится под дверью подъезда, в замочную скважину, из окон лестничных площадок. Струится красно-белый, нестерпимый.

За спиной крылья, ступеней нет. Сбиваюсь со счёта этажей. Это какой? Третий или четвёр... Нет всё, это пятый.

Вот, эта раскалённая дверь, не обжечься бы. Там за дверью... Там всё... Там...

Давлю кнопку звонка... Жду. Свет мерцает... Давлю снова: «Вот, он, я...» Тишина... Звоню ещё... Свет меркнет... «Ну вот же я...»

Стою у серой двери, смотрю в окно лестничной площадки в глубину солнечного, но всё равно серого двора.

Леденю... Умираю...

*Июнь 2007*

## СИЛЬНЫЕ ЗВЕНЬЯ

Солнце катится по крутой горке вниз и будто ещё напоследок оглядывается, повисает над горизонтом. Тяжёлый прокалённый воздух наполняется стрекозами и злыми комариками, начинает потихоньку остывать. Небо, наоборот, словно отбирает у него жар, разгорается на западе огнём. На востоке яркими розовыми кучами грудятся сонные облака. В кустах и низинках густеют сумерки.

На костре уже бурлит уха, и нос, отзываясь на её немой призыв, так и тянется к котелку. Тело ликует от долгожданного отдыха, полными лёгкими втягивает и сытный дух ухи, и

едкий дымок весёлого костра, и последние нежные медовые разливы предзакатного разнотравья.

Пожар на западе догорает, тучи чернеют и тают во тьме, на небо высыпают несметные звёзды.

Чебаки совсем разварились, и их мелкие косточки то и дело попадают некстати в ложку.

Звёзды мерцают и манят. Из-за кустов, что высятся вдали грозным чёрным воинством, крадучись подползает по макушкам трав тонкий, необыкновенно белый туман.

Костёр расправился с ветками, задремал, потрескивая угольями. Спину давно холодит, но двинуться и пробудить огонь новыми подношениями почти невозможно. Мрак и мерцание пепла заворожили. Так и усну сейчас. Мир замер...

Прозрачную тьму пронзает неожиданный металлический звон. Стреноженный коняга вскинул голову, брякнув боталом за рекой. Резко и отчётливо слышатся в тишине откуда-то издалека позывные «Маяка» – какие-то рыболовы радио слушают. Меж звёзд пробирается, то вспыхивая, то пропадая спутник...

Надо дать какой-то знак, объявить о себе живым. Топор яростно рубит обречённый сушняк. Костёр помешкал для приличия, но всё же взялся за своё древнее дело, вскидывает в небо новые яркие вертлявые звёздочки искр. Из туманной мглы возникают мокрые от росы тучные травы и косматой зелёной стеной ивовый куст.

Двигаться... Что же ещё сделать-то? Может, посуду помыть? Костёр трещит, мечется за спиной. Тень извивается, прячется от живого огненного сияния в камышах, между листьями кипрея и лопуха. В реке отражаются ночные светила, пляшут, раздваиваются и вновь сливаются. Тёплая звездистая вода бесшумно принимает тарелку. Меж звёзд бегут круги, всё дальше несут весть о вторжении. Скоро отозвались невидимые кусты на том берегу, и круги уже бегут обратно, пересекаются. Звёзды выписывают причудливые зигзаги, роясь

огоньками. Плескание разбудило дремавшую в тростниках рыбину, и та бухнула по воде. Ожила, зашевелилась река...

Наверное, там, вдали, кто-нибудь увидит и мой костёр. И он тоже станет вместе с рекой и ветром ещё одним маленьким звёнышком в тонких цепочках событий, что творят земной мир, нашу Вселенную. Тех цепочек, которые и называют – жизнь.

*Октябрь 2001*